

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2023

Том 23
Выпуск 2

Алексей Яркеев

Роль политической теологии мученичества в становлении протонационального патриотизма в средневековой Европе

Андрей Коряковцев

«Экономика дефицита» Я. Корнаи в контексте «политэкономии реального социализма»: методологический аспект исследования советского общества

Наталья Панкевич

Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства

Александр Павлов

От социальной аллегии к политическому высказыванию: академическая рецепция американского хоррора XXI века

Александр Савоськин

Вероника Мещерягина

Татьяна Фалькина

Правозащитный потенциал депутатов в Российской Федерации

Евгений Комлев

Ответственность представительного органа муниципального образования: концептуальный подход

Мария Кокотова

Представительство населения в местных консультативных органах

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 23

Выпуск 2

Екатеринбург – 2023

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Цинянь АНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЪЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); КиберЛенинку; базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI); международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 г. В 1999–2018 гг. выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 г. журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте <https://www.ural-press.ru>).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

Russian Academy of Sciences

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 23

Issue 2

Yekaterinburg 2023

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **Qinian AN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal has been included into the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of science should be published (specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). It is indexed and referenced in the Russian Science Citation Index (RSCI); CyberLeninka; RSCI database on the Web of Science platform; EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Founder and Publisher

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The journal has been published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal has been published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency "Ural-Press" (contacts of the nearest offices are to be found on the website <https://www.ural-press.ru>).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 5, 2019.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Яркеев А.В.* Роль политической теологии мученичества
в становлении протонационального патриотизма
в средневековой Европе.....7
- Коряковцев А.А.* «Экономика дефицита» Я. Корнаи
в контексте «политэкономии реального социализма»:
методологический аспект исследования советского общества27

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Панкевич Н.В.* Децентрализованные ценностно мотивированные
сообщества: к обновлению и институциональному развитию
государственной политики единства.....47
- Павлов А.В.* От социальной аллегории к политическому высказыванию:
академическая рецепция американского хоррора XXI века.....77

ПРАВО

- Савоськин А.В., Мещерягина В.А., Фалькина Т.Ю.* Правозащитный
потенциал депутатов в Российской Федерации.....97
- Комлев Е.Ю.* Ответственность представительного органа
муниципального образования: концептуальный подход121
- Кокотова М.А.* Представительство населения
в местных консультативных органах.....146
- Книжная полка**.....162

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- A. Yarkeev.** The Role of the Political Theology of Martyrdom
in the Formation of Proto-National Patriotism in Medieval Europe7
- A. Koryakovtsev.** The “Economics of Shortage” by János Kornai
in the Context of the “Political Economy of Real Socialism”:
A Methodological Aspect of Studying the Soviet Society 27

POLITICAL SCIENCE

- N. Pankevich.** Decentralized Value-Inspired Communities:
Towards the Renewal and Institutional Development
of the State Unity Policy47
- A. Pavlov.** From Social Allegory to Political Statement:
Academic Reception of American Horror of the 21st Century 77

LAW

- A. Savoskin, V. Meshcheryagina, T. Falkina.** Human Rights Potential
of Deputies in the Russian Federation 97
- E. Komlev.** State Liability of a Local Council: Conceptual Approach 121
- M. Kokotova.** Representation of Population in Local Consultative Bodies 146
- Shared Shelf**..... 162

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Яркеев А.В. Роль политической теологии мученичества в становлении протонационального патриотизма в средневековой Европе // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 7-26. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_7

УДК 322:272

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_7

Роль политической теологии мученичества в становлении протонационального патриотизма в средневековой Европе

Алексей Владимирович Яркеев

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

*Поступила в редакцию 10.02.2023, поступила после рецензирования 03.04.2023,
принята к публикации 10.04.2023*

Статья посвящена историко-философскому исследованию зарождения и формирования в средневековой Европе предпосылок национального патриотизма в оптике политической теологии мученичества. Утверждается, что фигура национального героя-патриота, жертвующего собственной жизнью во имя отечества (pro patria mori), обладает определенным мартирологическим содержанием, производным от христианского культа мучеников. Готовность к смерти за свои убеждения и веру, придающая феномену мученичества политически мотивированный характер, позволяет говорить о возможности построения политической мартирологии, в границах которой христианский мученик как гражданин небесного града (civitas coelestis) предстает в качестве защитника своего райского отечества (defensor patriae paradisi), жертвующего ради него собственной жизнью. С момента обретения христианством

© Яркеев А.В., 2023

статуса государственной религии небесный град оказывается вовлеченным в исторический контекст Поздней Римской империи, с перспективами которой фактически отождествляется судьба самого христианства. Необходимость защиты империи от варварских нашествий вынуждает theologов разработать понятия справедливой войны (*bellum iustum*) и священной войны (*bellum sacrum*), приведшие к обмирщению представления о воинстве Христовом (*militia Christi*), которое изначально подразумевало участие в сражении с силами зла только на правах духовного воинства. Совмещение двух аксиологических систем (церковное воинство и мирское воинство) осуществлялось посредством героизации и милитаризации фигуры мученика, с одной стороны, и функционально-образного сопоставления фигуры воина с фигурой мученика, с другой. Защита Святой земли (*Terra Sancta*) в эпоху крестовых походов послужила моделью, на основе которой представление о небесной родине начало функционировать в секулярном регистре. Вследствие дальнейшей эволюции монархического государства в парадигме «политического тела» (*corpus politicum*) религиозный императив самопожертвования христианина во имя небесного отечества приобрел вид публично-правового требования гражданского самопожертвования ради земной отчизны, впоследствии оформившейся как национальное государство.

Ключевые слова: политическая теология, мартирология, мученичество, мученик, христианство, Средние века, патриотизм, патриот, нация

The Role of the Political Theology of Martyrdom in the Formation of Proto-National Patriotism in Medieval Europe

Aleksey V. Yarkeev

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Received 10.02.2023, revised 03.04.2023, accepted 10.04.2023

Abstract. The article is devoted to the historical and philosophical study of the origin and formation of the prerequisites of national patriotism in medieval Europe in the optics of the political theology of martyrdom. It is argued that the figure of a national hero-patriot, sacrificing his own life in the name of the fatherland (*pro patria mori*), has a certain martyrological content derived from the Christian cult of martyrs. The willingness to die for their beliefs and faith, which gives the phenomenon of martyrdom a politically motivated character, allows us to talk about the possibility of building a political martyrology, within the boundaries of which a Christian martyr as a citizen of the heavenly city (*civitas coelestis*) appears as a defender of his fatherland (*defensor patriae paradisi*), sacrificing his own life. Since Christianity acquired the status of the state religion, the heavenly city has been involved in the historical context of the Late Roman Empire, with the prospects of which the fate of Christianity itself is actually identified. The need to protect the empire from barbaric invasions forces theologians to develop the concepts of just war (*bellum iustum*) and holy war (*bellum sacrum*), which

led to the secularization of the idea of the army of Christ (militia Christi) that initially implied participation in the battle with the forces of evil only on the rights of a spiritual army. The combination of two axiological systems (Christ army and secular army) was carried out through the glorification and militarization of the figure of the martyr, on the one hand, and the functional-figurative comparison of the figure of the warrior with the figure of the martyr, on the other. The protection of the Holy Land (Terra Sancta) in the era of the Crusades served as a model on the basis of which the idea of the heavenly homeland began to function in the secular register. As a result of the further evolution of the monarchical state in the paradigm of the “political body” (corpus politicum), the religious imperative of self-sacrifice of a Christian for the sake of the heavenly fatherland acquired the form of a public-legal requirement of civil self-sacrifice for the benefit of the earthly fatherland, which later took shape as a national state.

Keywords: political theology, martyrology, martyrdom, martyr, Christianity, Middle Ages, patriotism, patriot, nation

For citation: Yarkeev A.V. The Role of the Political Theology of Martyrdom in the Formation of Proto-National Patriotism in Medieval Europe, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 7-26. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_7

Введение

Теолого-политическая проблематика, считающаяся преимущественно особенностью западнохристианского мира, восходит к диалогу Платона «Государство», в котором теология преподносится как проблема политической теории (*typoi peri theologias*). Ввиду того, что связь между политическим и теологическим с тех пор носит сущностный характер (Taubes 1955: 57), можно постулировать наличие двух принципов, лежащих в основе политической теологии. Первый принцип, как хорошо теперь известно, был сформулирован К. Шмиттом, указавшим на фундированность государственно-правовых понятий теологическими дефинициями (Шмитт 2000): политическое представительство суверена является аналогией/проекцией божественного всемогущества, со всеми вытекающими из этого параллелизма следствиями для политической реальности. Второй принцип, предложенный Я. Ассманом, представляет собой инверсию первого, расширяя его вплоть до его собственной предыстории: религия, давшая точные понятия учению о государстве, сама родилась «из духа политического» (Ассман 2022: 67-68).

При более пристальном взгляде не представляется возможным в исторической ретроспективе четко отделить теологическое (религиозное) от политического с точки зрения того, что из них было хронологически предшествующим и/или логически определяющим по отношению к другому. Поэтому более уместным видится восприятие имманентного и трансцендентного порядков как зеркальных отражений друг друга. «Метод *quid pro quo* – использования богословских понятий для определения государства – применялся веками, но точно так же *vice versa*: в первые столетия христианства имперская политическая терминология и императорский церемониал были приспособлены для нужд церкви» (Канторович 2015: 87). Действительно, реальность христианского мира создавалась посредством перенесения

политических понятий и институций в область религиозных представлений и практик¹, а в эпоху начавшейся секуляризации уже светский общественно-политический уклад формировался под влиянием христианской теологии, порождая в том числе так называемые политические религии (Джентиле 2021), включая и национализм, в котором нация предстает объектом квази-религиозного² поклонения, сакрализации³ (принцип *cuius regio eius religio* сменился принципом *cuius regio eius natio*). Данное влияние явным образом прослеживается не только в процессе выработки понятия суверенитета, но и в становлении национального патриотизма, в рамках которого христианский мученик выступает в качестве прототипа героя-патриота, жертвующего собственной жизнью во имя отечества⁴. Развернутой экспликации этого утверждения и посвящены нижеследующие соображения.

Христианское мученичество в теолого-политической перспективе

Уже в недрах средневекового сословно-феодального общества набирали силу процессы, которые привели к появлению нации (Kantorowicz 1951; Koht 1947; Post 1953). Выработка данного понятия шла рука об руку с использованием слова «отечество»⁵, имевшего давние традиции. В европейском политическом языке второй половины XVIII в. слово «патриотизм» стало одним из наиболее часто употребляемых, так как формирование нацио-

¹ Так, «литургический» принцип функционирования христианской Церкви берет свое начало в древнегреческой практике полисной жизни, накладывающей на граждан обязательство по предоставлению ряда услуг ради общего интереса. Именно это общественное предписание в классической Греции именовалось термином «литургия» (*leitourgia*; от *laos* – «народ», *ergon* – «дело»). Максимального распространения система литургий достигла в императорском Риме. Когда христианство стало государственной религией, священство начало рассматриваться как некая публичная служба, и в этом усматривается одна из причин, по которой литургия обособилась в культовом смысле (Агамбен 2022: 19-22).

² П. Тиллих противопоставляет квазирелигиозное псевдорелигиозному, понимая под последним обманчивое сходство с религией, тогда как в первом случае речь идет фактически о тождестве. Если религия – это состояние абсолютной захваченности предельным интересом (Бог или боги), то в секулярных квазирелигиях в качестве предельного интереса выступают народ, наука, определенная стадия исторического развития, высший идеал человечества и т.д., которые некоторым образом обожествляются. Принципиально важным моментом, специфицирующим религиозное или квазирелигиозное, является готовность пойти на смерть ради того, что считается объектом предельного интереса (Тиллих 1995: 398-399).

³ «Национализм в современном смысле возникает лишь после того, как секулярная критика разрушает единство религиозного освящения и группового самоутверждения, когда освящающая религия отодвигается в сторону, а образовавшаяся пустота заполняется национальной идеей, которая выступает в качестве предельного интереса» (Тиллих 1995: 404).

⁴ Более подробно о культе мучеников в политических религиях эпохи модерна см.: (Зыгмонт 2019; Зыгмонт 2021; Зыгмонт 2022; Мальшева 2022).

⁵ Еще до раздела Западной Римской империи между варварскими королевствами в ней уже *de facto* существовал институт королевской власти, «поскольку каждый

нального самосознания и чувства гражданской ответственности у многих европейских народов происходило именно в рамках патриотических установок (Хаванова 2000: 5). Примерно с конца XII в. средневековые юристы, рассуждая о справедливой войне ради защиты отечества, все чаще стали ссылаться на синтагму *defensio patriae* из римского права (Post 1953: 282), а посредством систематически употребляемых интеллектуалами в качестве формул гражданских добродетелей античных максим и сентенций – *Pugna pro patria!* («Сражайся за отечество!», Катон), *Dulce et decorum est pro patria mori* («Сладостна и прекрасна смерть за отечество», Гораций), *Patria mihi vita mea carior est* («Отечество мне дороже собственной жизни», Цицерон) и др. – понятие «отечество» уверенно обретало прежний политический смысл и включалось в круг средневековых протонациональных представлений.

Античное (греко-римское) представление об отечестве (греч. *πατρίς*, лат. *patria*), во имя которого стоило жить и умирать, в раннесредневековую эпоху, когда локальные личные связи между сюзереном и его вассалами на основе клятвы верности были определяющими для политической жизни, практически вышло из употребления. Слово *patria*⁶ в то время часто использовалось для обозначения небольшой области, провинции, непосредственного места рождения и проживания человека (Koht 1947: 266-267; Канторович 2015: 334-335)⁷, а защита *patria* предполагала естественную защиту своего дома и имущества, но больше не было «общего патриотического чувства – такого, какое объединяло когда-то афинян, фиванцев или спартанцев» (Моруа 2022: 51). Только люди, причастные к классическому образованию (*literati*), могли в полной мере понимать истинный (гражданско-политический) смысл данного слова.

Несмотря на это, героическое самопожертвование воина все же существовало в Средние века, только он приносил себя в жертву за своего господина и повелителя (*pro domino*), а не за территорию или идею «государства». «Политическая» жертва рыцаря носила личный и индивидуальный,

генерал был подлинным королем в той местности, где дислоцировались в данный момент его войска, обычно однородные по этническому признаку, а потому и связанные узами не только профессиональной, но и этнической солидарности» (Флори 2006: 31). До поры до времени эта власть была странствующей (так как легионы перемещались по территории империи), пока не облюбовала себе определенные земли, ставшие территориальными королевствами – обителью варварских «наций» (*barbarae nationes*). Вместе с формированием средневековых «национальных» государств шел и сопутствующий ему процесс кристаллизации представления о родине (Блок 2003: 424-428).

⁶ Римляне использовали термин *patria* как синоним *res publica*, а термином *natio* обозначали место рождения и все, связанное с ним, – этническую идентичность, язык и т.д. (Bobbio, Viroli 2003: 18).

⁷ Например, английская юридическая формула *per patriam se defendere* («защищать себя при помощи родины») использовалась в те времена для обозначения такого способа защиты ответчика, при котором он подчинялся суду своего сообщества (Канторович 2015: 335). В средневековом юридическом языке под влиянием римского права сохранялось различие между непосредственным местом жительства как малой родиной (*minor patria*) и Римом как общей родиной (*communis patria*).

а не «общественный» характер, и это была та жертва, которая вытекала из отношений между сеньором и вассалом, из идеи личной верности, которую средневековая литература так обильно восхваляла и часто прославляла (Kantorowicz 1951: 477). По мнению Ф. Кардини, развитие феодально-рыцарской эпохи во многом было обусловлено явлением «варварских» комитатов (*comitatus*) древнегерманских военных дружин, принципы существования которых в ходе длительного процесса христианизации вошли в плоть и кровь рыцарского этоса, сформировали социально-юридическую и экономическую основу феодального общества. Отделение воинской дружины как искусственного образования от естественной родоплеменной организации (*natio*) имеет древнюю историю, уходящую корнями в религиозно-мифологические представления прагерманцев. Здесь важно отметить то обстоятельство, что воинское сообщество строилось вокруг вертикальной системы отношений «вождь – рядовой», где вождь – это первый в обществе равных, на что указывает этимология терминов *senior* (старший) и *princeps* (первый). Защищать и оберегать вождя – самая священная обязанность воина (Кардини 1987: 104-147).

В период феодальной раздробленности, спорных территорий, анархии, внутренних раздоров и варварских нашествий пространство Европы представляло собой скопление слабо связанных между собой мелких и крупных сеньорий (города, монастыри и замки, окруженные мощными стенами), в которых развивалась ограниченная местная власть, группировавшая вокруг себя военные и политические силы (Кардини 1987: 317). «Священнослужители или миряне, графы или епископы – все теперь сеньоры, у всех есть замки, вассалы. Присвоив себе королевские привилегии, они чеканят монету, собирают налоги, вершат правосудие. Власть не терпит пустоты; если ее не осуществляет монарх, тут же вступают в силу феодальные отношения, а народу лучше уж тирания, чем полная неуверенность в завтрашнем дне» (Моруа 2022: 55). Императив безопасности был побудительной причиной стремления к вассальным отношениям. Разумеется, в этих условиях также ни о каком «отечестве» в общественно-политическом значении не могло быть и речи.

Кроме того, христианство как идеологическая основа средневекового общества «дезауировало» мирское значение *patria*, придав ему потусторонний и космополитический характер. Универсалистский дух христианства способствовал ослаблению привязки к конкретному месту проживания. Политический политеизм Поздней Римской империи подготовил благоприятную почву для новой религии, лишив божественное национальности и сделав его вселенским (Буркхардт 2003: 208). Христианский народ, будучи «третьим народом» после иудеев и эллинов, существенным образом отличается от первых двух тем, что возник исключительно на религиозной основе (тогда как эллины и иудеи обладают еще этническими, политическими, культурными и территориальными характеристиками) и понимается как продолжение божественного порядка на земле, воплощенного в церковной организации (Кривушин 2013: 10). Подобно другим народам, христиане имеют свои правящие династии (апостолы, епископы), свои внутренние смуты (ереси, схизмы), свои войны и своих героев (мученики,

святые). «Согласно учению древней церкви и отцов, христианин был гражданином града не от мира сего. Его истинной patria являлось Царство Небесное, небесный град Иерусалим. Конечное возвращение в это духовное и вечное “отечество” было, согласно Посланиям Апостолов, естественным желанием всякой христианской души, странствующей по земле» (Канторovich 2015: 335-336)⁸.

Один из самых ранних текстов в церковной традиции – Послание св. Климента Римского к коринфянам – начинается словами: «Церковь Божия, находящаяся в Риме, Церкви Божией, находящейся в Коринфе...»⁹. На греческом слово «находящаяся» (παροικούσα, paroikousa) буквально означает «странствующая», «живущая на чужой стороне». Греческий глагол παροικεῖν (paroikein) противоположен глаголу κατοικεῖν (katoikein), который обозначает то, как живет гражданин (города, государства, царства или империи). Таким образом, в термине paroikousa выражалось мессианское сознание христиан, что они странники и пришельцы на земле, которые здесь не имеют постоянного местопребывания и права гражданства, но живут в определенном месте этого мира как временно поселившиеся чужестранцы (Agamben 2012: 1-4)¹⁰. По всей видимости, такое представление отсылает к утвердившемуся в древнегреческой традиции пониманию изгнания как метафоры совершенной жизни философа, подобной Богу. Как известно, Аристотель определял форму жизни философа как «иностранную» (ξενικός βίος, xenikos bios). Поэтому изгнание («бегство от века сего», fuga saeculi) становится учреждающим принципом для монашеских киновий как политических сообществ sui generis (Agamben 2020: 79).

Временное пребывание христиан в этом мире в ожидании прихода Мессии связано с «задержкой парусии» (παρούσια, parousia). Согласно этой позиции, которая всегда казалось парадоксальной, первоначальная христианская община, ожидающая неизбежного прихода Мессии и тем самым конца времени (εσχάτον, eschaton), сталкивалась с необъяснимой задержкой. В ответ возникла переориентация на стабилизацию институциональной и юридической организации ранней Церкви. Последствие этой позиции состоит в том, что христианская община прекратила paroikein (пребывать как чужеземец), чтобы начать katoikein, то есть жить как гражданин и тем самым функционировать как любой другой земной институт

⁸ Поэтому тезис о том, что «христианство началось как религия без политической родины» (Бауэр 2019: 11-12) нуждается в уточнении: политическая родина христианства относится не к земной реальности, а небесной. Именно в церковном языке на тот момент сохранилось исходное значение слова patria.

⁹ Св. Климент Римский. Первое послание св. Климента Римского к коринфянам // Патриаршее подворье в Переделкине. URL: https://peredelkino.online/upload/iblock/a02/kliment_1.pdf (дата обращения: 14.12.2022).

¹⁰ Вот как описывает эту манеру христиан неизвестный автор сочинения Epistola ad Diognetum в начале II в.: «Они живут в своих собственных землях, но как чужестранцы. Они принимают участие во всем как граждане, но относятся ко всему как иноземцы. Любая чужая страна для них – родина, и любая родная земля – чужбина» (цит. по: Шафф 2010: 21).

(Agamben 2012: 4). Данное обстоятельство вынудило Церковь вступить в конфликт со светской властью. В этом конфликте, где земной властелин требует абсолютного политического послушания и религиозной преданности, мученичество становится необходимым понятием для обоснования церковной автономии (Peterson 2011: 151-182; Schmidt Passos 2018: 505).

Церковная автономия, убежден Э. Петерсон, вступает в противоречие с понятием политической теологии ввиду того, что истина христианского откровения носит эсхатологический, а не политический характер. Царство Божье *не от мира сего*, поэтому политическая реальность для христианства абсолютно нерелевантна. Это обстоятельство демонстрируется сценой суда над Иисусом Христом у Понтия Пилата, которая становится своего рода архетипом репрезентации эсхатологической реальности в акте мученичества, противопоставляемого действию политических сил (Peterson 2011: 172-175). Возражение К. Шмитта на это утверждение сводится в общем к тому, что христианское сообщество и Церковь Христа существуют *в этом мире* в ожидании эсхатологической славы, и вопрос собственного выживания им приходится решать политическими средствами (Schmitt 2017: 41). Более того, всякое сознательное уклонение от политического является результатом политического решения (Шмитт 2000: 5-6). Понятие политического, по К. Шмитту, предполагает экзистенциальную угрозу жизни со стороны «чужого бытия» как свое предельное основание. Однако факт внешней угрозы жизни и факт внутренней готовности христианина к смерти за свои убеждения и веру еще не делают его политической фигурой: «Религиозная общность может потребовать от своего члена, чтобы он умер за веру смертью мученика, но только – ради спасения своей собственной души, а не за церковную общность как властное образование, находящееся в посюстороннем; иначе же оно станет политической величиной; его священные войны и крестовые походы суть акции, которые основываются на решении по поводу врага, как и иные войны» (Шмитт 2016: 324).

Иными словами, самопожертвование обретает политически мотивированный характер лишь в обстановке наличия публичного врага (*hostis*), которого готовы убивать и от рук которого готовы принять смерть. У отдельного человека как частного лица нет публичных врагов, поэтому он не вовлечен в политическое «бытие-к-смерти». В этой логике мученик аполитичен, ибо он сродни отдельному человеку либерально-индивидуалистического общества (!), который «может добровольно умереть, за что хочет; это... совершенно “частное дело”, т.е. дело его свободного решения, неконтролируемого, никого, кроме него самого, не касающегося» (Шмитт 2016: 324)¹¹. Вряд ли такую трактовку христианского мученичества можно считать адекватной его сути. На протяжении всего раннего периода христианской истории

¹¹ Парадокс заочной полемики между К. Шмиттом и Э. Петерсоном в этом вопросе заключается в том, что К. Шмитт, отказывая мученичеству в политической ангажированности, льет тем самым воду на мельницу аргументации Э. Петерсона, а тот, описывая эсхатологическую реальность и ее манифестацию в земной действительности в политических терминах и с помощью политических образов, подтверждает правоту контраргументов К. Шмитта.

исповедание веры во Христа «каралось как политическое преступление» (Шафф 2010: 20). Отказ христиан от традиционного языческого богопочитания, от необходимости соблюдения обычая предков (*mos maiorum*), от участия в общественной жизни и от поклонения культу императора воспринимался как выражение враждебности к государству и его институтам. По причине радикальности и бескомпромиссности христианской истины, несовместимой с язычеством, Римская империя, будучи весьма веротерпимой, рассматривала христиан как врагов государства (*hostes Caesarum et populi Romani*). Во время преследований христиан от них «требовался ответ на вопрос, готовы ли они жертвовать жизнью ради своих взглядов, и многие отвечали на него утвердительно» (Пантелеев 2017: 12).

Следуя примеру жертвы Христа (*imitatio Christi*), мученик, что в переводе с греческого буквально означает «свидетель» (*μάρτυρας, martyr*)¹², используя общественное пространство, *свидетельствует* перед лицом правителей этого мира, что земной порядок не является истинным порядком и что государственная власть не обладает властью над человеческой душой. Мученик демонстрирует истинные силы, которые правят этим миром, а также *свидетельствует* о превосходстве грядущего Царства. Соответственно, мученичество – это *публичное* требование и утверждение истины. Страдание мученика не является частным и индивидуальным, но всегда представляет собой публичное и коллективное переживание, «со-страдание» (*compassio*), поскольку оно воспроизводит страдание Христа. Мученик страдает вместе с Христом в качестве члена мистического тела Христа (Peterson 2011: 154-158). Исходя из этого, «желание пострадать было не отклонением от нормы, а важным элементом самоидентичности первых христиан. Они почитали одного Христа, ставя его выше жизни, и были готовы пожертвовать всем ради Бога. Мученичество становится высшей целью истинного христианина и высочайшим выражением его религиозных убеждений» (Пантелеев 2017: 14).

Конфликт между мучеником и земной властью становится неизбежным, потому что он стремится сделать «истину Христа» видимой в публичной сфере, в то время как земной правитель, претендующий на политическую монополию на истину, не может мириться с публичностью христианского откровения, которое делегитимирует и разоблачает его власть. Жертвуя своей жизнью ради «свидетельства истины», как это сделал Христос, мученики обнажают слабость государя, поскольку, больше не обладая монополией на представление истины, он может навязывать свою волю только с помощью физического насилия (Schmidt Passos 2018: 505-510). Таким образом, христианское мученичество, безусловно, носит политический характер.

¹² Изначально в классическом греческом языке слово *μάρτυριον* относилось к сфере судебно-юридической практики и имело техническое значение «свидетельство». В новозаветных текстах апостолы используют этот термин для обозначения свидетельства распятия и воскресения Христа, а затем он приобретает смысловые оттенки, близкие к таким понятиям, как «мученичество» и «мученическая смерть» (Пантелеев 2017: 34).

Справедливости ради необходимо заметить, что с исторической точки зрения мученичество является, скорее, мифом. Факты, подтверждающие мученичество христиан в строго «идеологическом» смысле, встречаются крайне редко. Согласно церковной традиции и народным верованиям, до того, как император Константин узаконил христианство в IV в. н.э., ранние христиане систематически преследовались жестокой Римской империей, намеревавшейся их уничтожить. Как гласит общепринятый нарратив, огромное количество верующих было брошено на съедение львам, подвергнуто пыткам или сожжено заживо, потому что они отказались отречься от Христа. По мнению К. Мосс, одного из ведущих экспертов по раннему христианству, «эпоха мучеников» является фикцией – римляне не предпринимали постоянных трехсотлетних усилий по преследованию христиан. Эти истории о мучениках были благочестивыми преувеличениями, стилизованными переписываниями еврейских, греческих и римских традиций «благородной смерти»¹³ и даже подделками, предназначенными для маргинализации еретиков, воодушевления верующих и финансирования церквей (Moss 2013). Доходило и до откровенно трагикомических моментов: нередко были случаи, когда некоторые христиане в своем стремлении стать мучениками, дабы заслужить вечную жизнь и попасть в рай, сами искали смерти, а то и требовали казни для себя, поэтому впоследствии епископам даже пришлось специально вводить особые распоряжения, осуждающие спровоцированное мученичество (Свенцицкая 2006: 106). Как бы там ни было на самом деле, здесь нас интересует не столько фактическая сторона вопроса, сколько идейно-символическая.

Патриотизм в парадигме мученичества: от воина к гражданину

Именно в феномене средневеково-христианского мученичества Э. Канторович, опираясь на учение о квазиполитическом характере небесного Иерусалима, усматривает теолого-политические истоки современного национального патриотизма, в рамках которого родина (*patria*) становится объектом политического поклонения, пробуждающим полурелигиозные чувства. «Когда во время погребальной службы священник просит Господа послать святых ангелов принять душу покойного и препроводить ее *ad patriam Paradisi* (на райскую родину), это не просто поэтическая метафора, но выражение, выраженное в духе Послания к Евреям (11: 13-14). Сообще-

¹³ Никому бы в голову в те времена не пришла мысль называть «благородной» смерть на кресте. Распинаемый не только медленно умирал в муках, будучи униженным и опозоренным, но также служил пародией на амбиции самоуверенных мятежников. В частности, про распятие Иисуса говорится: «...и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Мф. 27:29). Унижение усугубляли жестокие издевательства, предшествовавшие распятию. Предварительное бичевание и избивание имели целью не только ослабить жертву и сделать ее неспособной сопротивляться, но и максимально унижить ее в глазах публики (Райт 2020: 61-73).

ство блаженных и святых и было в конечном счете той гражданской общиной небесной patria, к которой стремилась присоединиться христианская душа. Во имя этой communis patria (общей родины) на небесах и проливали кровь мученики. Вот почему образцом гражданского самопожертвования оставался до самого XII в. христианский мученик, приносивший себя в жертву ради невидимого политического сообщества и умиравший за своего божественного Господина pro fide. Христианское учение, перенеся политическое понятие polis на мир иной и распространив его одновременно на regnum coelestium (Царство небесное), не только верно запомнило и сохранило политические идеи античности, как это часто бывало, но и подготовило новые идеи для времен, когда светский мир приступил к восстановлению своих, некогда сугубо особенных, ценностей. Значит, с самого начала следует по крайней мере считаться с возможностью того, что прежде, чем все влияния юридических и гуманистических учений начали давать свои результаты, новое территориальное представление о patria могло развиваться как вновь обмирщенный продукт христианской традиции, а новый патриотизм расцвел на основе этических ценностей, также перенесенных от небесной patria обратно на земные политии» (Канторович 2015: 336).

Итак, феномен мученичества в своей политической ипостаси, судя по всему, был одним из конституирующих оснований, определяющих формирование политического значения patria как земной реальности, то есть в значении patria communis, что впоследствии стало называться национальным государством, а именно территорией, которая в дальнейшем перейдет под управление народа и будет считаться с его стороны приобретением, нуждающимся в защите всеми силами (Фишман 2011: 166). В исторической перспективе этот параллелизм породил средневековый прообраз гражданина нации-государства. По выражению И.Б. Фан, для этого «потребовалось соотнести образ Града Небесного и реальный земной город и вывести нормы их взаимодействия, спустив небеса и освятив ими пространство земного града. Без этой идеи гражданин позднего средневековья не мог бы состояться, и тем более не смог бы проложить мост к гражданину национальных государств нового времени» (Фан 2006: 229).

Осуществлялась эта трансформация посредством героизации и милитаризации фигуры мученика, с одной стороны, и функционально-образного сопоставления фигуры воина с фигурой мученика, с другой. Это «отождествление» и совмещение двух аксиологических систем стало неизбежным с того момента, когда Церковь торжественно благословила оружие и окружила воина священным ореолом. Включение фигуры воина в позитивный контекст доктрины является внутренней установкой самой христианской духовности, которая, казалось бы, основана на любви и мире. Согласно христианской концепции, война интерпретировалась как отображение в земной реальности великой вселенской и духовной войны (психомахии), которая разворачивается в истории человечества от грехопадения до искупления и Страшного суда. В этом смысле человек, взявшийся за оружие, освященное Церковью, является борцом против зла, против Антихриста (Кардини 1987: 222-223). Символика, заимствованная из военной сферы и использованная

апостолом Павлом в пастырских проповедях, заложила основу христианской парадигмы священного воинства (*sancti milites*), которая будет сохраняться на протяжении всего Средневековья и определять собой содержание рыцарского спиритуализма и восприятие христианина в качестве воина Христа (*miles Christi*).

Начиная с эпохи правления Константина Великого крест, до того ассоциировавшийся с позорной и мучительной смертью, стал считаться символом победы – не только духовной, но и военной. На кресте Бог во Христе одержал великую победу над силами зла, поэтому он есть *Christus Victor* (Христос-Победитель). «Христос – мера и образец воина. Типология Христа вбирает в себя образы лучших воинов. Они похожи на него и совершают поступки, достойные этого высшего критерия. Взаимопритяжение этих двух изначально столь далеко отстоящих друг от друга сфер, с одной стороны, евангельских ценностей и, с другой – воинских доблестей, является, быть может, центральным моментом в процессе перехода военной элиты к христианству и выработки рыцарского идеала» (Кардини 1987: 219). С учетом христомиметической (*christomimesis*) сущности мученичества, воин Христа самой своей жизнью должен был демонстрировать преданность христианской вере и быть мучеником за нее.

Милитаризированный (от лат. *miles* – воин) образ мученика впервые появляется в сочинениях св. Киприана Карфагенского, рисующего подвиги мученичества в ореоле святости и героизма. Он называет мучеников, безропотно претерпевающих пытки, «воинами Божиими в славных сражениях»¹⁴. Вслед за ним уже Августин Блаженный в теолого-политическом трактате «О Граде Божием» (*De Civitate Dei*) прямо уподобляет мученика воину, героически сражающемуся до самой смерти за свое отечество (Августин 1998а: 227; Августин 1998b: 394). Нет никакого сомнения, что эта идея была продуктом влияния античного патриотизма, восхвалявшего гражданское самопожертвование и героизм во имя своего отечества (*Viroli* 2003: 20)¹⁵. Не случайно христианская мартирологическая литература включила в свой состав протохристианских мучеников греко-римского мира, культ которых был основан на языческом культе героев (Кардини 1987: 232). Августин в числе первых разработал христианскую концепцию войны, поэтому не следует сводить только к вопросу о стилистическом приеме то обстоятельство, что он передает понятие мученика с помощью термина «герой» (*heros*) и сравнивает его с воином-патриотом. Согласно его доктрине, война допускается, если она является справедливой (*bellum iustum*). Справедливую же войну может вести только христианин, ибо только он знает, в чем состоит

¹⁴ Богословское наследие священномученика Киприана Карфагенского // Храм Преображения Господня г. Смоленска. URL: <https://acathist.ru/en/bogoslovie/patrologiya/item/bogoslovskoe-nasledie-svyashchennomuchenika-kipriana-karfagenskogo> (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁵ «Патриотические добродетели Древней Греции и Рима проявились здесь в самой возвышенной форме, в самоотречении ради небесной страны, ради венца, который никогда не увядает» (Шафф 2010: 64).

божественная справедливость. Справедливой, например, является война во имя защиты от свирепого агрессора.

Однако еще до Августина с апологией христианского патриотизма, сакрализацией войны и ратного подвига выступил Амвросий Медиоланский. В его трактовке война носит оправданный характер, если ведется во имя спасения отечества от варваров-агрессоров¹⁶. Вместе с императором Грацианом, духовником которого являлся Амвросий, он заложил основы имперского романо-христианского самосознания. В условиях, когда под натиском варваров Римская империя разрушалась у всех на глазах, а судьба христианства фактически отождествлялась с судьбой империи, возникла острая необходимость дать обоснование участию христианина в войне как воина (Кардини 1987: 241-242). Но все же именно Августин считается «теологом войны», на долгое время определившим курс западной военной этики.

По мере укрепления союза между государством и Церковью, последняя в своих этических предписаниях и литургических молитвословиях все активнее отстаивала военные функции государства. С древности и во все времена сохранялось представление, что каждый христианин является в некотором роде воином Господа (*miles Dei*), участвующим в духовной борьбе против сил зла. Поэтому изначально считалось, что только духовная борьба и духовное воинство (*militia spiritualis*), противопоставляемое мирской военной службе (*militia saecularis*), являются богоугодными. «При этом встречалось самое разное понимание того, кого собственно нужно считать воином Христовым: если Павел думал в первую очередь об апостолах и миссионерах, то было логичным, что позднее к ним относили и клириков; но вскоре добавилась точка зрения, что только мученики – истинные *milites Christi*, а потому все Средние века выражение применялось чаще всего к монахам» (Эрдман 2018: 75-76).

Ситуация коренным образом стала меняться с началом христианизации германских народов, чей образ жизни был целиком ориентирован на войну. Вследствие этого военно-героическая этика германцев была инкорпорирована в христианский образ мышления и привела к воцерковлению войны, подчиненной высшей цели – борьбе с врагами христианства. Тем самым был запущен процесс преодоления разрыва между божественной и земной военной службой, приведший в конечном счете к возникновению профессионального рыцарства (*ordo militaris*). В каролингский и посткаролингский периоды очередные бурные волны варварских нашествий с новой силой актуализировали углубленную разработку военной тематики, в центре которой стоял воин-христианин, призванный спасти веру, над которой вновь нависла опасная угроза. «Папы, используя теологию великомученичества, могли объявить погибшего во имя церкви человека безгрешным. Благодаря этому новые ряды мучеников пополняли мартиролог принявших тяжкую смерть ранних христиан. Христианский воин был преисполнен решимости

¹⁶ Христианский патриотизм в учении Церкви // Русская народная линия. 28.10.2022. URL: https://ruskline.ru/opp/2022/10/28/hristianskii_patriotizm_v_uchenii_cerkvi (дата обращения: 20.01.2023).

убивать и погибнуть самому на поле брани. Со своей стороны церковь, не отказываясь от традиции, согласно которой убийство всегда греховно, даже если оно и совершено на законных основаниях в ходе “справедливой войны” и, следовательно, уже не является грехом, произвела своего рода подтасовку понятий, так сказать, общий переучет ценностей, относящихся к участию человека в войне. Церковь отодвигала на второй план или вообще замалчивала то обстоятельство, что человек на войне совершает убийство. Вместо этого на первый план выдвигалось то, что воин отдает свою жизнь в бою и тем самым как бы подтверждает свою приверженность вере. Тот факт, что на войне христианский воин погибал с оружием в руках и тем самым тоже становился убийцей, с точки зрения учения церкви о принятии мученической смерти за веру превращался в ничего не значащий эпизод. Более того, именно благодаря подобному подходу убийство косвенным образом оправдывалось как святое дело. Главное, что убийство за веру включалось теперь в качестве составной части в обновленное учение о христианских мучениках» (Кардини 1987: 325-326).

Так, погибшие все до единого христиане в битве с датчанами в 880 г. под Эбсдорфом были канонизированы как «мученики Эбсдорфа». Еще один показательный пример – гибель в 869 г. английского короля Эдмунда в битве с датчанами, описанная в агиографическом сочинении Аббона из Флэри. Король претерпевает мученическую смерть как защитник своего отечества: *honestum mihi esset pro patria mori* («смерть за родину – моя добродетель»). В изложении фиксируется церковное признание основных принципов светской этики войны (верность, честь, мужество, смерть за отечество), представленных в аспекте святости из-за причастности к мученичеству (Эрдман 2018: 97-98).

В период крестовых походов защита Святой земли (Terra Sancta) послужила моделью для применения юридического языка в национальных целях: в западных королевствах, по образцу податей для защиты Палестины от неверных, стали вводиться подати для защиты отечества – *ad defensionem patriae*. Тем самым представление о небесной родине (*patria paradisi*) начало функционировать в секулярном регистре. Защита Святой земли и защита своего территориального королевства *de facto* и *de jure* ставились на один уровень и в равной степени несли эмоциональную нагрузку¹⁷. Иерусалим приобрел статус Святого города (*Civitas Sancta*) не только потому, что там страдал Христос и почиталась его могила, но еще из-за представлений о небесном Иерусалиме, в связи с чем «небесный проблеск нереального ниспадал также на земной Иерусалим и тем самым приподнимал его над по-

¹⁷ Как отмечает по этому поводу Э. Канторович, «во Франции времен Филиппа Красивого слово *patria* уже действительно стало обозначать все королевство и... к этому времени территориальная (возможно, мы уже вправе сказать “национальная”) французская монархия была достаточно сильной и развитой, чтобы провозгласить себя *communis patria* всех своих подданных и требовать экстраординарной службы во имя отечества. <...> Теперь Франция предстала как *Francia Deo sacra* – Франция, посвященная Богу, и как *regnum benedictum a Deo* – королевство, Богом благословенное; ...и во имя его священной земли стоит принести высшую жертву,

вседневным миром» (Эрдман 2018: 400). Соответственно, поход в Святую землю не мог не восприниматься еще и как защита общего для христиан отечества¹⁸. Крестоносца, сражавшегося и погибшего за Святую землю, ожидал статус воина-мученика и мученический венец в качестве награды в загробной жизни. Крестоносное движение было вписано в «мученическую» парадигму, что находило свое выражение и в соответствующей символике. Так, во время первого крестового похода нагрудные и наплечные кресты у воинов были красными, символизируя кровь мучеников¹⁹.

Дальнейшее развитие христианского патриотизма было связано с эволюцией христианского государства в направлении светской монархии, в результате чего «мученического венца стали удостаиваться жертвы войны, павшие ради светского государства» (Канторович 2015: 347). На рубеже XIII–XIV вв. посредством перенесения идеи «мистического тела Церкви» (*corpus mysticum ecclesiae*) в область политических объединений формируется органо-логическое (корпоративистское) представление о государстве как теле (*corpus reipublicae mysticum*), главой которого является монарх. Перенос на государство христианского символа *corpus mysticum* свидетельствовал об упадке христианского общества, репрезентированного Церковью и империей, и указывал «на возрастающую консолидацию национальных государств, их оформление в виде эгоцентричных обществ» (Фёгелин 2021: 136). На первое место вышла централизация, которую проводил светский правитель, так как именно он, по новым представлениям, воплощает в себе основополагающий принцип единства и обеспечивает порядок в обществе и государстве. Поэтому уже с конца XIII в. более распространенным становится выражение «тело королевства» (*corpus regni*), обозначающее более-менее однородную и тесно объединенную общность, воплощенную в физическом теле короля (Ле Гофф, Трюон 2008: 166-167). Король служит точкой кристаллизации национального чувства, благодаря чему из разрозненных элементов создается целостность: быть соотечественниками означает быть подданными одной и той же личности, выступающей в облике *pater patriae* (отец отечества).

причем принести ее стоит с радостью. Так что дело защиты и сбережения земли Франции должно было обладать полурелигиозными коннотациями, сравнимыми с делом защиты и сбережения священной почвы самой Святой земли» (Канторович 2015: 338-340).

¹⁸ Свидетельством этому могут служить первые строки обращения Гальфрида Монмутского к крестоносцам: «Сражайтесь за свою patria и претерпите даже смерть за нее, если таковая одолеет вас» (цит. по: Viroli 2003: 21).

¹⁹ Спустя почти семь столетий, в 1791 г., в Париже на Марсовом поле возле алтаря Отечества солдаты национальной гвардии открыли огонь по горожанам, собравшимся для подписания петиции с требованием низложить короля, в результате чего было убито около 50 человек. Их сразу же объявили «мучениками Революции», а «обагрённый кровью мучеников» красный флаг, который власти использовали как предупреждение о вмешательстве сил правопорядка в случае народных волнений, изменил свое значение, превратившись в знамя революции и гражданского патриотизма. О «мученическом» символизме красного цвета в европейской культуре см.: (Пастуро 2019).

Вполне закономерно, что становление национального самосознания на первых порах происходило за счет отождествления себя со страной и народом через личность верховного правителя, как, например, это было в случае с Жанной д'Арк (Хобсбаум 1998: 119)²⁰. Поскольку монарх был в то же самое время главой политического тела, феодальное обязательство жертвовать своей жизнью ради господина преобразовалось в публично-правовое требование героически сражаться за родину, даже ценой собственной жизни (*pugna ad mortem*). Идея смерти за родину (*pro patria mori*) во имя политического тела государства становилась значимой, поскольку воспринималась равноценной смерти за христианскую веру, Церковь или Святую землю (Канторович 2015: 374). Подобно тому, как каждый христианин, живущий в теле Церкви, обязан встать на защиту этого тела, так и каждый житель государства должен встать на защиту его национального тела. Вследствие этого обстоятельства самопожертвование ради небесного отечества в итоге приобрело вид гражданского самопожертвования ради земной отчизны, а «мученичеству» героически павших был придан национальный колорит.

Заключение

Генеалогическая связь современного национализма, патриотизма и соответствующего ему типа гражданственности с периодом Средних веков не подлежит сомнению. В любом обществе, относящемся к тому или иному периоду исторического развития, имеются скрытые тенденции, которые до поры до времени носят латентный характер, но затем выходят на поверхность, приводя к возникновению новой реальности. Сказанное в полной мере относится и к рождению европейского национализма. Фактически на протяжении всего Средневековья, начиная с момента образования христианских феодальных государств на руинах Римской империи и империи Каролингов, с возрастающей интенсивностью происходило формирование национального чувства, ощущение своих национальных особенностей становилось все более значимым.

В конце концов национальное чувство заняло свое место в комплексе тесно связанных между собой факторов политической эволюции в европейском регионе. Борьба национального принципа с сословно-феодальным заметным образом усилилась в период позднего Средневековья, сформировав устойчивые предпосылки для национальных движений и национальных государств эпохи модерна. Раннехристианский идеал му-

²⁰ Обилие королевских титулов объясняется не тщеславием, а необходимостью совместить в одной личности присутствие правителей разных земель, дабы предстать перед каждой группой, проникнутой сознанием собственной обособленности, в качестве субститута сеньора, которого группа считает своим. Таким образом, персона короля – это «точка сборки» (*persona ficta*) коллективного тела. «Значит, в определенном смысле нация формируется на троне. <...> Теперь ясно, почему монархически сформированные народы будут с необходимостью сохранять Нацию как личность, по образу и подобию живой личности, в отношении которой сформировалось общее чувство» (Жувенель 2011: 161).

ченического самопожертвования пережил исторические, богословские и политические условия, которые его породили, и, пройдя через ряд определенных ценностно-смысловых трансформаций, вошел важной составной частью в идеологическое содержание новоевропейского национального патриотизма. Опыт гражданского героизма и самоотречения во имя нации и отечества до сих пор во многом черпает свою духовную силу и мотивацию в традиции мученичества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агамбен Дж. 2020. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. Москва : Издательство Института Гайдара ; Санкт-Петербург : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 216 с.
- Агамбен Дж. 2022. *Opus Dei*. Археология службы. Москва : Издательство Института Гайдара ; Санкт-Петербург : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 280 с.
- Ассман Я. 2022. Политическая теология между Египтом и Израилем. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 182 с.
- Бауэр С. 2019. История средневекового мира. От времен Константина до первых Крестовых походов. Москва : АСТ. 992 с.
- Блаженный Августин. 1998а. Творения. Т. 3. О граде Божием. Кн. I–XIII. Санкт-Петербург : Алетейя ; Киев : УЦИММ-Пресс. 595 с.
- Блаженный Августин. 1998b. Творения. Т. 4. О граде Божием. Кн. XIV–XXII. Санкт-Петербург : Алетейя ; Киев : УЦИММ-Пресс. 589 с.
- Блок М. 2003. Феодалное общество. Москва : Издательство имени Сабашниковых. 504 с.
- Буркхард Я. 2003. Век Константина Великого. Москва : Центрполиграф. 367 с.
- Джентиле Э. 2021. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 400 с.
- Жувенель Б. 2011. Власть: Естественная история ее возрастания. Москва : ИРИСЭН : Мысль. 546 с.
- Зыгмонт А.И. 2019. *Dulce et decorum est*: феномен мученичества в западных национализмах XVIII–XX веков // Социологическое обозрение. Т. 18, № 3. С. 143–171. DOI 10.17323/1728-192X-2019-3-143-171
- Зыгмонт А.И. 2021. Национальное мученичество в эпоху Французской революции XVIII века: опыт социологического анализа // Социология власти. Т. 33, № 2. С. 31–58. DOI 10.22394/2074-0492-2021-2-31-58
- Зыгмонт А.И. 2022. Мученичество как репутационный проект: кто и как «делает» мучеников // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 40, № 1. С. 198–225. DOI 10.22394/2073-7203-2022-40-1-198-225
- Канторович Э.Х. 2015. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Москва : Издательство Института Гайдара. 752 с.
- Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. Москва : Прогресс. 484 с.
- Кривушин И.В. 2013. Вводная статья к «Церковной истории» Евсевия // Евсевий Кесарийский. Церковная история. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко. С. 5–17.
- Ле Гофф Ж., Трюон Н. 2008. История тела в Средние века. Москва : Текст. 189 с.
- Мальшева С. 2022. «Они падут в величии нездешнем»: раннесоветский культ мучеников революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 40, № 1. С. 58–88. DOI 10.22394/2073-7203-2022-40-1-58-88
- Моруа А. 2022. История Германии. Санкт-Петербург : Азбука. 416 с.

- Пантелеев А.Д. (ред.) 2017. Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия. 384 с.
- Пастуро М. 2019. Красный. История цвета. Москва : Новое литературное обозрение. 160 с.
- Райт Т. 2020. День, когда началась Революция: казнь Иисуса и ее последствия. Москва : Эксмо. 448 с.
- Свенцицкая И.С. 2006. Изгои Вечного города. Первые христиане в Древнем Риме. Москва : Вече. 400 с.
- Тиллих П. 1995. Избранное: Теология культуры. Москва : Юрист. 479 с.
- Фан И.Б. 2006. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург : УрО РАН. 315 с.
- Фёгелин Э. 2021. Новая наука политики. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 376 с.
- Фишман Л.Г. 2011. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург : УрО РАН. 260 с.
- Флори Ж. 2006. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. Москва : Молодая гвардия. 356 с.
- Хаванова О.В. 2000. Нация, отечество, патриотизм в венгерской культуре: движение 1790 года. Москва : Институт славяноведения РАН. 191 с.
- Хобсбаум Э. 1998. Нации и национализм после 1780 года. Санкт-Петербург : Алетейя. 307 с.
- Шафф Ф. 2010. История христианской церкви. Т. 2. Доникийское христианство. Санкт-Петербург : Библия для всех. 589 с.
- Шмитт К. 2000. Политическая теология. Москва : Канон-Пресс-Ц. 336 с.
- Шмитт К. 2016. Понятие политического. Санкт-Петербург : Наука. 568 с.
- Эрдман К. 2018. Происхождение идеи крестового похода. Санкт-Петербург : Евразия. 662 с.
- Agamben G. 2012. *The Church and the Kingdom*. London, New York, Calcutta : Seagull Books. 65 p.
- Bobbio N., Viroli M. 2003. *The Idea of the Republic*. Cambridge : Polity Press. 109 p.
- Kantorowicz E.H. 1951. *Pro Patria Mori in Medieval Political Thought* // *The American Historical Review*. Vol. 56, iss. 3. P. 472-492. DOI 10.2307/1848433
- Koht H. 1947. *The Dawn of Nationalism in Europe* // *The American Historical Review*. Vol. 52, iss. 2. P. 265-280. DOI 10.2307/1841274
- Moss C. 2013. *The Myth of Persecution: How Early Christians Invented a Story of Martyrdom*. San Francisco : Harper One. 320 p.
- Peterson E. 2011. *Theological Tractates*. Stanford : Stanford University Press. 262 p.
- Post G. 1953. *Two Notes on Nationalism in the Middle Ages* // *Traditio*. Vol. 9. P. 281-320. DOI 10.1017/S0362152900003755
- Schmidt Passos E. 2018. *The Blood of the Martyrs: Erik Peterson's Theology of Martyrdom and Carl Schmitt's Political Theology of Sovereignty* // *The Review of Politics*. Vol. 80, iss. 3. P. 487-510. DOI 10.1017/S0034670518000220
- Schmitt C. 2017. *Politische Theologie II: Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie*. Berlin : Duncker & Humblot. 101 s.
- Taubes J. 1955. *Theology and Political Theory* // *Social Research*. Vol. 22, iss. 1. P. 57-68.
- Viroli M. 2003. *For Love of Country. An Essay on Patriotism and Nationalism*. Oxford : Clarendon Press. 206 p.

References

Agamben G. *Opus Dei: An Archaeology of Duty*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, Saint Petersburg, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2022, 280 p. (In Russ.).

Agamben G. *The Church and the Kingdom*, London, New York & Calcutta, Seagull Books, 2012, 65 p.

Agamben G. *The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, Saint Petersburg, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2020, 216 p. (In Russ.).

Assmann J. *Political Theology between Egypt and Israel*, Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2022, 182 p. (In Russ.).

Bauer S. *The History of the Medieval World: From the Conversion of Constantine to the First Crusade*, Moscow, AST, 2019, 992 p. (In Russ.).

Bloch M. *Feudal Society*, Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh, 2003, 504 p. (In Russ.).

Bobbio N., Viroli M. *The Idea of the Republic*, Cambridge, Polity Press, 2003, 109 p.

Burckhardt J. *The Age of Constantine the Great*, Moscow, TSentrpoligraf, 2003, 367 p. (In Russ.).

Cardini F. *The Origins of Medieval Chivalry*, Moscow, Progress, 1987, 484 p. (In Russ.).

Erdmann C. *The Origin of the Idea of the Crusade*, Saint Petersburg, Evraziya, 2018, 662 p. (In Russ.).

Fan I.B. *From Hero to Statistician: Metamorphoses of a Western European Citizen*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2006, 315 p. (In Russ.).

Fishman L.G. *The Origin of Democracy ("God" from the War Machine)*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2011, 260 p. (In Russ.).

Flori J. *The Daily Life of Knights in the Middle Ages*, Moscow, Molodaya gvardiya, 2006, 356 p. (In Russ.).

Gentile E. *Political Religions. Between Democracy and Totalitarianism*, Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2021, 400 p. (In Russ.).

Hobsbawm E. *Nations and Nationalism after 1780*, Saint Petersburg, Aletejya, 1998, 307 p. (In Russ.).

Jouvenel B. *On Power: The Natural History of Its Growth*, Moscow, IRISEHN & Mysl', 2011, 546 p. (In Russ.).

Kantorowicz E.H. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought, *The American Historical Review*, 1951, vol. 56, no. 3, pp. 472-492. DOI 10.2307/1848433

Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2015, 752 p. (In Russ.).

Khavanova O.V. *Nation, Fatherland, Patriotism in Hungarian Culture: The Movement of 1790*, Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2000, 191 p. (In Russ.).

Koht H. The Dawn of Nationalism in Europe, *The American Historical Review*, 1947, vol. 52, no. 2, pp. 265-280. DOI 10.2307/1841274

Krivushin I.V. Introductory Article to the "Church History" of Eusebius, *Eusebius of Caesarea. Church History*, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2013, pp. 5-17. (In Russ.).

Le Goff J., Truong N. *The History of the Body in the Middle Ages*, Moscow, Tekst, 2008, 189 p. (In Russ.).

Malysheva S. "They Will Fall in the Unearthly Grandeur": The Early Soviet Cult of Martyrs of the Revolution, *Gosudarstvo, religia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2022, vol. 40, no. 1, pp. 58-88. (In Russ.). DOI 10.22394/2073-7203-2022-40-1-58-88

Morua A. *German History*, Saint Petersburg, Azbuka, 2022, 416 p. (In Russ.).

Moss C. *The Myth of Persecution: How Early Christians Invented a Story of Martyrdom*, San Francisco, Harper One, 2013, 320 p.

Panteleev A. (ed.) *Early Martyrdom. Translations, Comments, Research*, Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, 2017, 384 p. (In Russ.).

- Pastoureaux M. *Red: The History of a Color*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 160 p. (In Russ.).
- Peterson E. *Theological Tractates*, Stanford, Stanford University Press, 2011, 262 p.
- Post G. Two Notes on Nationalism in the Middle Ages, *Traditio*, 1953, vol. 9, pp. 281-320. DOI 10.1017/S0362152900003755
- Saint Augustine. *Creations. Vol. 3. About the City of God. Books I–XIII*, Saint Petersburg, Aleteya, Kiev, UTSIMM-Press, 1998, 595 p. (In Russ.).
- Saint Augustine. *Creations. Vol. 4. About the City of God. Books XIV–XXII*, Saint Petersburg, Aleteya, Kiev, UTSIMM-Press, 1998, 589 p. (In Russ.).
- Schaff Ph. *History of the Christian Church. Vol. 2. Ante-Nicene Christianity*, Saint Petersburg, Bibliya dlya vseh, 2010, 589 p. (In Russ.).
- Schmidt Passos E. The Blood of the Martyrs: Erik Peterson's Theology of Martyrdom and Carl Schmitt's Political Theology of Sovereignty, *The Review of Politics*, 2018, vol. 80, no. 3, pp. 487-510. DOI 10.1017/S0034670518000220
- Schmitt C. *Political Theology*, Moscow, Kanon-Press-TS, 2000, 336 p. (In Russ.).
- Schmitt C. *Politische Theologie II: Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie* [Political Theology II: The Myth of the Closure of Any Political Theology], Berlin, Duncker & Humblot, 2017, 101 p. (in German).
- Schmitt C. *The Concept of the Political*, Saint Petersburg, Nauka, 2016, 568 p. (In Russ.).
- Sventsitskaya I.S. *Outcasts of the Eternal City. The First Christians in Ancient Rome*, Moscow, Veche, 2006, 400 p. (In Russ.).
- Taubes J. Theology and Political Theory, *Social Research*, 1955, vol. 22, no. 1, pp. 57-68.
- Tillich P. *Favorites: Theology of Culture*, Moscow, Yurist, 1995, 479 p. (In Russ.).
- Viroli M. *For Love of Country. An Essay on Patriotism and Nationalism*, Oxford, Clarendon Press, 2003, 206 p.
- Voegelin E. *The New Science of Politics*, Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2021, 376 p. (In Russ.).
- Wright N. *The Day the Revolution Began. Reconsidering the Meaning of Jesus's Crucifixion*, Moscow, Ehksmo, 2020, 448 p. (In Russ.).
- Zygmunt A.I. Dulce et decorum est: The Phenomenon of Martyrdom in Western Nationalisms of the 18th–20th Centuries, *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 143-171. (In Russ.). DOI 10.17523/1728-192X-2019-3-143-171
- Zygmunt A.I. Martyrdom as a Reputational Project: Who and How “Makes” the Martyrs, *Gosudarstvo, religia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2022, vol. 40, no. 1, pp. 198-225. (In Russ.). DOI 10.22394/2073-7203-2022-40-1-198-225
- Zygmunt A.I. National Martyrdom in the French Revolution: A Sociological Analysis, *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2021, vol. 33, no. 2, pp. 31-58. (In Russ.). DOI 10.22394/2074-0492-2021-2-31-58

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Яркеев

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-0068-468X;
ResearcherID: K-2735-2018;
SPIN-код: 3460-4549;
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey V. Yarkeev

Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-0068-468X;
ResearcherID: K-2735-2018;
SPIN-code: 3460-4549;
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Коряковцев А.А. «Экономика дефицита» Я. Корнаи в контексте «политэкономии реального социализма»: методологический аспект исследования советского общества // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 27-46.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_27

УДК 303.01

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_27

«Экономика дефицита» Я. Корнаи в контексте «политэкономии реального социализма»: методологический аспект исследования советского общества

Андрей Александрович Коряковцев

Уральский государственный педагогический университет

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

*Поступила в редакцию 01.03.2023, поступила после рецензирования 31.03.2023,
принята к публикации 05.04.2023*

В статье анализируются методологические аспекты теории дефицита, разработанной венгерским экономистом Яношем Корнаи. Цель исследования – показать значение его идей для советологии и общественной науки в целом. Объектом изучения Я. Корнаи является такая малоизученная область социалистической экономики, как товарный дефицит. Для ее освещения исследователь изобретает новый категориальный аппарат («вынужденная замена», «мягкое бюджетное ограничение», «жесткое бюджетное ограничение» и т.д.), оперирует редко используемыми терминами или вкладывает в привычные термины новое содержание. Автор статьи сравнивает учение венгерского ученого с концепцией советского академика С.Г. Струмилина, разработчика «телеологического планирования», сторонника силовых и идеологических методов социально-экономического управления. Несмотря на то, что эти теории принадлежат разным эпохам и отражают разную реальность, их сравнение позволяет проследить не только эволюцию «политэкономии социализма», но и эволюцию общества, которое они описывали. Также в статье рассматриваются такие вопросы, как степень близости использованной Я. Корнаи методологии к марксистской; решенные и не решенные им проблемы; идейные предпосылки, способствовавшие его переходу в лоно сторонников «свободного рынка»; актуальность теории Я. Корнаи в постсоветское время. По мнению автора статьи, ученому удалось раскрыть закономерности тех общественных тенденций, которые игнорировала официальная советская «политэкономия социализма», однако он не избежал односторонности своих выводов, что стало шагом к идеологии «рыночного романтизма» 1990-х гг. Делается вывод о том, что идеи Я. Корнаи представляют собой поздний

© Коряковцев А.А., 2023

вариант «политэкономии социализма», но в то же время содержат в себе элементы противоположного учения – «политэкономии капитализма». В этой связи можно говорить, что учение венгерского экономиста подводит итог советской «политэкономии социализма» и открывает новую парадигму обществоведческих исследований постсоветского общества.

Ключевые слова: социализм, дефицит, товарный дисбаланс, товарное перепроизводство, политическая монополия, Я. Корнай, И.В. Сталин, С.Г. Струмили́н, телеологическое планирование, рынок

The “Economics of Shortage” by János Kornai in the Context of the “Political Economy of Real Socialism”: A Methodological Aspect of Studying the Soviet Society

Andrey A. Koryakovtsev

Ural State Pedagogical University

Yekaterinburg, Russia

E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Received 01.03.2023, revised 31.03.2023, accepted 05.04.2023

Abstract. The article analyzes the methodological aspects of the shortage economy theory by the Hungarian economist János Kornai. The purpose of the study is to show the significance of his ideas for Sovietology and social science in general. Kornai explores such a poorly researched area of the socialist economy as the commodity shortage. To cover it, he coins a new categorical apparatus (“forced substitution”, “soft budget constraint”, “hard budget constraint”, etc.), operates with rarely used terms or puts new content into familiar terms. Kornai’s theory is compared with the theory of the Soviet academician Stanislav G. Strumilin, the designer of “teleological planning” and supporter of power and ideological methods of socio-economic management. Despite the fact that these theories belong to different eras and reflect different realities, their comparison allows us to trace not only the evolution of the “political economy of socialism”, but also the evolution of the society they described. The article also examines such issues as the degree of contiguity of the methodology used by Kornai to the Marxist one; the problems solved and unsolved by him; the ideological prerequisites that contributed to his transition to the free-market supporters’ camp; the relevance of Kornai’s theory in the post-Soviet period. According to the author of the article, the scientist managed to uncover the patterns of those social trends that the official Soviet “political economy of socialism” ignored, but he did not avoid the one-sidedness of his conclusions, which was a step towards the ideology of “market romanticism” of the 1990s. It is concluded that the ideas of Kornai represent a late version of the “political economy of socialism”, but at the same time they contain elements of the opposite doctrine – the “political economy of capitalism”. In this regard, it can be said that the theory of the Hungarian economist sums up the Soviet “political economy of socialism” and opens a new paradigm of social studies of post-Soviet society.

Keywords: socialism, shortage, commodity imbalance, overproduction of commodities, political monopoly, János Kornai, Joseph V. Stalin, Stanislav G. Strumilin, teleological planning, market

*For citation: Koryakovtsev A.A. The "Economics of Shortage" by János Kornai in the Context of the "Political Economy of Real Socialism": A Methodological Aspect of Studying the Soviet Society, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 27-46. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_27*

Введение

Начнем с того, что укажем на два факта советской экономической жизни так называемой сталинской эпохи. И.М. Зальцман, легендарный директор челябинского Кировского завода, чтобы успешно отчитаться о выполнении плана, жульничал: в 1947 г. в ежемесячный отчет по выпуску тракторов по его приказу включались и те машины, которые были изготовлены в первые дни следующего месяца, а в 1948 г. по его приказу с завода вывезли тракторные моторы и тут же ввезли их обратно, только через другие ворота, после чего поставили на тракторы (Сушков 2016: 116).

И еще один факт: «Перестройка подменена шумихой и бестолковым топтанием на месте. <...> Бюрократизм в управлении торговлей, излишняя централизация распределения товаров сверху, без учета характера и потребностей каждого района, господствуют... и поныне. Ташкентская база Швейсбыта недавно заслала в Тыдымский кочевой район брюки, сшитые по последней моде, пальто с вырезами и фигурными складками, пиджаки и им подобные вещи, совершенно не нужные кочевнику». Далее автор продолжает красочно описывать иррационализм в распределении, дефицит одних и одновременно перепроизводство других товаров.

Можно подумать, что это текст второй половины 1980-х гг., тем более в нем использовано слово «перестройка». Но нет! Это газета «Правда» за 1934 г.¹ Если верить либеральной историографии, это эпоха «сталинского тоталитаризма». Автор статьи – М.М. Майоров, секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). Обратим, кстати, внимание на то, что о проблемах советской экономики открыто пишет главная партийная газета страны. Но не в этом суть. Важно другое: сообщенный Майоровым факт свидетельствует о дисбалансе в сферах распределения и производства еще в довоенную, «сталинскую» эпоху, тогда как дефицит потребительских товаров обычно ассоциируют только с позднесоветским временем.

Конечно, без труда мы найдем и противоположные факты. Были в стране и честные директора, а перекосы в распределении и производстве многих товаров удавалось избежать. Вопрос в природе и причинах подобных фактов. Взглянем на них глазами двух выдающихся экономистов, теоретизировавших по поводу советской экономики: сталинского академика С.Г. Струмилина и его позднесоветского визави венгерского исследователя Я. Корнаи. Последний оставил после себя весьма неоднозначное наследие. Самое ценное в нем, на наш взгляд, – это исследование экономики советского типа (прежде всего, Советского Союза и Венгрии) в монографии

¹ Итоги партийного совещания по товарообороту // Правда. 1934. 27 июня. № 175 (6061). С. 3.

«Дефицит»², самое спорное – более поздние труды (Корнаи 1990b; Корнаи 2007; Корнаи 2012). Их мы касаться не будем.

Очевидно, что концепции С.Г. Струмилина и Я. Корнаи принадлежат разным эпохам и отражают разную общественную реальность. Их сравнение позволит показать не только эволюцию «политэкономии социализма», но и эволюцию общества, которое они описывали.

Методологические проблемы сталинской экономической теории

Следуя хронологическому принципу, прежде всего, обратим внимание на жульнические приемы И.М. Зальцмана и перекосы в распределении и производстве с точки зрения идей, изложенных в книге С.Г. Струмилина «Планирование в СССР» (Струмилин 1957). Мы не увидим в них никакой связи с существенными свойствами советской плановой экономики. Отсюда легко сделать вывод, что она преодолет их в своем развитии. Подобный ход мысли был задан И.В. Сталиным в начале 1950-х гг.: «Что значит отказаться от примата производства средств производства? Это значит уничтожить возможность непрерывного роста нашего народного хозяйства, ибо невозможно осуществлять непрерывный рост народного хозяйства, не осуществляя вместе с тем примата производства средств производства» (Сталин 1952: 57). По сути, это оправдание дефицита потребительских товаров необходимостью постоянного экономического роста. Однако оно *выглядит* логичным и убедительным только в контексте «непрерывных и бурных» (И.В. Сталин) экономических успехов тех лет. Считалось, что рост тяжелой промышленности потянет за собой и все остальные отрасли производства. В исторической же перспективе развития советской экономики данный аргумент оборачивается только желаемой *рационализацией иррационального*. Отталкиваясь от эмпирической поверхности экономических явлений, советский лидер и экономисты, мыслящие в его парадигме, не могли заглянуть далеко в будущее, раскрывающее истину современных им общественных процессов. Согласно же Я. Корнаи, вышеприведенные факты, наоборот, являются вполне закономерными и даже неизбежными для «плановой экономики».

Столь разные ответы на один и тот же вопрос обусловлены, прежде всего, предметом анализа. Теории И.В. Сталина и С.Г. Струмилина, с одной стороны, и Я. Корнаи, с другой, действительно выглядят как две крайности, но лишь потому, что описывают одну и ту же экономику, одно и то же общество, только на разных этапах развития: первые – на подъеме, вторая – в состоянии латентного разложения, когда количество подобных фактов росло, а их общественная значимость усиливалась. В условиях «общества потребления» 50–70-х гг. ни силовые, ни «идеологические» методы (столь любимые И.В. Сталиным и С.Г. Струмилиным) не позволяли достигнуть прежних

² Впервые опубликована на венгерском языке в 1980 г. В том же году переведена на английский язык под названием «Экономика дефицита» (Economics of Shortage). Русскоязычный перевод со второго венгерского издания вышел в 1990 г.

темпов экономического роста и были поставлены под вопрос новым поколением советских экономистов. Я. Корнаи спустя десятилетия своеобразно подвел итог новому направлению в «плановой экономике», опираясь, как и С.Г. Струмилин, на эмпирические факты, полный общественный смысл которых от него также оказался явленным лишь отчасти.

Содержательная разница их теоретических построений (обусловленная спецификой эпох, в которые они жили) дополнена методологической разницей. Прежде всего тем, что для них является исходным пунктом анализа.

С.Г. Струмилин опирался на реальные успехи советского планирования довоенных лет, тем более что эмпирическая реальность еще скрывала зарождавшиеся в обществе новые противоречия. На фоне «экономического чуда» 1930-х гг. казусы И.М. Зальцмана и те, которые были описаны М.М. Майоровым, в самом деле, казались случайностью³. Поэтому общественную реальность своей современности сталинский академик описывает идеологическими понятиями, в принципе исключающими противоречия в природе социальных явлений и, следовательно, их динамику: «народное хозяйство», «общественная собственность», «диктатура трудящихся» и т.д. Все эти понятия подчеркивают тождество общественных интересов всех социальных групп СССР. Субъект экономики в теориях И.В. Сталина и С.Г. Струмилиной – морально безупречная и обладающая высшим разумом социальная субстанция, рабочий класс, находящийся в союзе со всеми остальными стратами советского общества. Непонятно только, почему сами «собственники» (трудящиеся) через несколько десятков лет выступили за *приватизацию* «своей» собственности (как бастующие южноуральские шахтеры в 1990 г.) или молча согласились с ней.

Понятийная сетка, использованная И.В. Сталиным и С.Г. Струмилиным, рвется в клочья действительной эволюцией советского общества. Однако заметим, что легко сейчас упрекать их в фантастических предпосылках и «идеализации» директивного, силового и «идеологического» – «телеологического» (С.Г. Струмилин) – управления экономикой. Дело не в их личных иллюзиях, эти иллюзии, как бы сказал К. Маркс, имели «практический» характер, отражали *эмпирические факты* того времени, скрывавшие новые тенденции общественного развития. В конечном итоге само общество определяло подобные методы управления им со стороны государства: известно, что в строительстве московского метрополитена и Беломорканала участвовали заключенные. Но вместе с тем фактом являлся и *массовый трудовой энтузиазм*, совершенно искренний! Он отражался в идеологеме «строительства нового общества». Как английские революционеры XVII в. «строили» новую церковь, а французские конца XVIII столетия – «царство Разума», подразумевая *новое общество*, так же и «строительство коммунизма» промышленным пролетариатом само по себе никак не характеризует действительную эволюцию общественных отношений. Последнее, по К. Марксу, есть *естественно-исторический процесс*, отличный от филиации

³ Таким же «случайным» в общем потоке литературы 1930-х гг. выглядел, например, сверхпопулярный позже роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

идей, даже тех, которые «овладели массами» и стали «материальной силой». Массы тоже могут заблуждаться, идея, овладевшая ими, может профанироваться, в этом мы в новейшее время убеждались не раз. Поэтому, находясь в рамках марксистской методологии, исследователь советского общества не может начать с описания господствующих в данную историческую эпоху идеологием, вера в которые пусть даже в действительности имеет «всенародный» характер.

Но исследователь советского общества не может и поступить подобно К. Марксу, начавшему изучение капиталистического способа производства с анализа присущей ему формы общественного продукта, с товара, «клеточки» общественного устройства, с *абстрактного*. Исследованная К. Марксом «клеточка» – товар – содержит в себе, в «свернутом» виде, не просто общество, а конкретный *общественный способ производства*. Весьма привлекательно было бы постулировать какой-то уникальный «советский способ производства», произвольно связать его с нетоварным социализмом («посткапитализмом») и обнаружить свойственную только последнему форму общественного продукта, отличного от товара, а затем, развертывая содержание этой формы, показать анатомию советского общества. Однако мы о «советском способе производства» *изначально* не знаем ничего, кроме противоречивой эмпирии, ни на уровне его исходной «клеточки», ни на уровне вытекающих из нее общественных форм. Найти обобщающие понятия – это как раз исследовательская задача, тем более если мы договорились не относить данное общество к посткапиталистическому только на основании его самосознания. Стало быть, исследователю советской экономики не годится метод восхождения от абстрактного к конкретному. Не имея достаточных оснований для того, чтобы начать с абстрактного, он вынужден опереться на *конкретное*. В данном случае речь идет об «общественно-определенном» (Маркс 1980: 17), о совокупности непосредственно данных многообразных фактов общественной жизни, обусловленных предыдущим социальным развитием. Поскольку эти факты не приведены к своему понятию (не поняты), они предстают как многообразная, противоречащая самой себе эмпирия.

Недостаток *немарксистской советологии* состоял именно в том, что она начинала свои исследования с известного, уже понятого, очевидного, без конца воспроизводя его и кружа в одних и тех же тавтологиях. Поэтому она не покидала почву идеологии и оказалась бессильной научно предсказать крах Советского Союза. Наука же начинает с *непонятого*, но *конкретного*, непосредственно данного в созерцании и представлении, и далее анализирует его со всех доступных сторон. Цель этого анализа – вычленение абстрактных моментов эмпирического материала, противоречащих друг другу. Благодаря фиксации противоречия удастся сформулировать теоретическую *проблему*, а, как известно, правильная постановка проблемы содержит в себе ее решение, дальнейшее развитие знания. Оттолкнувшись от конкретного, опосредованного, многообразного, противоречащего себе, наука через абстрактное приходит к обобщению, конкретному понятию, истине – *новому уровню конкретности*.

Рассматривая советскую эпоху, мы можем констатировать, что в течение всех ее периодов сохранялись и воспроизводились в тех или иных формах *элементы* старого, капиталистического, способа производства: деньги, банковская система, рынок (в разных социально-юридических статусах, в том числе нелегальном) и т.д.; словом, все, что служит выражением товарно-денежных отношений. Их воспроизводство в советской экономической системе пытался осмыслить И.В. Сталин. Он рассуждал так: «...наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство...» (Сталин 1952: 42).

Но, как обнаружилось в конце XX столетия, *может*. Следовательно, что-то И.В. Сталин не учел. Не учел он (и не мог учесть) всей полноты исторического развития общественных отношений в СССР и странах советского блока, в ходе которого на поверхность общественной жизни выходили скрытые общественные противоречия. Можно сказать, он дедуцировал свою теорию советской экономики из универсалистских понятий вроде «диктатуры пролетариата» и «общественной»/«всенародной» собственности, отождествленной им с собственностью государственной, колхозной, кооперативной. Сами эти понятия не выводятся из действительных общественных отношений, а просто постулируются как партийные лозунги, вполне, правда, соотносимые с общественными настроениями и массовыми ожиданиями эпохи мировой революции промышленного пролетариата.

Однако природу товарно-денежных отношений, вопреки И.В. Сталину (Сталин 1952: 27-46), не изменяет тот факт, что советское общественное сознание претендовало на то, чтобы их превзойти даже практически. Не изменяет, ибо общественное сознание не могло выйти за пределы таких факторов социального развития, как разделение труда (в данном случае существующего в форме, свойственной индустриальной эпохе) и принудительный характер самого труда (Маркс 2010: 324, 329, 343; Коряковцев, Вискунов 2017: 435-437), которые объективно и с неизбежностью порождают вертикальные, иерархические социальные связи. Постепенно, но неуклонно, эти общественные условия определяли социальную структуру советского общества отличным от партийных установок образом, порождая разницу интересов социальных групп. Следует признать, что развитие советского общества в целом было стихийным, *естественно-историческим*, а не плановым в том смысле, что оно было подчинено не единой цели кого бы то ни было (партии, общества, господствующего гражданского класса или государства), а представляло собой равнодействующую разных, порой противоположных, интересов. Советская история изображается так же, как Ф. Энгельс описывал логику истории любого классового общества: «...история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения» (Энгельс 1965: 395-396).

Вместе с тем согласимся с И.В. Сталиным, что товарно-денежные отношения не обязательно должны порождать капитализм (Сталин 1952: 37-38). Но они могут порождать новое *превращение* капиталистического способа производства, хотя и скрытое иллюзорно-всеобщими идеологическими формами пролетарской революции и созданной советским государством социально-перераспределительной системой (Коряковцев 2021b: 140-151). Товарно-денежные отношения в данных условиях служат предпосылкой новых частных интересов и их противоречий, принимаемых за рудименты «старого порядка», но в действительности закономерно воспроизводимых. Руководитель Советского государства, не усматривая подобной перспективы и говоря об «общенародной» собственности и т.п., принимал за решение социальных проблем то, что на самом деле являлось лишь частью проблемы.

Можно ли считать метод Я. Корнаи марксистским?

Даже при поверхностном взгляде на советское общество исследователь, едва начав его анализ, натывается на противоречия между общественной практикой и общественным сознанием и на противоречия в самой общественной практике. Это позволяет сформулировать проблему советского общества: оно *еще* оставалось рыночным и *уже* не было таковым (Koriakovtsev 2017: 70). Именно так и изображает его венгерский экономист Я. Корнаи, используя социально-экономический материал позднесоветской эпохи, в котором данное противоречие проступает уже достаточно зримо.

Я. Корнаи безжалостно отбрасывает почти все традиционные «сталинские», «струмилинские», *иллюзорно-всеобщие* идеологемы, ибо имеет перед собой эмпирическую реальность, отвергающую их. Он возмущается: «...воображаемые свойства идеальной картины, утопии совершенного общества называют “объективным законом”, в то время как настоящие внутренние противоречия реального общества даже не упоминаются. Остается неудовлетворенным самое важное требование, предъявляемое к научной работе: сопоставление определения и утверждения с наблюдением, опытом, фактами» (Корнаи 1990а: 19).

Среди прочих здесь могут иметься в виду факты, связанные с тем, что бескорыстный трудовой энтузиазм масс во второй половине XX в. сменился массовыми потребительскими практиками и массовой потребительской психологией, предполагающими «материальное поощрение труда». Когда-то единичные «зальцманы» (жуликоватые директора предприятий) представляли уже влиятельную социальную группу, и каждый из них обладал своим специфическим интересом, отличным от интереса экономического целого (выходит, *частным* интересом). И это несмотря на *правовое* существование в обойме «общественной» собственности и партийной иерархии! Планирование в сфере производства общественных благ, по определению подразумевающее совпадение замысла и результата, парадоксальным образом оборачивалось непредсказуемым и хроническим исчезновением сырья, материалов и оборудования и, как следствие, исчезновением произведенно-

го продукта – *дефицитом* всего этого. Перед лицом многочисленных фактов экономической жизни «реального социализма» Я. Корнаи по необходимости не мог рассуждать, как И.В. Сталин, С.Г. Струмилин или как сотни других советских экономистов. Экономическая реальность советского общества в его исследовании обрела свою собственную логику, отличную от правовых и идеологических фикций. В этом смысле труд Я. Корнаи едва ли не единственный в мировой экономической литературе, рассматривающий советское общество таким образом. Это сближает его с исследованиями К. Маркса. В отказе от традиционных советских идеологем больше марксизма, чем во всей официальной «марксистской» литературе той эпохи, которая волюнтаристски выбрасывала советское общество из естественно-исторического процесса, сводя его историю либо к противоборству правящих группировок, либо к решениям победившей группы.

Однако все же поостережемся навязывать Я. Корнаи верность марксистской методологии. Дело в том, что вышеупомянутое достоинство его исследования (благодаря которому он сделал многие проницательные замечания) достигается предельной *формализацией* социоэкономического анализа. Какой контраст с подходом К. Маркса, научный анализ которого всегда *антропологичен* в том смысле, что постоянно держит в фокусе «живых человеческих индивидов» (Маркс 1955: 19)! Материалистическая диалектика позволяет ему совмещать социологический холизм с философской антропологией (Любутин, Кондрашов 2007: 45-59; Коряковцев 2021а: 288). Ничего подобного даже близко у Я. Корнаи мы не найдем. Людей как общественных субъектов в его исследовании нет, есть «структуры» и «институты» («предприятия»). В этом он ближе к структурализму, в том числе «дегуманизированному марксизму» Л. Альтюссера, нежели к Марксу.

Если в теории Я. Корнаи нет общественных субъектов в виде общественных индивидов, то нет и их истории. Описываемые явления лишь постулируются. История послевоенной венгерской экономики автором делится на два этапа: до реформы 1968 г. и после нее, но эти два состояния просто схватываются в статике, их развитие не анализируется (Корнаи 1990а: 20). Проследим ход мысли исследователя.

Односторонность анализа Я. Корнаи и действительная проблема советской экономики

Свой анализ Я. Корнаи начинает с *предприятия*, работающего по производственному плану, спущенному сверху, по ступеням бюрократической иерархии, или составленному им самостоятельно (Корнаи 1990а: 47). Можно подумать, что исследователь идет по стопам А.А. Зиновьева, произвольно принявшего за «клеточку» общественного устройства такой фрагмент советских социальных отношений, как «коммунальность» или «коммунальный коллектив», противостоящий товарным, рыночным отношениям (Зиновьев 1994: 63-79). Но акценты у Я. Корнаи расставлены иначе.

Во-первых, он прямо признает, что субъектом управления предприятий являются не коллективы работников, а руководители предприятий,

директора (Корнаи 1990а: 88-90). Хотя последние интегрированы в «бюрократические отношения зависимости» (Корнаи 1990а: 89), именно они выражают интересы предприятий. Когда в повествование автора, полное цифр и графиков, однажды *внезапно* врывается рассуждение об определяющей роли психологических факторов, это касается только руководителей предприятий как наиболее общественно значимых социально-экономических субъектов (Корнаи 1990а: 89-90).

«Социалистические» предприятия вместе со своими директорами находятся в своеобразной общественной ситуации. Каждое из них (точнее, его руководство) стремится к неограниченному росту объемов выпускаемой продукции, ибо работает на *плановый показатель* и заинтересовано в его достижении и превышении (перевыполнении плана). Нехватку капиталов всегда можно возместить либо льготными кредитами из госбанка, либо ссудами из государственного бюджета: предприятия обеспечены системой централизованного снабжения, поскольку пребывают в структуре «общественной» (государственной) собственности. Платежную способность населения государство тоже способно увеличить. Остается только один ограничитель их деятельности – *материальные ресурсы*. Тогда как при капитализме классического типа рост предприятия ограничивается спросом (Корнаи 1990а: 52).

Готовность и, самое главное, способность государства всегда снабдить предприятие капиталом Я. Корнаи назвал «мягким бюджетным ограничением» (Корнаи 1990а: 328). С одной стороны, заинтересованность директоров в росте своих предприятий, с другой – источник этого роста в виде «мягкого бюджетного ограничения», исключая банкротство должников, делали предприятия независимыми от реальных потребностей покупателей, от спроса, следовательно, от прибыли, получаемой вследствие платежной способности населения. Прибыль здесь была *минимизирована*, добавим от себя (Коряковцев 2021b: 150), или вовсе исключена. В последнем случае предприятие работало в долг, следуя самой логике данной экономической системы, воспринимаемой как общественная норма. Это порождало диспропорции в распределении финансовых ресурсов, становящиеся причиной всякого иного дефицита, в том числе потребительского.

Я. Корнаи прослеживает цепочку взаимозависимостей, превращающую локальный дефицит в цунами, накрывающее всю экономику. В том случае, если предприятию не хватает какого-либо ресурса для производства, оно может закрыться (что в данных условиях исключено), может произвести «вынужденную замену» (например, использовать материал другой марки или худшего качества), переключиться на выпуск другой продукции (тогда потребность в прежней не будет удовлетворена) или сделать запасы сырья и материалов. Все эти способы *приспособления к дефициту* нарушают либо технологию производства, либо производственную программу, план. Последнее обстоятельство порождает *потребительский дефицит*. К этому следует добавить, что предприятие (его руководство) осознает, что в условиях неудовлетворенного спроса его продукция все равно будет раскуплена. Поэтому оно не заинтересовано

в качестве продукции или в обновлении модельного ряда. Так дефицит порождает технический застой.

Все эти проблемы постепенно накапливались, порождая экономический кризис сначала в латентном (70-е гг., на этом материале и написана работа Я. Корнаи), потом в открытом (вторая половина 80-х гг.) виде.

Обратим внимание на то, что, исследуя ранее плохо изученную область экономики послевоенного «восточного блока» – *дефицит*, Я. Корнаи вынужден изобретать новый категориальный аппарат, оперировать непопулярными терминами или в привычные термины вкладывать новое содержание: «вынужденная замена», «мягкое бюджетное ограничение», «жесткое бюджетное ограничение», «отсос», «внутризаводская безработица», «приспособление» и т.д. Однако при этом анализируемое общество и, следовательно, анализируемую экономику он продолжает увязывать с *социализмом*, по определению противостоящим *капитализму*. Это можно интерпретировать по-разному: либо как уступку цензуре, либо как методологическую непоследовательность. Непоследовательность проявляется здесь в том, что анализ исследователя выявляет в «социалистической» экономике как раз *несоциалистические* свойства и тенденции: властную вертикаль вместо декларируемого государством народовластия, обособленный (частный) интерес директоров (предполагающий по необходимости еще чей-то частный интерес), хаотичность и непредсказуемость производственных отношений вместо плановости и т.д.

В этой связи интересно такое наблюдение венгерского экономиста: «Сегодня (на рубеже 70–80-х гг. – А.К.), когда в развитых капиталистических странах снова обострилась проблема безработицы, в печати и на международных форумах специалистов часто высказываются одобрения в адрес руководства социалистических государств в связи с их “продуманной политикой занятости”, которая не отступает от основного принципа полной занятости. Эта похвала, однако, относится не к политике, а к системе. <...> ...Объяснение рассмотренного выше процесса лежит не на уровне правительственной политики, а скрывается гораздо глубже. Это объяснение закономерно вытекает из самой системы: если для нее характерна ограниченность ресурсов, то должны возникать неутолимый инвестиционный голод, внутреннее стремление к расширению и, следовательно, потенциальный резерв рабочей силы рано или поздно будет поглощен» (Корнаи 1990а: 283). Чем или кем поглощен? Перелистываем назад, находим ответ на этот вопрос: «Избыток этого предложения (рабочей силы. – А.К.) находит себе применение в “теневой экономике”, что, с одной стороны, увеличивает интенсивность дефицита рабочей силы в “первой экономике”, а с другой – уменьшает здесь скрытый резерв рабочей силы. Кроме того, это сокращает свободное время многих людей, заставляя их подчас работать дополнительно, хотя нередко “халтурой” занимаются и в течение официального рабочего времени» (Корнаи 1990а: 279).

«Теневая экономика» по определению не может функционировать на основе «общенародной», «общественной» собственности, она опирается на частную собственность, представляя собой лишь нелегитимный

вариант рыночной экономики. Выходит, «теневая экономика» – это «свое иное» экономической системы советского типа, чудовище, порождаемое ею из своих собственных достоинств. Легализованное во время кризиса середины 1980-х гг. в виде «кооперативов» и усиленное интересом комсомольской и партийной номенклатуры, оно вскоре безжалостно проглотит породившую его систему. Без труда здесь можно увидеть механизм самоотрицания (или механизм «снятия») общественных систем, принятый в марксистской традиции. Но вот произошло ли в данном случае полное «снятие», то есть полная и последовательная трансформация «экономики дефицита» в ее противоположность? Ответа на этот вопрос в работе Я. Корнаи мы не найдем. Но из приведенных выше размышлений венгерского экономиста следуют и другие вопросы, «неудобные» как для советских, так и несоветских идеологов. Как может «общественная собственность», увязываемая с социализмом, стихийно порождать свою противоположность, собственность *частную*? Является ли она *общественной* в таком случае? Если нет, то тогда какой?

Таким образом, сама логика объективного исследования заставляет Я. Корнаи проблематизировать «сталинско-струмилинскую» понятийную сетку, применяемую для описаний советских реалий. На 455 страницах своего исследования «социалистической экономики» он всячески избегает называть ее «рыночной». И вот, наконец, в завершающей части своего труда, фиксирует в ней «признаки рынка», несмотря на то что ранее подчеркивал господство в ней администрирования (Корнаи 1990а: 455). Однако, вместо того чтобы увидеть в этом противоречие самой общественной системы, автор сразу же прячется за «многозначностью термина рынок», переводя дискуссию в спор о словах (Корнаи 1990а: 455-456). Очевидно, что логика исследования Я. Корнаи движется в рамках фундаментального противоречия «реального социализма», сформулированного нами выше. Однако его мысль запинается о советскую понятийную сетку и не идет дальше робких возражений против нее.

Эта непоследовательность венгерского экономиста особенно ярко проявилась в одном из самых интересных и содержательных разделов его монографии, в седьмом параграфе тринадцатой главы, который называется «Наблюдения, касающиеся социалистической и капиталистической экономики» (Корнаи 1990а: 333-336). В нем содержатся очень важные тезисы, к сожалению, или не развитые автором, или развитые недостаточно, или развитые в такой форме, что возникает больше вопросов, нежели ответов.

Автор различает два капитализма (идея продуктивная, но совсем не известная многим современным исследователям, особенно левой ориентации, для которых существует только один капитализм XIX в.): «капитализм с жестким бюджетным ограничением» и «капитализм с мягким бюджетным ограничением» (нетрадиционный, выходит, капитализм).

Это и вызывает вопросы: какая социальная сила ограничивает бюджет капиталистических предприятий, хоть и «мягко»? Если это происходит, то кто их реальный собственник, контролирующий всю полноту принятия решений относительно данных средств производства? Не формальный юридический владелец, а именно *реальный собственник*? Как

вообще возможно это ограничение в условиях декларируемого господства частной капиталистической собственности?

Описанный Я. Корнаи «капитализм с мягким бюджетным ограничением» – это *донеолиберальный*, «кейнсианский» европейский капитализм 50–60-х гг. с высокой долей государственного регулирования рынка, фиксацией прибылей, сильными профсоюзами, протекционизмом и т.п. (Корнаи 1990а: 334). Словом, со всем тем, от чего откажутся более поздние неолиберальные правительства, чтобы привести свои национальные экономики к мировому кризису 2008–2009 гг. Венгерский экономист группирует все эти новые явления послевоенного капитализма, чтобы «показать их влияние на процесс смягчения бюджетного ограничения капиталистического предпринятия» (Корнаи 1990а: 335).

Я. Корнаи выделяет «мягкое бюджетное ограничение» в качестве существенного признака «традиционной социалистической экономики» (до-реформенной, «сталинской») (Корнаи 1990а: 336). Но тогда оказывается, что по этому признаку между тем, что автор называет «традиционным социализмом», и капитализмом, который можно считать *нетрадиционным*, разница концентрируется лишь в сферах политической и идеологической риторики правящих кругов, в сфере *надстройки*, но никак не в сфере *социально-экономического базиса*. В таком случае есть ли смысл сохранять за ними прежние названия «социализм» и «капитализм» (взятые именно в оппозиции)? Фактически мы имеем своеобразный симбиоз рыночной и нерыночной экономики, как в Советском Союзе, так и на Западе, симбиоз, название которому еще не придумано и закономерности которого еще мало исследованы. Но уже ясно, что законы и свойства данного типа экономики не тождественны как законам и свойствам «чистого» капиталистического рынка, так и законам и свойствам «сталинско-струмилинского» социализма, а раз так, перед нами иная, уникальная модель экономики.

Итак, Я. Корнаи убедительно показал, что советская экономика является не капиталистической, в том числе и не *госкапиталистической*, вопреки Т. Клиффу (Клифф 1991), даже не «кейнсианской». Но не объяснил, в силу каких причин ее можно считать *социалистической*. К рынку, существовавшему в рамках советской системы, можно «пришпандорить» предикат «социалистический» (как это делали часто в перестройку), но это не решит, а только обострит проблему.

«Социалистическая» экономика оказывается представленной в исследовании Я. Корнаи только со своей негативной стороны, со стороны *дефицита*: «Основное положение, выдвигаемое и разрабатываемое в книге, заключается в следующем: экономическая система, характерная для социалистического народного хозяйства до реформ, преследующих децентрализацию управления, неизбежно порождает дефицит» (Корнаи 1990а: 20). Общественная роль последнего предстает настолько гипертрофированной, что экономику данного типа автор называет «экономикой дефицита» (Корнаи 1990а: 20). При этом он делает вывод, что «дефицит не является следствием экономической отсталости страны» (Корнаи 1990а: 494). Из этого вытекает, что последний не может быть и следствием *застоя*

промышленного производства. Почему? Потому что дефицит постоянно дополнялся и компенсировался *перепроизводством* товаров. Образно выражаясь, советская экономика производила Х левых башмаков и Y правых. Сам Я. Корнай имеет в виду что-то подобное, когда пишет о «вынужденной замене», совершаемой домашними хозяйствами (Корнай 1990а: 405). Чтобы замена произошла, нужно, чтобы заменитель имелся в достатке. Однако постоянное *перепроизводство* товаров (в том числе ширпотреба) автором только упоминается, но не анализируется.

Тем не менее нарисованная самим Я. Корнаи картина экономики «реального социализма» такова, что исчерпывающим, наиболее точным, образом ее нужно характеризовать не только как «экономику дефицита», но и товарного избытка *одновременно*, то есть как *экономику хронического товарного дисбаланса*. Исследование венгерского экономиста выиграло бы, если бы с самого начала вопрос был поставлен именно так. Но феномен товарного перепроизводства едва обозначен, он пишет о нем как о явлении второстепенном.

Таким образом, общественная реальность схватывается Я. Корнаи односторонне. По причине этой однобокости ему не удастся сформулировать действительную проблему советской экономики как *товарный дисбаланс*. Неверно сформулированная проблема вследствие редукции к дефициту повлекла за собой и ошибочные средства ее решения в духе «рыночного романтизма» (Корнай 2012), обосновавшего практику, в результате которой дефицит товаров народного потребления сменился дефицитом денежных средств у населения, закономерно повлекшим за собой спад промышленного производства. Исследовательская установка Я. Корнаи на «сопоставление определения и утверждения с наблюдением, опытом, фактами» обернулась в новых исторических условиях декларацией.

Политическая монополия как условие «мягкого бюджетного ограничения»

Итак, в своем исследовании Я. Корнай исходит из двух фактов: 1) дирекция предприятий всегда стремится к росту объемов продукции; 2) имеет место «мягкое бюджетное ограничение», которое состоит в том, что государство всегда готово и, самое главное, *способно* снабдить предприятие капиталом. Причем это происходит таким образом, что предприятие становится хроническим должником (читай: банкротом), продолжая выпускать продукцию (даже низкого качества и никому не нужную). Его никто не банкротит, никто не требует отдать долг (это невозможно, ибо предприятие признается «общественным»). Все это, вместе взятое, порождает цепочку экономических диспропорций, что и влечет за собой дефицит ресурсов, а потом и потребительский дефицит.

Откуда берется первое, ясно: *директора*, администрация, «рабочая» бюрократия, работают на плановый показатель и заинтересованы в его достижении и превышении (перевыполнении плана), даже за счет ущемления интересов других предприятий. От этого зависело их место в бюрократи-

ческой иерархии и, следовательно, объем получаемых привилегий. В этом заключается *частный интерес директоров*, выступающий под прикрытием идеологии и бюрократической иерархии как их *всеобщий интерес*. В данном случае производители предстают в роли конкурирующих друг с другом потребителей ресурсов. Рыночная конкуренция в советской экономике воспроизвелась, будучи вытесненной в сферу потребления (Коряковцев 1994).

Но откуда у государства бесконечный избыток капитала, обеспечивающий жизнь убыточным предприятиям? Ответить на этот вопрос необходимо, чтобы продвинуться дальше по пути выяснения всей совокупности причин товарного дисбаланса.

В исследовании Я. Корнаи отсутствует прямой ответ на данный вопрос, но содержится подсказка: «...дефицит постоянно воспроизводится до тех пор, пока доминирующим отношением в производстве остается вертикальная зависимость предприятия» (Корнаи 1990а: 21). Под «вертикальной зависимостью» здесь необходимо понимать встроенность *директоров* предприятий в иерархию партийно-государственных должностей, на основании чего они и получали свою долю ресурсов.

Распределяющий ресурсы должен обладать *монопольной* собственностью на средства производства. Тот, кто монопольно контролирует бюджет и источник его пополнения, не озадачивается вопросом об объемах бюджета, он сам их определяет, исходя исключительно из своих потребностей. Он является не только единственным легитимным собственником, но и реальным субъектом спроса, хотя с точки зрения граждан это выглядит так, что «продавец получает превосходство над покупателем» (Корнаи 1990а: 18). Но это происходит лишь потому, что не граждане здесь контролируют спрос.

Этот реальный собственник не может быть обеспечен прибылью с рыночных операций (обменов), иначе говоря, он не может быть буржуазией. Буржуазия слишком зависит от рыночных колебаний и не способна обеспечить бесконечные инвестиции убыточным предприятиям. В данных условиях монопольный собственник *заведомо* всем обеспечен и напрямую не зависит от рынка благодаря *бюрократической ренте* (Коряковцев 2021b: 142). Собственника здесь интересует не обращение (возврат) капитала предприятиями, а воспроизводство *политической монополии*, обеспечивающей ему бюрократическую ренту. Отсюда и силовые (политико-административные) методы управления экономикой: в иных методах у правящих кругов просто нет потребности. Но кто этот могущественный собственник, если это не буржуазия и не трудящиеся?

Если мы свели все дело к политической монополии и бюрократической ренте, то ответ напрашивается сам собой: это высшая политическая бюрократия, известная как номенклатура, выступающая в качестве единой, иерархически разделенной, управленческой корпорации. Существует огромное количество трудов, от М. Джиласа (Джилас 1992) и М.С. Восленского (Восленский 1991) до А.Н. Яковлева (Яковлев 2001) и Р.И. Хасбулатова (Хасбулатов 1991), описывающих политические механизмы ее власти. Во всех этих работах изображена картина, где власть номенклатуры выглядит

исключительно как политический произвол и результат силовых и идеологических методов управления. Необходимо признать, что это является перевернутым изображением И.В. Сталина и С.Г. Струмилина, тавтологией с противоположным знаком. Историческая и экономическая необходимость данной системы власти, ее объективные закономерности и общественные условия воспроизводства здесь остались непознанными, а теории, авторы которых пытались их исследовать, прежде всего, теории Я. Корнай и А.А. Зиновьева, оказались невостребованными обществом и властью, никак не повлияв в 1980–1990-е гг. на общественное развитие.

Сейчас понятен назревающий в позднюю советскую эпоху конфликт между «директорами»-управленцами, «рабочей» бюрократией и бюрократией политической, носителем «социалистических», иллюзорно-всеобщих идеологических форм. Этот конфликт обострился, когда рухнули цены на нефть, когда дефицит ресурсов и товаров стал настолько непреодолимым к середине 80-х гг., что все традиционные советские способы их выколачивания уже не срабатывали. Вот тогда и началась деструкция советской общественной системы под названием «перестройка», и далеко не случайно она началась с саморазрушения партийной иерархии и критики коммунистической идеологии, не только скрывавших за собой рыночные реалии (реалии превращенного рынка), но и придававших целостность советскому государству и обществу. Как только эти советские «скрепы» рухнули, наименее стесненные идеологическими шорами получатели бюрократической ренты получили возможность конвертировать свои должности в капитал, в прибавочную стоимость. Наступила эпоха неолиберализма 1990-х гг.

Заключение

Политэкономия обществ советского типа, более известная как «политэкономия реального социализма», послушно следовала всем изгибам развития исследуемого общества, освобождаясь от идеологем революционной эпохи и закономерно превращаясь в «свое иное», в «политэкономия капитализма». Она прошла путь от постулирования понятий, унаследованных от революции промышленного пролетариата, до их проблематизации, от апологетики силовых (политико-административных) и идеологических методов управления до косвенного признания рыночного характера советской экономики, подразумевавшего отрицание ее плановости. Так она проявляла стремление к научности, но, наконец, став «политэкономией капитализма» в конце 80-х и в 90-е гг. в форме «рыночного романтизма» Е.Т. Гайдара, Г.Х. Попова, Л.И. Пияшевой и др., она не стала наукой *par excellence*, подчинившись новым идеологемам как массового сознания, так и государственных лидеров.

Таким образом, развиваясь в условиях советской и пореформенной эпох, политэкономия не предвосхищала исторические события на основе знания закономерностей общественного развития, как положено науке, а выражала интересы определенных общественных сил, противоречащих этому знанию. Тем самым, так сказать, «от обратного», она подтверждала

истину, воплощенную в «Капитале» К. Маркса: она способна быть наукой, только выходя за свои собственные пределы, только становясь *критикой политической экономии*.

Выше мы сформулировали проблему советского общества следующим образом: оно *еще* оставалось рыночным и уже не было таковым. Данное противоречие воплотилось в *превращенных формах рыночной экономики*, описанных Я. Корнаи как формы *социализма*. Развивая его идеи, можно сделать вывод: фундаментальной проблемой экономики советского типа является *проблема товарного дисбаланса*. Желанная для идеологов неосоветизма реанимация «плановой экономики» в ее директивном, «дореформенном» (Я. Корнаи), «сталинско-струмилинском» виде неизбежно воспроизведет товарный дисбаланс со всеми его социальными последствиями. До тех пор, пока не дан ответ на вопрос, каким образом его избежать, неосоветский проект возрождения директивного планирования принадлежит к разряду утопических в том смысле, что он не приведет к желаемым результатам.

Не менее несостоятельными оказались и позднесоветские эпигоны неолиберальной теории. Определив советскую экономику как «административно-командную систему», они проигнорировали тот факт, что это тоже рыночная экономика, только *другая*, существующая в иных общественных условиях. Особо следует отметить, что понятие «командно-административная экономика» не из лексикона венгерского экономиста. Более того, это понятие извращает его концепцию. Согласно Я. Корнаи, «экономика дефицита» выстраивается снизу вверх, как реализация интересов предприятий, находящихся *внизу* бюрократической иерархии. А ни в коем случае не сверху вниз, не вследствие административных команд государства. Причем Корнаи подчеркивает, что каждое из этих предприятий обладает частным, обособленным интересом, хотя юридически оно считается частью «общественной собственности».

Эта ошибка привела перестроечных экономистов к противопоставлению «свободного рынка» и советской экономики. Средством выхода из «экономики дефицита» были признаны «рыночные реформы». Таким образом, оказалось, что карты, бывшие у реформаторов на руках, не соответствовали не только их цели достигнуть «капитализма с человеческим лицом», но и желанию двигаться куда-либо вообще. Общество, вовлеченное в социальные перемены, только имитировало их. Оно оказалось способным лишь воспроизвести системные бюрократические общественные связи: «переход к рыночной экономике» осуществлялся силовыми (политико-административными) методами (рейдерскими захватами и политическими решениями, не обоснованными экономически) и оправдывался идеологией, выражающей социальное *желаемое* и социальное *воображаемое*, а не практический опыт; одним словом, «по-сталински» и «по-струмилински», только с иными результатами. На смену «красному» сталинизму пришел «белый».

Подобная общественная эволюция наполнена идеологическими сублимациями и исключает формирование социального субъекта, способного создать альтернативу наличному социальному порядку. В данном случае имеет место лишь дальнейшее превращение рыночных отношений. Это

означает не слом, а *развитие* той социально-экономической системы, которая возникла в СССР 1920–1930-х гг. и которая, очевидно, до сих пор не исчерпала свой исторический потенциал.

Значение теории Я. Корнаи в связи с данной общественной эволюцией трудно переоценить: она подводит итог советской «политэкономии социализма» и открывает новую парадигму обществоведческих исследований постсоветского общества. Несмотря на свою противоречивость и неполноту (или, точнее, благодаря им), она предстает в качестве исходной теоретической точки анализа современного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Восленский М.С. 1991. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Москва : Советская Россия : Октябрь. 624 с.

Джилас М. 1992. Лицо тоталитаризма. Москва : Новости. 544 с.

Зиновьев А.А. 1994. Коммунизм как реальность. Москва : Центрполиграф. 495 с.

Клифф Т. 1991. Государственный капитализм в России. Ленинград. 286 с.

Корнаи Я. 1990а. Дефицит. Москва : Наука. 607 с.

Корнаи Я. 1990б. Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту экономических преобразований. Москва : Экономика. 150 с.

Корнаи Я. 2007. Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии. Москва : Логос. 448 с.

Корнаи Я. 2012. Размышления о капитализме. Москва : Издательство Института Гайдара. 352 с.

Коряковцев А., Вискунов С. 2017. Марксизм и полифония разумов. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 684 с.

Коряковцев А.А. 1994. Политическое самоотчуждение труда и проблема социалистической революции : автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург. 22 с.

Коряковцев А.А. 2021а. Диалектический синтез в социальной теории К. Маркса // Маркс утраченный, Маркс обретенный. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь / под ред. А.А. Коряковцева. Москва ; Екатеринбург : ИФИП УрО РАН : Кабинетный ученый. С. 280-296.

Коряковцев А.А. 2021б. Современная трансформация капиталистического общества и актуальность методологии классического марксизма // Философские науки. № 4. С. 133-159.

Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. 2007. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 240 с.

Маркс К. 1980. Экономические рукописи 1857–1867 гг. (Первоначальный вариант Капитала) : в 2 ч. Ч. 1. Москва : Издательство политической литературы. 564 с.

Маркс К. 2010. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. Москва : Академический проект. 775 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 3. Москва : Государственное издательство политической литературы. С. 7-544.

Сталин И.В. 1952. Экономические проблемы социализма в СССР. Москва : Государственное издательство политической литературы. 223 с.

Струмилин С.Г. 1957. Планирование в СССР. Москва : Государственное издательство политической литературы. 96 с.

Сушков А.В. 2016. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН. 300 с.

Хасбулатов Р.И. 1991. Бюрократическое государство. Москва : Мегаполис-Таком : Русская энциклопедия. 256 с.

Энгельс Ф. 1965. Йозефу Блоху в Кенигсберг, Лондон, 21–22 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 37. Москва : Издательство политической литературы. С. 393-397.

Яковлев А.Н. 2001. Омут памяти. От Столыпина до Путина : в 2 кн. Кн. 1. Москва : Вагриус. 624 с.

Koriakovtsev A. 2017. *Daquela sociedade sovietica* // *Tempos novos*. No 246. P. 70-71.

References

Cliff T. *State Capitalism in Russia*, Leningrad, 1991, 286 p. (In Russ.).

Djilas M. *The Face of Totalitarianism*, Moscow, Novosti, 544 p. (In Russ.).

Engels F. Engels to Joseph Bloch in Königsberg, London, September 21–22, 1890, *Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 37*, Moscow 1965, pp. 393-397. (In Russ.).

Khasbulatov R.I. *The Bureaucratic State*, Moscow, Megapolis-Takom & Russkaya entsiklopediya, 1991, 256 p. (In Russ.).

Kornai J. *By Force of Thought: Irregular Memoirs of an Intellectual Journey*, Moscow, Logos, 1990, 448 p. (In Russ.).

Kornai J. *Reflections on Capitalism*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2012, 352 p. (In Russ.).

Kornai J. *The Road to a Free Economy. Passionate Speech in Defense of Economic Transformation*, Moscow, Ekonomika, 1990, 150 p. (In Russ.).

Kornai J. *The Shortage*, Moscow, Nauka, 1990, 607 p. (In Russ.).

Koryakovtsev A., Viskunov S. *Marxism and the Polyphony of Rationalities*, Moscow & Yekaterinburg, Kabinetnyy uchenyy, 684 p. (In Russ.).

Koryakovtsev A.A. *Daquela sociedade sovietica* [Soviet Society], *Tempos novos*, 2017, no. 246. pp. 70-71. (In Galician).

Koryakovtsev A.A. *Dialectical Synthesis in Marx's Social Theory*, Koryakovtsev A.A. (ed.) *Marx Lost and Marx Regained. A Book on Marx's Philosophy: How and Why It was Lost and Regained in Russia*, Moscow & Yekaterinburg, Institut filosofii i prava UrO RAN & Kabinetnyy uchenyy, 2021, pp. C. 280-296. (In Russ.).

Koryakovtsev A.A. *The Modern Transformation of Capitalist Society and the Relevance of Classical Marxist Methodology*, *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], no. 4, pp. 133-159. (In Russ.).

Koryakovtsev A.A. *The Political Alienation of Labor and the Problem of the Socialist Revolution: PhD thesis abstract*, Yekaterinburg, 1994, 22 p. (In Russ.).

Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Karl Marx's Philosophical Anthropology*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2007, 240 p. (In Russ.).

Marx K. *Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and Other Early Philosophical Works*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2010, 775 p. (In Russ.).

Marx K. *Economic Manuscripts of 1857–1867. (The Initial Version of Capital): in 2 books. Book 1*, Moscow, 1980, 564 p. (In Russ.).

Marx K., Engels F. 1955. *The German Ideology*, *Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 3*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, pp. 7-544. (In Russ.).

Stalin J.V. *Economic Problems of Socialism in the USSR*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952, 223 p. (In Russ.).

Strumilin S.G. *Planning in the USSR*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957, 96 p. (In Russ.).

Sushkov A.V. *The Case of the "Tank King" Isaac Saltzman*, Yekaterinburg, Institut istorii i arkheologii UrO RAN, 2016, 300 p. (In Russ.).

Voslensky M.S. *Nomenklatura: The Soviet Ruling Class*, Moscow, Sovetskaja Rossija & Oktjabr', 1991, 624 p. (In Russ.).

Yakovlev A.N. *Whirlpool of Memory. From Stolypin to Putin: in 2 books. Book 1*, Moscow, 2001, 624 p. (In Russ.).

Zinoviev A.A. *Communism as a Reality*, Moscow, Centrpoligraf, 1994, 495 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Александрович Коряковцев

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0000-0002-8819-8626;

ResearcherID: ISB-6473-2023;

SPIN-код: 2411-4360;

E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Koryakovtsev

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0002-8819-8626;

ResearcherID: ISB-6473-2023;

SPIN-code: 2411-4360;

E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Панкевич Н.В. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 47-76.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_47

УДК 323.21:323.22:32.019.52

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_47

Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства

Наталья Владимировна Панкевич

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

*Поступила в редакцию 20.05.2023, поступила после рецензирования 31.05.2023,
принята к публикации 04.06.2023*

В статье исследованы возможности содержательного обновления аналитических и управленческих подходов в рамках государственной политики общественного единства. В современных условиях реализация ее задач зачастую осложнена накопленным большинством обществ потенциалом социально-демографического сверхразнообразия и ценностного плюрализма. Совокупный эффект данных процессов позволяет говорить о наличии глубоко расколотых сообществ под фасадами политического единства современных государств. Автором статьи обоснован тезис

© Панкевич Н.В., 2023

о том, что сочетанное накопление в структуре общества меньшинств, консолидированных вокруг социального статуса, и рост политической значимости миноритарных ценностных дискурсов лишь на первый взгляд имеют общие корни и подлежат диагностике и социальной терапии схожими методами. Проанализированы причины современных институциональных предпочтений в пользу разрешения проблем разнообразия, консолидированного вокруг социального статуса, и установлено, что они связаны преимущественно с институциональной спецификой современного государства. Рассмотрен политический потенциал децентрализованных политически мотивированных акторов, их вклад в нарастание социальной поляризации, а также репертуар политического действия. Предложен подход к концептуализации подобных субъектов политического действия в качестве дискурсивных коалиций. Выявлены причины выпадения децентрализованных акторов из основных полей адресной государственной идентитарной политики, а также определены возможные направления восполнения аналитического арсенала для их выявления, содержательной фиксации их требований, выработки механизмов интеграции отклоняющихся ценностных дискурсов в общее русло государственной политики единства. В качестве системы, прямо предрасположенной к коммуникации с децентрализованными общественными дискурсами, в статье рассмотрена судебная власть. Показаны возможные пути ее институционального развития как одного из центральных субъектов государственной политики общественного единства.

Ключевые слова: политика единства, гражданская идентичность, национально-государственная идентичность, децентрализованная ценностная система, дискурсивная коалиция, дискурсивный конфликт, политические ценности, конституционный патриотизм, единство правового пространства, судебная власть

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Decentralized Value-Inspired Communities: Towards the Renewal and Institutional Development of the State Unity Policy

Natalia V. Pankevich

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Received 20.05.2023, revised 31.05.2023, accepted 04.06.2023

Abstract. The article examines the possibilities of a meaningful revision of analytical and managerial approaches within the framework of the state policy aimed at ensuring social unity. Today, its implementation is often complicated by the potential of socio-demographic super-diversity and value pluralism accumulated by the majority of societies. The cumulative effect of these processes suggests the presence of deeply divided communities under the facades of the political unity of modern states. The article substantiates the thesis that the combined accumulation in the structure of society of minorities consolidated around social status and the growth of the political significance of minority value discourses only at first glance have common roots and are subject to

diagnosis and social therapy by similar methods. The article analyzes the reasons of contemporary institutional preferences in favor of solving the problems of diversity consolidated around social status. It is established that they are predominantly related to the institutional specifics of the modern state. The political potential of decentralized value-motivated actors, their contribution to the social polarization, and the repertoire of political action are considered. An approach to the conceptualization of such actors as discursive coalitions is proposed. The article explains why the state identity policy evades targeting the decentralized actors and suggests possible directions of replenishing the analytical arsenal for their identification, fixation of their requirements, and development of mechanisms for integrating deviant value discourses into the mainstream of unity policy. The article examines the judicial branch as a system directly predisposed to communication with decentralized public discourses, and shows possible ways of its institutional development as one of the central subjects of the state policy of social unity.

Keywords: policy of social unity, civil identity, national-state identity, decentralized value system, discursive coalition, discursive conflict, political values, constitutional patriotism, unity of legal space, judicial branch

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00427, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00427/>

For citation: Pankevich N.V. Decentralized Value-Inspired Communities: Towards the Renewal and Institutional Development of the State Unity Policy, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 47-76. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_47

Государственная политика идентичности и проблема децентрализованных сообществ

В периоды масштабных кризисов укрепление идентитарных ресурсов, которые определяют возможности самоотождествления больших масс с социальным целым (Акопов 2022) и на которые властные центры могут опереться в реализации стратегических приоритетов, становится одной из наиболее актуальных задач государственного управления. Эффективная политика в данном направлении предполагает разработку комплекса мер для установления содержательной наполненности и причин возникновения отклоняющихся общественных дискурсов и поиска путей их интеграции в структуру единой гражданской идентичности, превосходящей локальные солидарности и групповые лояльности.

В современных условиях реализация этой задачи часто осложнена накопленным большинством обществ потенциалом социально-демографического сверхразнообразия и ценностного плюрализма. Несмотря на то, что плюралистические конструкции – свобода слова, отказ от государственной религии и идеологии, языковые права, недискриминация или позитивная дискриминация меньшинств, неприкосновенность частной жизни – выносятся в ряд особо защищаемых, в том числе конституционно, оснований общественной жизни, неконтролируемое нарастание их эффектов часто ведет к очевидно дисфункциональным последствиям, разрушающим общественное согласие. Совокупный эффект от процессов

социального дробления и ценностной поляризации позволяет исследователям говорить о наличии глубоко расколотых сообществ под фасадами политических единств современных государств (Кудряшова, Харитоновна 2020).

Сталкиваясь с подобными явлениями, государственная политика единства, опирающаяся на стандартные концепции идентичности, в основе которой лежат национальная история, культура, традиция, обнаруживает свой ограниченный характер и нуждается в существенном расширении инструментального арсенала. При этом центр внимания практического управления сегодня принадлежит именно вопросу интеграции социально-демографических групп, характеризующихся особым социальным статусом, выраженной культурной самобытностью. Это проблема эффективного включения в состав социума различного рода меньшинств, длительно сохраняющих свое отличие на фоне охватывающего сообщества или привнесенных миграционными процессами.

Однако представляется, что задача современной идентитарной политики должна быть сформулирована гораздо шире. Обозначенная проблема сочетанного накопления в структуре общества социальных меньшинств и рост политической значимости миноритарных ценностных дискурсов лишь на первый взгляд имеют общие корни и подлежат диагностике и социальной терапии схожими методами. Требуется не только обеспечить встраивание в социальное целое групп, которые уже обладают выраженной инаковостью, формирующей социальный статус и позволяющей занять определенную позицию в структуре общества. Необходимо также выявить дискурсы, ориентированные на отклоняющиеся от общепринятых интерпретации ценностных оснований социальной жизни, вокруг которых происходит консолидация ранее децентрализованных и дисперсных сообществ.

Значимую часть данной совокупности составляют частные интерпретации публичных ценностей, закрепленных уже в конституционных рядах национальных государств (Блещик, Калинина, Несмеянова 2021). Контестация этих ключевых для политики смысловых комплексов становится крупнейшим вызовом гражданскому и политическому единству. Особенно с учетом того, что субъекты контестации демонстрируют высокую способность к формированию экстратерриториальных сообществ, действующих поверх государственных юрисдикций (Семененко, Лапкин, Пантин 2021: 67).

Проблемным моментом в реализации этой части идентитарной политики является то, что сообщества, объединенные альтернативными ценностными дискурсами, часто не обладают какими-либо выраженными «стационарными» социальными статусами. Последние обычно связывают с расовой, этнонациональной, религиозной, региональной принадлежностью, иноязычием или миграционным опытом, особым местом в поколенческой структуре и рассматривают в качестве формальных индикаторов и естественных интеграторов согласованных «параллельных обществ» (Пронина 2021). Именно в отношении таких групп возникает ожидание стремления утвердить свою особость, различие, партикулярную идентичность по отношению к социальной норме (Осколков 2020: 111).

При этом следует четко осознавать и тот факт, что, хотя «примордиальные» интеграторы могут политически инструментализоваться и в этом качестве представляют значимую проблему, их опасность не является абсолютно фатальной для общественного единства. Консолидированные вокруг социального статуса меньшинства в условиях должного признания могут вполне мирно и эффективно встраиваться в общую канву политического единства, как это показывает опыт становления и существования многоконфессионального, многонационального и регионально разнообразного российского государства. В то же время социально и пространственно дисперсные группы могут демонстрировать очевидное стремление к обособлению на ценностных основаниях, составляя серьезную угрозу общественному единству.

Для выявления децентрализованных сообществ – продуцентов миноритарных ценностных дискурсов не вполне пригодным оказывается также и представление о наличии в обществе эпистемных сообществ (Haas 1992), связанных с определенной функциональной или, что наблюдается чаще, профессиональной принадлежностью, предрасполагающей к ценностной консолидации представителей определенных секторов общественной системы. В этом смысле широко известны примеры влиятельных анклавов в судебных кругах и адвокатуре (Strong 2017), медиа (Usher, Ng 2020), культурной среде, университетах (Gore 2011) – профессиональных сообществах (Коллиер 2021), принимающих на себя функцию экспертного знания и ценностного лидерства.

Однако социальный профиль представителя децентрализованного ценностно мотивированного сообщества не всегда специфичен. Он может совпадать с профилем медианного гражданина по большинству качественно и статистически измеримых показателей. Подобные акторы представляют собой скорее «дискурсивные коалиции» (Dąbrowska 2019), которые группируются вокруг определенных наборов смыслов, сюжетных линий, метафор и интерпретаций (Hajer 2006: 69-70). Такие социальные образования подвижны и нестабильны, в какой-то степени причудливы, но при этом вполне эффективны в формулировании альтернативных способов понимания приоритетов общественной жизни.

Более того, эффективную контестацию официальной интерпретации публичных ценностей вполне способен осуществить даже единственный индивид, действующий в частных интересах. И такие случаи могут вести к организационным реакциям самого высокого уровня. Подобно тому как вопрос о гендерном равенстве применительно к службе женщин в армии¹ привел к изменению Конституции ФРГ. А рассмотренный во внешней инстанции вопрос о равном праве мужчин и женщин, служащих в российской

¹Verwaltungsgericht Hannover, Germany. Tanja Kreil v Bundesrepublik Deutschland. Equal Treatment for Men and Women – Limitation of Access by Women to Military Posts in the Bundeswehr. Case C-285/98. Judgment of the Court. January 11, 2000 // EU law – EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61998CJ0285&qid=1669022903009> (дата обращения: 29.03.2023).

армии, на отпуск по уходу за ребенком² запустил мощный каскад оградительных реакций, затронувших в том числе вопросы государственной правовой автономии и суверенитета³. При этом сам метод контестации официального ценностного дискурса задал определенный стандарт действий для последователей и начал тиражироваться⁴.

В силу первоначальной неразличимости на фоне сообщества субъект подобной активности выпадает из поля зрения программ, сфокусированных на специальных целевых аудиториях – национальных или языковых меньшинствах, коренных малочисленных народах, мигрантах, беженцах, религиозных группах, локальных и региональных культурных идентичностях, профессиональных сообществах, рентных группах и т.д. Именно поэтому ценностное предпринимательство децентрализованных сообществ способно в высокой степени поляризовать социум. Особенно в том случае, когда ориентир, консолидирующий ценностную позицию, формируется за пределами центральной ценностной системы общества и инструментально используется внешним агентом влияния для дестабилизации ситуации в той или иной стране как «деструктивная идеология»⁵. В некоторых ситуациях такая активность способна поставить под удар общественную безопасность на социетальном уровне (Buzan 1991).

Дискурсивные коалиции в политическом конфликте

Потенциал социальной напряженности, который может быть сформирован дисперсными ценностно мотивированными группами, обладает доказанной интенсивностью. Практика сегодняшнего дня, в том числе российская (Давыдов 2022), показывает, что в целом ряде случаев именно конфликт, структурированный вокруг различия в интерпретации публичных гражданских ценностей, определяет политическую повестку дня. Ценностные дискуссии в этой области превосходят по своей остроте традиционные конфликты вокруг вопросов о материальном неравенстве и справедливом распределении рисков и прав доступа к общественным благам (Inglehart 2018). Часто подобная напряженность становится при-

² ECtHR. Case of Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. Judgment of the Court (Grand Chamber). Strasbourg, March 22, 2012 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Konstantin%20Markin%20v.%20Russia%22%5D%7D> (дата обращения: 29.03.2023).

³ Валерий Зорькин: Россия должна бороться с внешним «дирижированием» правовой ситуацией в стране // Российская газета. 28.10.2010. URL: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (дата обращения: 29.03.2023).

⁴ Гордеев В., Порываева Л. Отцы-силовики выиграли в ЕСПЧ иск о праве на отпуск по уходу за ребенком // ПБК. 08.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/07/2021/60e6977b9a7947d296f36a53> (дата обращения: 29.03.2023).

⁵ См., напр.: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ст. 14–17) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.03.2023).

чиной весьма серьезных социальных и институциональных потрясений, ведет к принятию очевидно спорных политических решений и острым социальным реакциям на них. Более того, именно такие ситуации обнаруживают пределы политики идентичности, которая исходит из предполагаемого глубинного исторически определенного единства политического сообщества и наличия в нем стабильного в ценностном отношении социального большинства.

Примером тому события в Польше, где пролайферские решения правящей элиты, получившие свое закрепление в очередном весьма существенном ограничении права женщин на прерывание беременности, исходили из явно необоснованного оптимизма в отношении духовного водительства Церкви в обществе и завышенной оценки католической ориентированности большинства населения страны. Внедрение в законодательство новых норм в указанной области привело в 2020–2022 гг. к массовым регулярным протестам с высокой интенсивностью противостояния граждан и силовых структур, причем сами протестующие прямо определяли сложившуюся ситуацию в терминах гражданской войны⁶.

Польский протест обнажил высокую конфликтность между стратегиями государственной демографической политики, гарантиями права на жизнь, здоровье, достоинство, ценностями гендерного равенства, религиозными догматами и свободой вероисповедования. В более опосредованном виде он обнаружил зазор между политическими ценностями представительного характера власти и реальной подконтрольностью ее решений массовому обществу. Или по крайней мере той его части, которая наиболее чувствительна к принятым решениям, что неизбежно провоцирует вопрос о качестве демократического правления (В.Н. Руденко 2021). А на более фундаментальном уровне протест поставил вопрос о действительности глубинного единства, укорененного в истории страны и ее традиционных ценностях, при однородном в иных отношениях социальном составе польского общества.

Показательный пример дает и опыт Франции, где законодательные усилия в ответ на повышенное общественное внимание к вопросам общественной безопасности перед лицом массовых угроз реализовались в 2021 г. в так называемом законе о глобальной безопасности⁷. Правительственные решения операционализировали ценности социального порядка в категориях расширения гарантий для служащих силовых структур, запрета на их деанонимизацию при исполнении служебных обязанностей и раскрытие личностей членов их семей. Очевидно, что утвержденные правительственным центром меры вошли в критическое противоречие с целым рядом ценностных установок

⁶ Полина И. «Это война»: в Польше судебное решение по поводу абортов вызвало небывалые протесты // ТАСС. 27.10.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9826079> (дата обращения: 29.03.2023).

⁷ Sécurité globale (dépôt: le 26 octobre 2020; publiée au Journal Officiel du 26 mai 2021) // Assemblée nationale. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/dossiers/alt/securete_globale1 (дата обращения: 29.03.2023).

гражданского плана. Среди них заметны единство правового пространства, равенство и обращенность законодательных норм ко всем гражданам, свобода слова, собрания и печати, установленная в стране еще в 1881 г., противодействие властной коррупции и определение пределов вмешательства в частную жизнь.

Траектория принятия законопроекта Национальным Собранием, одобрение Сенатом, дальнейший отзыв и вступление в процесс Конституционного Совета Франции являются результатом явного дефекта в оценке законодателем наличного общественного консенсуса, предположительно основанного на приоритете коллективистских ценностей безопасности перед гражданскими свободами. В результате массовые уличные протесты в ответ на предложенные обществу решения стали одним из непредвиденных и при этом ключевых последствий.

Взаимодействие различных смысловых компонентов в рамках общественной дискуссии о гражданских ценностях открывает новые, непредсказуемые линии противостояния внутри существующих конфликтов. Так, вето британского правительства на принятый в Шотландии закон о признании смены пола, по сути сводящий эту процедуру к самодекларации, привело к взаимоусилению радикальной гендерной повестки и региональных сепаратистских устремлений. Данный конфликт вносит определенный вклад в подрыв регионального единства страны, которое и до того было достаточно шатко в свете результатов референдума 2014 г. о сохранении Шотландии в составе Соединенного Королевства. Между тем сторонники принятия проблемного регионального закона аргументируют его необходимость с позиций равенства, социальной справедливости и недискриминации, ценностей представительной демократии и законодательного процесса в рамках демократически избранного правительства. Парадоксально, но и инициаторы вето исходят из тех же ценностных принципов, но в иных содержательных трактовках и апеллируя к другим аудиториям⁸.

Консолидация децентрализованных ценностно мотивированных акторов и их выход в большую политику не являются проблемой отдельных стран. Радикализация требований в области прав человека, связанная с приоритизацией разнообразия, обнаруживает потенциал экспансии в самые различные области через навязывание специфических кадровых стратегий в структурах государственного управления, общественно значимых секторах экономики, образования и культуры (Дроздова 2021). Практически повсеместно возникают и заявляют о себе как субъекте равных прав в области имущественных отношений, наследования, налогообложения, государственных программ помощи в обеспечении жильем, доступа к усыновлению и репродуктивным технологиям сообщества, практикующие нетрадиционные форматы частной жизни. В отдельных юрисдикциях их ак-

⁸ Donaldson K. Sunak Blocks Scotland's Transgender Bill, Angering Nationalists // Bloomberg. 16.01.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-16/sunak-blocks-scotland-s-gender-bill-stoking-nationalist-ire?srnd=premium&srref=XNB4Nygi> (дата обращения: 29.03.2023).

тивность достигает явного успеха на уровне решений в судебных органах⁹ и далее в государственных парламентах¹⁰.

Наблюдается и повышение роли альтернативных медицинских и экологических повесток, в рамках которых активисты предпринимают действия, выходящие далеко за рамки упорядоченного политического диалога. Это не только ставшие привычными акции, призванные привлечь внимание к конкретным злоупотреблениям, событиям и этически чувствительным практикам, но и такие действия, как блокирование производств и компаний, транспортной инфраструктуры, саботаж международных соглашений о строительстве инфраструктурных объектов, несанкционированное уничтожение и порча этически сомнительных товаров. В репертуар протестного действия входят даже такие универсально признаваемые преступления, как акты пиратства¹¹.

Несмотря на значительное содержательное разнообразие новых политических повесток, их объединяет возможность в отсутствие единого официального и обязывающего видения сформулировать конфликтную интерпретацию публичных ценностей или радикализовать конфликты внутри их отдельных компонентов. Принципиально, что деструктивный потенциал политических и законодательных решений, основанных на неверной оценке актуального соотношения официального ценностного дискурса и миноритарных ценностных повесток в области гражданских прав, обнаруживается преимущественно постфактум. Перед лицом неожиданного массового уличного протеста различного рода радикалов и экстремистов, который становится предметом компетенции уже силовых ведомств. При этом очевидно, что лишь ужесточение законодательства, регулирующего протестную активность, не является оптимальным выбором в проведении политики единства, поскольку еще интенсивнее вытесняет эту деятельность из публичного поля и тем самым способствует нарастанию коммуникативного разрыва между властью и соответствующими частями общества (Казанцев 2022).

Развитие ценностного конфликта ведет также к становлению и процветанию социально нежелательных теневых секторов экономики. Примером тому коммерческий успех некоторых направлений польского медицинского туризма и откровенно криминального «абортного подполья». Тот же конфликт в условиях непримиримости радикальных экологических

⁹ Fisher D. Supreme Court Rules Same-Sex Marriage Is a Constitutional Right // Forbes. 26.06.2015. URL: <https://www.forbes.com/sites/danielfisher/2015/06/26/supreme-court-rules-same-sex-marriage-is-a-constitutional-right/?sh=1030dfdcdd0> (дата обращения 29.03.2023).

¹⁰ U.S. Supreme Court. Obergefell v. Hodges. Docket No. 14-556. Decided: June 26, 2015 // Justia US Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/576/14-556/>; Karni A. Bill to Protect Same-Sex Marriage Rights Clears Congress // New York Times. 08.12.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/12/08/us/politics/same-sex-marriage-congress.html> (дата обращения: 29.03.2023).

¹¹ Шестаков Е. МИД РФ назвал вердикт по Arctic Sunrise поощрением пиратов // Российская газета. 25.08.2015. URL: <https://rg.ru/2015/08/25/verdikt-site.html> (дата обращения: 29.03.2023).

позиций и повесток в области прав человека с интересами развития экономики результирует в осложнении инвестиционного фона отдельных регионов и индустрий, невозможности создания рабочих мест, развитии ресурсного и товарного дефицита, неконтролируемом росте цен в инфраструктурных секторах, включая энергетический. Значимым негативным последствием конфликтов вокруг децентрализованного производства ценностных дискурсов становится и «голосование ногами» – исход части населения той или иной страны в юрисдикции, которые распознаются как более удобные и идейно дружественные.

Государствоцентричный нарратив о политическом сообществе

Приведенные примеры показывают, что осуществление политики единства сегодня характеризуется определенной односторонностью. Представляется, что недоучет политического потенциала децентрализованных ценностно мотивированных акторов напрямую связан с институциональной спецификой самого института государственности. Сегодня понимание политического сообщества во многом задано доминированием организационной формы государства в его современной ипостаси «социальной клетки» (Mann 1993: 61) – системы правительственных институтов, удерживающих демографически определенное, поддающееся визуализации и документированию, территориально специфическое сообщество реальных лиц и групп, объединенное общим интересом и долговременной стратегией. В этом направлении особое значение для идентитарной политики предсказуемо приобретает смысловой комплекс исторического пути, коллективно пройденного сообществом в его транспоколенческой полноте, и необходимости преодоления его разрывов. Совместное переживание побед и массового травматического опыта, совладание с вызовами завоевания, ига, обретение свободы и сохранение уникального строя перед лицом разрушающих социальное единство импульсов формируют представление о политическом единстве в форме «нации соотечественников» (Хабермас 2001).

Дискурс историзма, присущий этому изводу политики единства, распространен весьма широко и, по-видимому, представляет собой конституирующую часть процесса огосударствления и национализации мирового политического пространства (Панкевич 2022). В этом представлении заложенные в глубоком прошлом силовые линии, сформировавшие государство и закалившие характер его граждан, транслируются в актуальную повседневность, создавая ключевой троп «сообщества судьбы», единство которого предопределено коллективным опытом и направлено в будущее.

Данная перспектива формирует особый стратегический нарратив¹² о политическом сообществе и его единстве. Официальные дискурсы в рамках данной концепции определяют его как материальную предпосылку соот-

¹² Здесь термин «стратегический нарратив» понимается как смысловой комплекс, позволяющий управлять ожиданиями, структурировать реакцию на развивающиеся события (Freedman 2006: 22). Его основной управленческой функцией стано-

ветствующей ему идентичности государства и объясняют через различия в окружающей природной и социальной среде за пределами сообщества. В этом смысле идентичность и ценностное единство являются не характеристикой или атрибутом сообщества, требующими управления и культивирования, но фундируют его (Панкевич, Руденко 2021).

В свою очередь, такое понимание единства кодирует вполне конкретные практики государственного управления, которые в своей совокупности можно характеризовать, в терминологии М. Фуко (Фуко 2006), как технологии населения, ориентированные на производство стандартизированных граждан, «чьей лояльности нации не будет мешать внесоциетальная принадлежность» (Robertson 1990: 49). Очевидно, что такая парадигма единства предполагает разрыв с субгосударственной территориальной и социальной локальностью – местным обычаем или любой миноритарной солидарностью. В этом движении она означает стремление к согласованной тотальности общества, непротиворечиво удерживающей все возможное ценностное многообразие в качестве частных деполитизированных случаев общности в ее этноконфессиональном, региональном, социальном, поколенческом плюрализме.

Неизбежным следствием данной техники будет стабилизация нормативных ожиданий о наличии и действительности определяющего исторически сложившегося социального большинства и необходимости встраивания отклоняющихся социальных групп в общую канву ориентированной на государство идентичности. Конституирующий миф об изначальности и действительности единства ставит в центр государственной идентитарной политики проблему преодоления исторически неразрешенного и незавершенного социального раскола ассимиляционными практиками или интеграцией отклоняющегося социального элемента на особых условиях.

Фиксированность современной государственной политики единства именно на проблеме отклоняющегося в социальном отношении и сплоченного вокруг социального статуса меньшинства вполне понятна. С одной стороны, проблема меньшинства часто приобретает длящийся характер, особенно в государствах, которые стали наследниками империй с их этнически и культурно пестрым населением. И потому, несмотря на то что политические стратегии миноритарных акторов могут результировать в весьма болезненных для государства эффектах, включая региональные сецессии, на эти контингенты невозможно в полной мере распространять тотализирующий характер коллективного опыта, травм поколений, совместных эмоциональных переживаний от побед и поражений.

С другой стороны, возрастает зазор между ценностными требованиями исторического ядра политического сообщества и реальными стратегиями растущих в числе и требующих признания меньшинств, привнесенных миграционными процессами. Популистские требования, основанные

вится «...семантическое программирование политического опыта и (производство) взаимосвязанного комплекса взаимных ожиданий, способов и схем включения индивидов в политические сообщества... посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени» (Завершинский 2019: 102).

на представлении об уязвимой культуре и ценностях большинства, а также чуждом атакующем меньшинстве, легитимируют себя через обращение к истории государства и набирают силу по всему европейскому континенту.

Данное видение находит поддержку в обществах, уставших от диспропорционального подъема значимости консолидированных меньшинств. Продолжающийся успех «Альтернативы для Германии» в обществе, где денационализированная культура толерантности и принятия «другого» сознательно культивируется «сверху» в нескольких послевоенных поколениях, – лишь один из примеров такого развития. В его основе критические расхождения между наличными представлениями о ценностях в понимании политической элиты и населения, конфликт между ориентированной на государство массовой потребностью в секьюритизации национального политического пространства, исторической травмой нацизма и реальным социальным разнообразием и ценностным плюрализмом общества.

Реакции на подъем значимости консолидированных вокруг стационарного различия миноритарных акторов часто интерпретируются как свидетельство нарастающих радикалистских тенденций. Однако в действительности это оказывается очень консервативной и в ценностном, и в организационном отношении реакцией на проблему. Очевидно, что в этом движении и идентитарная политика центров, и альтернативное ее видение со стороны оппонентов оказываются заключены в одну и ту же стандартную парадигму изначальности единства как «достоверного» факта, обладающего учредительной силой. В итоге на первый план политического процесса выдвигаются требования большей интеграции и обязывания отклоняющихся меньшинств перед «большим сообществом», исходя из определенных историзированных интерпретаций ценностей, присущих тому или иному государствоцентричному социуму.

Политика единства и вызов традиционализации

Общей чертой подобных программ является, во-первых, реактивная национализация внутривнутриполитического пространства под эгидой государства. И, во-вторых, традиционализация публичных политических ценностей как естественный ответ на проблему накопления сплоченных вокруг статуса меньшинств. Этот путь не является беспроблемным.

На первом плане политического процесса традиционализация способствует возвращению в центр публичной политики таких ранее деполитизированных тем, как модели семейных отношений, правовые условия вступления в брак, страновые форматы гендерного равенства в их функции элементов «права почвы», легитимирующих социальный порядок исторически сложившейся «здесь» политической общности. Примером тому изменения в области регулирования законодательства о браке и семье в Швеции с жесткой фиксацией минимального брачного возраста. Очевидно, что меры подобного толка обращены преимущественно к социальным практикам мигрантов в целях вытеснения их за пределы правового поля. Или крупные законодательные изменения в области семейных отношений в Венгрии, где

они приобрели статус конституционной реформы. Той же природы многолетняя история вокруг референдума о семье в Румынии, целью которого стала конституционализация традиционной модели семейных отношений (Norocel, Băluță 2021).

Однако на этом пути традиционализация вступает в сложные отношения с не менее значимыми для современных обществ нарративами прогресса, плюрализма, индивидуальных прав и свобод. Она возвращает в центр политики единства вопрос о фундаментальных гражданских правах и их содержательной наполненности в собственном качестве. В этой синергии возрастает политизация повесток о соотношении индивидуальных и коллективных прав, о равенстве и справедливом их распределении. Это дискуссия о родительских правах и общественных приоритетах в воспитании и образовании – поляризация обществ по вопросам о ювенальной юстиции (Троянова 2019), о наилучших интересах ребенка и локусе их представительства (Tolonen, Koulu, Hakalehto 2020) и т.д.; дискуссия о медицинском вмешательстве, в том числе обострение вопроса о субъекте решения о вакцинации несовершеннолетних в период пандемии (Панкевич, Руденко 2022). Поляризующий эффект имеют дискуссии о перспективах де/криминализации домашнего насилия, равного доступа меньшинств к репродуктивным технологиям, усыновлению и пр. В итоге методы преодоления проблемы исторического консолидированного разнообразия вносят свой вклад в формирование новых линий противостояния.

Остроту момента задает то обстоятельство, что, опираясь в первую очередь на идеализированные или, скорее, мифологизированные представления о культурно-исторической специфике гражданского большинства, страновые политические элиты не вполне адекватно оценивают текущие ценностные установки и ориентации больших масс населения. Естественно, речь не идет и не может идти о принципиальной несовместимости в рамках государственной политики единства ценностных рядов культурно-исторического и публично-гражданского генезиса. Один и тот же социальный субъект может в зависимости от ситуации оперативно актуализировать каждый из них. Эти два дискурса о единстве логически отражают различные стороны функционирования общественных отношений, и только в своей совокупности они составляют полноценный образ государствоцентричного сообщества. Однако нарастающая напряженность между ними очевидна.

Вытеснение дискурсивного конфликта в политике единства

В этих условиях возникает необходимость более полного и целостного понимания содержательной наполненности самой концепции политического сообщества в основе современной государственности. Корни проблемы, на наш взгляд, стоит искать в том факте, что в известном смысле сообщество, политически признанное в лишь качестве исторически возникающей тотальности, выступает антагонистом социума, актуально существующего в форме открытой для включений и подвижной ассоциации, основанной на обменах, коммуникации, конкурентном

процессе выработки смыслов, порождения конфликтов и их согласования. В условиях наблюдаемого сегодня доминирования историко-культурной парадигмы единства, альтернативный стратегический нарратив об общест­ве как системе, возникающей в режиме «ежедневного плебисцита» вокруг непрерывного производства ценностных дискурсов, оказывается вытеснен на периферию политики единства.

Эта проблема имеет и более глубокое измерение. Если актуальное состояние гражданской идентичности в первую очередь представляется результатом накопления исторических обстоятельств и длительной аккумуляции их итогов и лишь во вторую – воплощением текущих ценностных коммуникаций и вновь возникающих вокруг них солидарностей, то слепым пятном в этой технике становится признание самой возможности ценностных размежеваний внутри центрального компонента социума, аксиоматически наделенного предполагаемыми качествами ценностного единства.

Специфика проблемной ситуации заключается в том, что решению проблемы статусно консолидированных меньшинств сегодня служит целый ряд методологически отработанных инструментов, институтов и практик. Тогда как политика единства в отношении миноритарных ценностных дискурсов, которые объединяют ранее децентрализованные субъекты и определяют содержательную наполненность ценностного конфликта, оказывается методологически и инструментально недоукомплектованной.

Так, сегодня государства формируют полномасштабные системы для работы с проблемой статусного социального разнообразия – от выявления меньшинства до реализации конкретных программ коммуникации с ним. Политическое признание значимости размежеваний, характерных для того или иного общества, сопровождается институционализацией целых научных направлений (Фадеева, Назукина 2020), стандартизацией метрик, используемых для анализа состояния общественного консенсуса и выработки интеграционных политик, а также отбором субъектов и институтов – проводников соответствующей политики (Миллер 2019).

Российский официальный дискурс, например, исходит из признания высокой степени социального разнообразия, исторически присущего стране. Именно это мирно сосуществующее и кооперативное разнообразие внутри многонациональной и многоконфессиональной общности российского народа становится особой опорой, консолидирующей общество¹³. В этом контексте аналитика идентичности социологически связана с практикой учета (в виде переписей населения, мониторингов этнонациональных и этноконфессиональных отношений, проблематики коренных и малочисленных народов, проблем языковой политики, поиска оптимальных правовых статусов для соотечественников, беженцев, мигрантов) и дальнейшего регулирования текущих и незавершенных расколов этнонационального и

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (преамбула) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 01.04.2023).

этноконфессионального характера как главенствующего фактора, препятствующего достижению единства российской нации. Совершенно неслучайной выглядит в этом ключе траектория выработки тактик формирования общественного единства в РФ, которые в конечном счете были локализованы в области регулирования межнациональных отношений (Лубский, Посухова 2016) и именно в этом виде интегрированы в процессы программно-стратегического планирования.

С момента издания «майских указов» Президента РФ в 2012 г. реализация национальной политики привела к формированию разветвленной системы с высокой степенью институционализации, предназначенной для реагирования на вызов этнокультурного разнообразия, поликонфессиональности и многоязычности пространства страны. Ее институциональную основу составили Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ и его аналоги при главах субъектов Федерации, Федеральное агентство по делам национальностей, сеть домов дружбы народов, способствующих вовлечению в процесс коммуницирования идентичности широкого круга общественных организаций, развитое экспертное сообщество для мониторинга ситуации в области межнациональных отношений и т.д.

В свою очередь, тренд на историзацию и опора на традиционные ценности также являются одной из наиболее значимых тенденций развития идентитарной политики в России. Очевиден интерес государства к интегрирующему потенциалу политики памяти, символической политики, который отразился в целом ряде действий – от институционализации отношений с историческим экспертным сообществом (Малинова 2019) до принятия Основ государственной политики по сохранению духовно-нравственных ценностей¹⁴, отражающих специфику сегодняшней стратегии в области идентитарной политики. Одним из последовательных проводников подобной политики является Государственная Дума, где в 2022 г. была воссоздана межфракционная рабочая группа по защите христианских ценностей, которая видит своей задачей соотносить в законотворческом процессе «не только соображения об эффективности, но и представления о морали, заложенные в русском культурном коде»¹⁵. Именно эти желательность и нормативность отражены в определении идентичности на уровне программно-стратегических документов как осознания гражданами их принадлежности к государству, народу, обществу, приверженность его базовым ценностям¹⁶.

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁵ В Думе появится рабочая группа по совершенствованию норм о защите христианских ценностей // ТАСС. 14.02.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13704067> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 01.04.2023).

Для решения части задач политики единства такой подход, безусловно, адекватен и функционален. Однако обозначенный уклон не только соответствует определенному запросу на осуществление политики единства преимущественно в ее национально-историзированной версии, но и приобретает собственную организующую способность в отборе конкретных практик и определении приоритетности части из них, создает институциональные предпочтения и алгоритмы селекции агентов идентитарной политики (Телин, Филимонов 2020).

Очевидно, например, что потенциал исторического опыта может быть реализован преимущественно через настойчивую актуализацию и трансляцию в массовое сознание как на нормативном и законодательном уровне, так и далее через механизмы всеобщего образования, массмедиа и массовой культуры. В рамках этой стратегии производство дискурса о единстве социального большинства и скрепляющих его смыслов становится скорее рутинной задачей массовой педагогики в ее широком понимании, а не текущей политики. Свидетельством тому обновление ФГОС с его обогащением смысловыми комплексами российских традиционных духовно-нравственных ценностей¹⁷.

Но проблема углубляется тем, что одновременно возникающий дефицит признания политического сообщества как продукта актуальной ценностной коммуникации кодирует сопутствующий недостаток инструментария для интеграции в единое смысловое поле национально-государственной общности ценностных комплексов, продуцентом которых является децентрализованный субъект, а продуктом – дискурсивная коалиция, политически активное ценностно мотивированное сообщество. Ни один из перечисленных инструментов аналитики и политики единства не оказывается обращен непосредственно к нему. Хотя укрепление солидарности вокруг ключевых гражданских ценностей, безусловно, является также важной предпосылкой смягчения противоречий, связанных с наличием в структуре общества консолидированных меньшинств (Дробижева 2017: 27). При этом встраивание меньшинств в социальное целое в условиях, когда консолидация большинства оказывается весьма условной в свете множественных ценностных противоречий, уже само по себе представляет большую социально-технологическую проблему (Ходинова 2019: 180). Общество, расколотое миноритарными дискурсами в области ключевых публичных ценностей, утрачивает само ядро консолидации. Ключевой вопрос государственной политики в отношении статусно консолидированных меньшинств – их позиция в структуре общества, особые права, объем и режим доступа к общественным ресурсам – не может быть эффективно разрешен в условиях конфликта по поводу самих основополагающих принципов обществен-

¹⁷ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 01.04.2023).

ного устройства. В итоге латентный ценностный конфликт, генерируемый децентрализованным субъектом, потенциально несет большую опасность, чем конфликт относительно аллокации общественных ресурсов и благ.

Возможности аналитики дискурсивных конфликтов

Политика единства оказывается разбалансированной и односторонней уже на уровне своих фундаментальных установок относительно качественных характеристик современного политического сообщества. Между тем понимание динамики смыслового наполнения гражданских ценностей различными социальными и политическими акторами определяет перспективы обеспечения национального единства, как минимум наравне с эффективной политикой коммуникации с меньшинствами, объединенными социальным статусом, и дискурсивного конструирования социального большинства, в отношении которого формируется нормативное ожидание единства.

В подобной аналитической ситуации важнейшей задачей становится формирование единства и общественного консенсуса в понимании внутригосударственных норм о фундаментальных правах, а также норм об основах конституционного строя¹⁸, конституционной идентичности, которая и сама является критически значимой ценностью¹⁹, требующей адекватной защиты, стратегического планирования и развития.

Представляется, что эта сторона государственной политики единства для своей реализации требует принципиально иных аналитических подходов, организационных ресурсов и инструментов интеграции, а также предполагает вовлечение иного состава акторов, уполномоченных на ее реализацию. Давно назрела потребность в поиске метрики для выявления альтернативных официальному дискурсу интерпретаций ключевых публичных ценностей, вокруг которых происходит консолидация ранее децентрализованных и социально дисперсных акторов, а также в дальнейшем формировании механизмов их интеграции в общее русло ценностной системы общества. Однако, несмотря на важность и значимость данного направления государственных идентитарных стратегий, инструментарий диагностики социальной ситуации и выработки на ее основе конкретных направлений и мер политики единства в этом направлении остается довольно скудным.

Социологические подходы, раскрывающие специфику гражданской идентичности, представлены по большей части опросами, фиксирующими

¹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П (п. 6) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 1-П (п. 2) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701200011> (дата обращения: 01.04.2023).

уровень доверия общественным институтам и чувство субъективной принадлежности к широким гражданским ассоциациям (см., напр.: Рыжова 2022) со всеми содержательными дефицитами, свойственными подобным исследованиям. Очевидно, что часто используемый для характеристики состояния гражданской идентичности индикатор институционального доверия фиксирует скорее эффект от действия механизмов ценностной интеграции. Но сам факт лояльности общества определенным институтам и общностям не может ничего сказать о собственно содержании и возможностях формирования альтернативных интерпретаций политических ценностей, курсирующих в массовой неформальной коммуникации.

Недостатком предлагаемого в качестве значимого инструмента диагностики общественной ситуации в рассматриваемой области ивент-анализа (Семенов 2018), который сфокусирован на изучении опыта реальных событий, связанных с протестной активностью, является его ретроспективность и обращенность к материалу, который в силу своей специфики всегда является единичным и уникальным.

Внимание исследователей привлекают метрики, основанные на обработке больших массивов данных о ценностных дискуссиях в электронных средах. Но и они не всегда могут быть состоятельны в условиях активного действия механизмов содержательной фильтрации. И, прежде всего, цензуры посредством машинных алгоритмов, которые внедряются медийными элитами с вполне очевидной целью устранения значимой части общественных повесток и отказывают им в праве голоса в дискуссионном пространстве, а также самоцензуры пользователей в условиях политического и социального контроля, как это показывает, например, китайский опыт (Чу 2022).

В то же время наблюдения за процессами интеграции дисперсных сообществ показывают, что именно дискурсивные практики, создание собственных языков, системы сигнализации и коммуникации ценностей имеют принципиальное значение для их стабилизации и определяют способность к мобилизации и солидарному действию (Сабурова и др. 2022: 93). Иными словами, принципиальной проблемой в реализации политики единства в отношении миноритарных дискурсивных коалиций является в первую очередь выявление содержательных отклонений в интерпретации публичных ценностей, которые они генерируют.

Между тем современная общественная система уже содержит необходимые моральные институции, непосредственно предназначенные для выявления, фиксации и разрешения конфликтов, связанных с миноритарными дискурсами, объединяющими социально и пространственно дисперсные группы. В наиболее эксплицитной форме дискуссии о гражданских ценностях разворачиваются на национальном уровне в деятельности органов конституционной и гражданской юстиции. А на международном – в конвенционных инстанциях правосудия, осуществляющих в пределах своей компетенции субсидиарное регулирование споров, не нашедших разрешения в рамках национальных систем. Судебные инстанции прямо предназначены для выявления не только юридического, но и этического

баланс прав, обязанностей, свобод, ценностей, а также имеют системно гарантированную возможность вырабатывать их обязывающее видение. При этом ключевые методы исследования конфликта – интерпретация нормы, содержательный анализ ее констатации – предельно соответствуют задаче выявления и коммуникации с продуцентом альтернативного дискурса. Немаловажно и то, что сегодня государства формируют чрезвычайно сильное нормативное ожидание единства своих правовых систем, что является критически значимым для выработки решений, не просто совместимых с государственной политикой единства, но фундирующих ее.

Иными словами, эти институты принципиально предрасположены к распознаванию ценностного конфликта, анализу его содержательной стороны и выработке тактик его преодоления, которые могут стать эффективной диалоговой площадкой государства и общества за пределами парламентов, лоббизма решений в исполнительных органах или участия в совещательных инстанциях. Однако, несмотря на то что система юстиции уже на конституционном уровне предназначена для реализации принципов общественного единства в качестве системы разрешения споров, ее потенциал в качестве источника знания о производстве и содержании альтернативных ценностных дискурсов в области гражданских ценностей и возможностях консолидации отдельных сегментов социума вокруг них сегодня оценен недостаточно. Материал подобного рода редко привлекает внимание исследователей в плане изучения проблем идентичности и еще более редко используется в качестве качественной метрики для диагностики общественной ситуации вокруг ключевых политических ценностей.

Это исключение характерно для правоведения, поскольку как предположение о влиянии политических процессов на принятие правовых решений, так и утверждение роли судебной отрасли в политическом процессе в рамках устоявшихся представлений о функциональном разделении властей уже сами по себе оказывают повреждающее воздействие на легитимность судебных органов (Gerards 2017). В то же время политические науки обычно рассматривают деятельность судебных инстанций в логике корректирующей справедливости, не выходящей за пределы частных случаев, связанных с реабилитацией конкретных пострадавших.

Тем не менее именно анализ организационного потенциала судебной ветви власти в области реализации политики единства, на наш взгляд, оказывается исключительно полезным для прояснения актуальных ценностных ориентаций, формирующихся в обществе децентрализованным образом, и содержательного выявления потенциальных конфликтов задолго до их перехода в горячую стадию. В этом качестве система правосудия важна не только возможностью выработки конкретных обязывающих интерпретаций и решений, но и в качестве механизма рутинизации ценностного конфликта и организации конструктивной, упорядоченной и процедурно обязывающей коммуникации между сторонами в ходе его разрешения.

Ценностные контестации и система правосудия

Представляется, что в данном смысловом поле анализ может быть сосредоточен на исследовании ситуаций, в которых обозначенный конфликт выражен наиболее эксплицитно: в форме прямого содержательного столкновения официального дискурса о гражданских правах и ценностях (позиции государства, транслирующего представления о ценностях с позиций национального единства) и альтернативных трактовок, выдвигаемых гражданским субъектом. Принципиально, что разрешение ценностного противоречия происходит даже в случае инициативного обращения единственного заявителя, а ситуация исследуется при участии институционально независимого арбитра с чрезвычайно высоким системным статусом и престижем, чье решение является обязательным для сторон конфликта, а также иных органов, институтов, организаций, лиц и публик. Причем сам арбитр максимально открыто и содержательно обосновывает свою позицию, исходя из нормативных представлений о должном содержании оспариваемой ценности и адекватных практиках ее защиты в рамках конкретных ситуаций в интересах общего блага.

Предельно отчетливо специфика государственной конституционной идентичности обозначает себя в ситуации содержательных разногласий судебных органов национального уровня с решениями международных судов. Такова, например, ситуация вокруг судебной интерпретации права на жизнь в Польше, которая отразилась в противоположно заряженных решениях Конституционного Трибунала, занявшего жесткую, отчасти дисфункциональную, прокатолическую позицию (В.В. Руденко 2021), и Европейского Суда по правам человека, который в решении столь чувствительного вопроса в целом ряде дел исходил из приоритетов индивидуальной свободы²⁰. В той же системной логике конфликт ценностей безопасности и гражданских свобод во Франции привел к вступлению конституционного судебного органа страны в процесс определения судьбы сомнительного законопроекта о глобальной безопасности. Предметом национальных и международных судебных слушаний становились вопросы аллокации решений в отношении прав и интересов в области воспитания и медицинского обслуживания несовершеннолетних между семьей и общественными институтами²¹. Глубокой содержательной оценке подвергались многочисленные ситуации с реализацией языковых прав в европейских странах как конфликтного поля на стыке публичной по-

²⁰ ECtHR. Case of *Tysiąg v. Poland*. Application no. 5410/03. Judgment of the Court. Strasbourg, March 20, 2007 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Tysiąg%20v.%20Poland%22%7D%7C%22Case%20of%20R.R.%20v.%20Poland%22%7D%7D>; ECtHR. Case of *R.R. v. Poland*. Application no. 27617/04. Judgment of the Court. Strasbourg, May 26, 2011 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20R.R.%20v.%20Poland%22%7D%7D> (дата обращения: 03.04.2023).

²¹ ECtHR. Case of *Vavříčka and others v. the Czech Republic*. Application no. 47621/13 and 5 others. Judgment of the Court (Grand Chamber). Strasbourg, April 8, 2021 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Vavříčka%20and%20others%20v.%20the%20Czech%20Republic%22%7D%7D> (дата обращения: 03.04.2023).

литики и гражданских прав²². Активную позицию собственно ценностного арбитра занимают суды США, как в области интерпретации состава неотчуждаемых прав, так и в реализации гражданских свобод²³.

Зримое повышение функционального статуса судебной власти как субъекта политики гражданского единства сопровождается определенными адаптациями представлений о месте и роли органов правосудия в системе разделения властей в целом, а также обновлением представлений о надлежащем формате судебного процесса, который становится особо чувствительным к распознаванию и разрешению ценностного конфликта в рамках рутинных дел. Так, суды США (White 2006) и Соединенного Королевства (Зайцев 2018: 64), сталкиваясь с делами, которые содержат элемент конфликта в области интерпретации прав человека, возможность их ущемления законом или судебным решением, прибегают к процедурам углубленного рассмотрения дел, в том числе чисто гражданско-правового характера. В этом смысле деятельность судебных инстанций вносит существенный вклад не только в решение вопросов институциональной сплоченности и единства правовой системы, но и в формирование ассоциативной гражданской идентичности, предполагающей объединение общества вокруг нормативной интерпретации гражданских ценностей (Hyde 2023). В ряде случаев они занимают активистскую позицию, вырабатывая инновационное или эволютивное прочтение действующих правовых норм (Дьяченко 2020), что позволяет говорить о становлении нового качества системы правосудия в политическом процессе.

Современный российский опыт показывает, что потенциал системы юстиции как возможного центра стратегического формирования политики единства реализован далеко не в полной мере. В российских реалиях она нуждается в комплексном и последовательном институциональном развитии с позиций восполнения дефицитов доступности, открытости, независимости и общественной прозрачности системы разрешения споров. Сегодня система юстиции в целом институционализирована не в качестве одного из ключевых субъектов политики общественного единства, но лишь как субъект единства правового пространства страны. Последнее подразумевает работу по устранению противоречий между правовыми нормами внутри корпуса права, мониторинг законотворческой деятельности и правовую экспертизу²⁴. Однако единство подразумевает не только институциональную

²² Кармазин И. Последний звонок: ЕСПЧ потребовал от Латвии объяснить школьную реформу // Известия. 25.03.2021 URL: <https://iz.ru/1141149/igor-karmazin/poslednii-zvonok-espch-potreboval-ot-latvii-obiasnit-shkolnuiu-reformu> (дата обращения: 03.04.2023).

²³ Smith D. Supreme Court Voted to Overturn Roe v Wade Abortion Law, Leaked Draft Opinion Reportedly Shows // The Guardian. 03.05.2022. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/may/02/roe-v-wade-abortion-supreme-court-draft-opinion> (дата обращения: 03.04.2023).

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067104> (дата обращения: 03.04.2023).

сплоченность системы государственного управления в рамках согласованной системы норм. Оно также имеет ценностное измерение, которое приобретает непреходящее значение в свете тех новаций, которые внесены в правовую систему конституционной реформой 2020 г.

Повышение системной значимости требуется и для усиления эффективности конституционного правосудия. Сегодня исследователи высказывают мнение, что деятельность Конституционного Суда характеризуется скорее закрытостью от внешних наблюдателей, труднодоступностью для граждан, подверженностью кадровым заменам, малочисленностью, что способствует сведению роли высшего органа, конституционно уполномоченного осуществлять выработку обязывающих интерпретаций конституционных ценностей, «к политико-конъюнктурному органу» (Руденко 2020: 80) и вряд ли соответствует его системному статусу и потенциалу регулирующего действия.

В настоящее время в России на национальном уровне нет органа, который бы профильно разрешал споры в области прав человека. Предложение учредить подобную судебную инстанцию поддержано Президентом РФ²⁵, но при этом достаточно скептически воспринято юридической общественностью в силу трудоемкости реализации проекта с точки зрения включения его в действующую судебную систему, необходимости определения особой сферы компетенции для подобного органа. Между тем представляется, что именно такой орган мог бы быть чрезвычайно полезен и как собственно судебный, и как метрический. А также барьерный, исключающий необходимость и возможность обязывающей интерпретации ценностей и прав внешними акторами и последующее появление несовместимых с государственной политикой единства решений с высоким международным резонансом.

Характерно и отсутствие достаточной структурной поддержки полномасштабного функционирования конституционной ветви правосудия в интересах формирования единого правового дискурса о ценностях и их действительном содержании. Такая система должна быть функционально ответственна за выявление и подготовку качественного материала для работы суда, мониторинг судебных решений и их коммуникацию с профильными аудиториями, а также при необходимости иметь выход в законодательный процесс. Это предполагает создание сети институтов, звеньями которой могут стать омбудсмены всех уровней и специализаций, центры управления регионами, общественные организации и частные инициативы (Григорьев 2022).

Наличие подобных институциональных дефицитов в течение длительного периода стимулировало обращения российских граждан во внешние инстанции правосудия после исчерпания мер правовой защиты на государственном уровне. Если рассмотреть содержательный профиль обращений

²⁵ Кузнецова Е., Алехина М. Путин поддержал идею создать национальный суд по правам человека // РБК. 10.12.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2020/5fd20f0b9a7947bdc5c62947> (дата обращения: 04.04.2023).

в Европейский Суд по правам человека, то можно установить, что значительное количество резонансных решений было принято именно по делам, предполагающим судебную интерпретацию конституционных ценностей, на которые российское правосудие не смогло в должной мере функционально, экологично и окончательно отреагировать. Обращают на себя внимание многочисленные дела, основу которых составляет конфликт между правовым статусом гражданина РФ и его специальным правовым статусом (военнослужащего, учащегося, государственного служащего, заключенного и т.д.). В подобных ситуациях российский правовой дискурс исходит из приоритета специального статуса индивида, а внешний – общего²⁶. Данный конфликт имеет множество изводов и неоднократно проявлял себя как вопрос определения специальных прав и обязанностей для отдельных категорий граждан в стандартных и чрезвычайных обстоятельствах. Причем очень часто подобный конфликт, который внешний арбитр интерпретирует как требование о защите прав и интересов индивида от государства, на деле является запросом именно об усилении роли государства в соответствующей области в качестве гаранта прав²⁷, субъекта гуманизации общественных отношений²⁸.

Вполне естественно, что аутсорсинг функции интерпретации ключевых политических ценностей в конкретных ситуациях во внешние судебные инстанции в большинстве случаев неприемлем для национальных государств с позиции сохранения их автономии и правового суверенитета. Тем очевиднее необходимость укрепления на национальном уровне полнофункциональной, независимой и разветвленной системы, осуществляющей функцию выявления, фиксации, анализа и разрешения ценностного конфликта в области публичных гражданских ценностей на всех его этапах. Альтернативной, хотя и менее привлекательной опцией может стать

²⁶ ECtHR. Case of Putintseva v. Russia. Application no. 33498/04. Judgment of the Court. Strasbourg, May 10, 2012 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Putintsev%20v.%20Russia%22%22%22itemid%22:%5B%22001-110814%22%22%7D> (дата обращения: 04.04.2023).

²⁷ ECtHR. Case of Burdov v. Russia (No. 2). Application no. 33509/04. Judgment of the Court. Strasbourg, January 15, 2009 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Burdov%20v.%20Russia%22%22%7D>; ECtHR. Gerasimov and Others v. Russia. Applications nos. 29920/05, 353/06, 18876/10, 61186/10, 21176/11, 36112/11, 36426/11, 40841/11, 45381/11, 55929/11, 60822/11. Judgment of the Court. Strasbourg, July 1, 2014 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Gerasimov%20and%20others%20v.%20Russia%22%22%7D>; ECtHR. Case of Ananiev and Others v. Russia. Applications nos. 42525/07 and 60800/08. Judgment of the Court. Strasbourg, January 10, 2012 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Applications%20nos.%2042525/07%20and%2060800/08%22%22%7D> (дата обращения: 04.04.2023).

²⁸ ECtHR. Case of Ryabikh v. Russia. Application no. 52854/99. Judgment of the Court. Strasbourg, July 24, 2003 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Ryabikh%20v.%20Russia%22%22%7D> (дата обращения: 04.04.2023).

профильная инстанция правосудия на базе Союзного государства России и Беларуси, ЕАЭС или СНГ и, возможно, более широких ценностно совместимых политических ассоциаций (ШОС, БРИКС), создание которой было заявлено²⁹, но в настоящее время не реализовано.

Представляется, что развитие данного направления в аналитическом и институциональном обеспечении решений в области государственной политики единства будет способствовать восполнению накопленных дефицитов, связанных с недоучетом значимой части политически активных актов, более чувствительной настройке системы распознавания конфликтов, возникающих в области публичных ценностей, выработке их обязывающего видения и интеграции отклоняющихся ценностных дискурсов в общее русло государственной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акопов С.В. 2022. Цивилизационная модель и особенности идентификации индивидов с макрополитическими сообществами (к проблеме суверенитета) // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 28-48. DOI 10.31119/jssa.2022.25.2.2

Блещик А.В., Калинина Е.Г., Несмеянова С.Э. 2021. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности // Правоведение. № 5. С. 87-100. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100

Григорьев И.С. 2022. Помощники суда: Российский Конституционный суд и уполномоченные по правам человека // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1. С. 92-109. DOI 10.30570/2078-5089-2022-104-1-92-109

Давыдов Д.А. 2022. Динамика массовых протестных акций в современной России: событийный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 72-93. DOI 10.14515/monitoring.2022.5.2199

Дробижева Л.М. 2017. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. № 1. С. 7-31.

Дроздова А.О. 2021. К вопросу о гендерном равенстве в европейской политике // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 3. С. 145-154. DOI 10.15211/vestnikieran32021145154

Дьяченко Е.Б. 2020. Судебный активизм и его роль в практике международных судов // Международное правосудие. № 2. С. 103-125. DOI 10.21128/2226-2059-2020-2-103-125

Завершинский К.Ф. 2019. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 15, № 1. С. 88-107. DOI 10.21638/11701/spbu23.2019.107

Зайцев О.В. 2018. Судебный активизм как средство достижения правовой определенности в сфере частноправового регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. № 1. С. 63-71.

Казанцев Д.А. 2022. Бегство от политики: есть ли будущее у молодежного политического протеста в Сибири и на Дальнем Востоке? // Вестник Российского универ-

²⁹ Меркачева сообщила о начале создания суда по правам человека СНГ // Интерфакс. 08.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/834011>; Степашин сообщил о начале создания в РФ альтернативного ЕСПЧ суда // Интерфакс. 02.06.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/844310> (дата обращения: 04.04.2023).

ситета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 24, № 4. С. 904-917. DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917

Коллиер П. 2021. Будущее капитализма. Москва : Издательство Института Гайдара. 376 с.

Кудряшова И.В., Харитонов О.Г. (ред.) 2020. Метаморфозы разделенных обществ. Москва : МГИМО-Университет. 284 с.

Лубский А.В., Посухова О.Ю. 2016. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. № 8. С. 39-48.

Малинова О.Ю. 2019. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 103-126. DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126

Миллер А.И. 2019. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 87-102. DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102

Осколков П.В. 2020. Феномен национализма: концептуализация и типологии // Современная Европа. № 3. С. 108-116. DOI 10.15211/soveurope32020108116

Панкевич Н.В. 2022. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. № 4. С. 41-66. DOI 10.31249/poln/2022.04.02

Панкевич Н.В., Руденко В.В. 2021. Отдельные проблемы идентичности в документах стратегического планирования Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. № 4. С. 128-134. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-128-134

Панкевич Н.В., Руденко В.В. 2022. Вакцинация от COVID-19 в системе национальной безопасности Российской Федерации: согласование частных и публичных интересов // Правоприменение. Т. 6, № 4. С. 75-95. DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(4).75-94

Пронина Т.С. 2021. Феномен параллельных обществ и поворот к «мягкой» ассимиляции // Современная Европа. № 1. С. 151-160. DOI 10.15211/soveurope12021151160

Руденко В.В. 2020. Российская конституционная реформа 2020 года: трансформация системы ценностей // Ленинградский юридический журнал. № 4. С. 71-83. DOI 10.35231/18136230_2020_4_71

Руденко В.В. 2021. Конституционный Трибунал Польши в поисках баланса по вопросам деторождения: новый виток традиционализма // Конституционное и муниципальное право. № 4. С. 68-72. DOI 10.18572/1812-3767-2021-4-68-72

Руденко В.Н. 2021. Делиберативные мини-публики в осуществлении публичной власти // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы / под ред. Ю.В. Бурбулис. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. С. 59-65.

Рыжова С.В. 2022. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. Т. 13, № 3. С. 13-31. DOI 10.19181/vis.2022.13.3.828

Сабурова Л.А. и др. 2022. Динамика интеграции онлайн-сообществ мобилизационного типа: опыт построения прогнозной модели / Л.А. Сабурова, А.М. Пономарёв, Ю.Ю. Эстрина, Г.А. Благодатский. Москва : Русайнс. 178 с.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин И.В. 2021. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. Т. 30, № 5. С. 56-77. DOI 10.17976/jpps/2021.05.05

Семенов А.В. 2018. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. Т. 17, № 2. С. 317-341. DOI 10.17323/1728-192X-2018-2-317-341

Телин К.О., Филимонов К.Г. 2020. Пробелы идентичности. Как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. Т. 19, № 1. С. 35-73. DOI 10.17323/1728-192X-2020-1-35-73

Троянова Я.А. 2019. Тенденции проникновения стандартов ювенальной юстиции в госструктуры на примере органов опеки и попечительства // Вопросы российского и международного права. № 11-1. С. 112-118. DOI 10.34670/AR.2020.91.11.012

Фадеева Л.А., Назукина М.В. 2020. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. № 1. С. 201-220. DOI 10.31249/poln/2020.01.08

Фуко М. 2006. Безопасность, территория, население // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Москва : Праксис. С. 143-151.

Хабермас Ю. 2001. Есть ли будущее у национального государства? // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Санкт-Петербург : Наука. С. 197-229.

Ходинова О.С. 2019. Концептуальная триада «толерантность – идентичность – национализм» в условиях миграционного кризиса во Франции // Современная Европа. № 2. С. 175-184. DOI 10.15211/soveurope22019175184

Чу Д. 2022. Создание и оздоровление «системы совместного поощрения за оправдание доверия и совместного наказания за нарушение доверия»: китайский план разрешения сложной проблемы дефицита гражданского доверия // Социально-политические науки. № 12. С. 77-78. DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-1-77-87

Buzan B. 1991. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London : Harvester Wheatsheaf. 262 p.

Dąbrowska E. 2019. *New Conservatism in Poland: The Discourse Coalition around Law and Justice* // *New Conservatives in Russia and East Central Europe* / ed. by K. Bluhm, M. Varga. New York : Routledge. P. 245-259.

Freedman L. 2006. *Networks, Culture, and Narratives* // *Adelphi Papers Series*. Vol. 45, iss. 379. P. 11-26. DOI 10.1080/05679320600661640

Gerards J. 2017. *The European Court of Human Rights* // *Comparative Constitutional Reasoning* / ed. by A. Jacab, A. Dyevre, G. Itzcovich. Cambridge : Cambridge University Press. P. 237-276.

Gore T. 2011. *Epistemic Communities in Universities* // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 10, iss. 3. P. 98-103. DOI 10.1016/j.sbspro.2011.01.013

Haas P.M. 1992. *Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination* // *International Organization*. Vol. 46, iss. 1. P. 1-35. DOI 10.1017/S0020818300001442

Hajer M.A. 2006. *Doing Discourse Analysis: Coalitions, Practices, Meanings* // *Words Matter in Policy and Planning: Discourse Theory and Method in the Social Sciences* / ed. by M. van den Brink, T. Metze. Utrecht : Netherlands Graduate School of Urban and Regional Research. P. 65-74.

Hyde R. 2023. *Identity and Influence: A Role for the Rule of Law in Strengthening British National Identity and Maintaining the UK's Soft Power*. London: The Social Market Foundation. 68 p. URL: <https://www.smf.co.uk/wp-content/uploads/2023/01/Identity-and-influence-January-2023.pdf> (дата обращения: 04.04.2023).

Inglehart R.F. 2018. *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge : Cambridge University Press. 273 p.

Mann M. 1993. *The Sources of Social Power*. Vol. 2. *The Rise of Classes and Nation-States. 1760–1914*. Cambridge : Cambridge University Press. 844 p.

Norocel O.C., Băluță I. 2021. Retrogressive Mobilization in the 2018 “Referendum for Family” in Romania // *Problems of Post-Communism*. Vol. 70, iss. 2. P. 153-162. DOI 10.1080/10758216.2021.1987270

Robertson R. 1990. After Nostalgia? Willful Nostalgia and Phases of Globalisation // *Theories of Modernity and Postmodernity* / ed. by B.S. Turner. London : Sage. P. 45-61.

Strong S.I. 2017. Clash of Cultures: Epistemic Communities, Negotiation Theory, and International Lawmaking // *Akron Law Review*. Vol. 50, iss. 3. P. 495-535.

Tolonen H., Koulu S., Hakalehto S. 2020. Best Interests of the Child in Finnish Legislation and Doctrine: What Has Changed and What Remains the Same? // *Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries* / ed. by T. Haugli, A. Nylund, R. Sigurdson, L.R.L. Bendiksen. Brill. P. 159-184. DOI 10.1163/9789004382817

Usher N., Ng Y.M.M. 2020. Sharing Knowledge and “Microbubbles”: Epistemic Communities and Insularity in US Political Journalism // *Social Media + Society*. Vol. 6, iss. 2, P. 1-13. DOI 10.1177/2056305120926639

White J.V. 2006. Globalism and the American Civil Rights Model: Toward an Assimilation Law // *Global law v. local law. Problemi della globalizzazione giuridica / a cura di C. Amato, G. Ponzanelli*. Torino : Giappichelli. P. 443-474.

References

Akopov S.V. Civilizational Model and Identification of Individuals with Macropolitical Communities (On the Problem of Sovereignty), *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2022, vol. 25, no. 2, pp. 28-48. (In Russ.). DOI 10.31119/jssa.2022.25.2.2

Bleshchik A.V., Kalinina E.G., Nesmeyanova S.E. Transformation of Constitutional Identity Due to Contemporary Challenges, *Pravoprimerenie* [Law Enforcement Review], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 87-100. (In Russ.). DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100

Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, London, Harvester Wheatsheaf, 1991, 262 p.

Chu D. Establishing and Improving a System of Joint Incentive for Honesty and Joint Punishment for Dishonesty: A Chinese Solution to Citizen Dishonesty, *Social'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences], 2022, no. 12, pp. 77-78. (In Russ.). DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-1-77-87

Collier P. *The Future of Capitalism*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2021, 376 p. (In Russ.).

Dąbrowska E. New Conservatism in Poland: The Discourse Coalition around Law and Justice, *Bluhm K., Varga M. (eds.) New Conservatives in Russia and East Central Europe*, New York, Routledge, 2019, pp. 245-259.

Davydov D.A. Dynamics of Mass Protest Actions in Modern Russia: An Event Study, *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic & Social Changes], 2022, no 5, pp. 72-93. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2022.5.2199

Diyachenko E.B. Judicial Activism and Its Role in Case-Law of International Courts, *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2020, no. 2, pp. 103-125. (In Russ.). DOI 10.21128/2226-2059-2020-2-103-125

Drobizheva L. National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism, *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2017, vol. 26, no. 1, pp. 7-31. (In Russ.).

Drozdova A.O. Revisiting “Gender Equality” in European Politics, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of IE RAS], 2021, no. 3, pp. 145-154. (In Russ.). DOI 10.15211/vestnikieran32021145154

Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutionalization of Political Science in Russia: Factors, Levels, Results (On the Example of Identitarian Studies), *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2020, no. 1, pp. 201-220. (In Russ.). DOI 10.31249/poln/2020.01.08

Foucault M. Security, Territory, Population, *Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 3*, Moscow, Praxis, 2006, pp. 143-151. (In Russ.).

Freedman L. Networks, Culture, and Narratives, *Adelphi Papers Series*, 2006, vol. 45, no. 379, pp. 11-26. DOI 10.1080/05679320600661640

Gerards J. The European Court of Human Rights, *Jacob A., Dyevre A, Itzcovich G. (eds.) Comparative Constitutional Reasoning*, Cambridge, Cambridge University Press, 2017, pp. 237-276.

Gore T. Epistemic Communities in Universities, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 10, no. 3, pp. 98-103. DOI 10.1016/j.sbspro.2011.01.013

Grigoriev I.S. Helpers of the Court: Russian Constitutional Court and Ombudsman, *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2022, no. 1, pp. 92-109. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2022-104-1-92-109

Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination, *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 1, pp. 1-35. DOI 10.1017/S0020818300001442

Habermas J. Does the Nation-State Have a Future? *Habermas J. The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*, Saint Petersburg, Nauka, 2001, pp. 197-229. (In Russ.).

Hajer M.A. Doing Discourse Analysis: Coalitions, Practices, Meanings, *Brink M., Metzger T. (eds.) Words Matter in Policy and Planning: Discourse Theory and Method in the Social Sciences*, Utrecht, Netherlands Graduate School of Urban and Regional Research, 2006, pp. 65-74.

Hyde R. Identity and Influence: A Role for the Rule of Law in Strengthening British National Identity and Maintaining the UK's Soft Power, London, The Social Market Foundation, 2023, 68 p., available at: <https://www.smf.co.uk/wp-content/uploads/2023/01/Identity-and-influence-January-2023.pdf> (accessed April 4, 2023).

Inglehart R.F. *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*, Cambridge, Cambridge University Press, 2018, 273 p.

Kazantsev D.A. Escape from Politics: Is There a Future for Youth Political Protest in Siberia and the Far East? *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2022, vol. 24, no. 4, pp. 904-917. (In Russ.). DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917

Khodinova O.S. The Conceptual Triad "Tolerance – Identity – Nationalism" in Terms of Migration Crisis in France, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2019, no. 2, pp. 175-184. (In Russ.). DOI 10.15211/soveurope22019175184

Kudryashova I.V., Kharitonova O.G. (eds.) *Metamorphoses of Divided Societies*, Moscow, MGIMO-Universitet, 2020, 284 p. (In Russ.).

Lubsky A.V., Posukhova O.Yu. Nation-Building Projects and Models of National Integration, *Vlast' [Power]*, 2016, no. 8, pp. 39-48. (In Russ.).

Malinova O.Yu. Who Forms Official Historical Narrative and How? *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2019, no. 3, pp. 103-126. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126

Mann M. *The Sources of Social Power. Vol. 2. The Rise of Classes and Nation-States. 1760–1914*, Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 844 p.

Miller A.I. Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory – Causes and Implications, *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz* [The Journal of Political Theory,

Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2019, no. 3, pp. 87-102. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102

Norocel O.C., Băluță I. Retrogressive Mobilization in the 2018 “Referendum for Family” in Romania, *Problems of Post-Communism*, 2021, vol. 70, no. 2, pp. 153-162. DOI 10.1080/10758216.2021.1987270

Oskolkov P.V. The Nationalism Phenomenon: Conceptualization and Typologies, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2020, no. 3, pp. 108-116. (In Russ.). DOI 10.15211/soveurope32020108116

Pankevich N.V. The State in the Political Space and the Spatiality of Alternative Political Forms, *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2022, no. 4, pp. 41-66. (In Russ.). DOI 10.31249/poln/2022.04.02

Pankevich N.V., Rudenko V.V. COVID-19 Vaccination in the National Security System of the Russian Federation: Coordination of Private and Public Interests, *Pravoprimerenie* [Law Enforcement Review], 2022, vol. 6, no. 4, pp. 75-94. (In Russ.). DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(4).75-94

Pankevich N.V., Rudenko V.V. Various Problems of Identity in the Documents of Strategical Planning of the Russian Federation, *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Surgut State University Journal], 2021, no. 4, pp. 128-134. (In Russ.). DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-128-134

Pronina T.S. “Parallel Societies” and a Turn towards Soft Assimilation, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 1, pp. 151-160. (In Russ.). DOI 10.15211/soveurope12021151160

Robertson R. After Nostalgia? Willful Nostalgia and Phases of Globalisation, Turner B.S. (ed.) *Theories of Modernity and Postmodernity*, London, Sage, 1990, pp. 45-61.

Rudenko V.N. Deliberative Mini-Publics in the Exercise of Public Power, *Burbulis Yu.V. (ed.) Philosophy Today: Values, Prospects, Meanings*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021, pp. 59-65. (In Russ.).

Rudenko V.V. The 2020 Russian Constitutional Reform: Transformation of the Values System, *Leningradskij juridicheskij zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2020, no. 4, pp. 71-83. (In Russ.). DOI 10.35231/18136230_2020_4_71

Rudenko V.V. The Constitutional Tribunal of Poland in Search of Balance in Childbirth Affairs: A New Round of Traditionalism, *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2021, no. 4, pp. 68-72. (In Russ.). DOI 10.18572/1812-3767-2021-4-68-72

Ryzhova S.V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust, *Vestnik Instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2022, vol. 13, no. 3, pp. 13-31. (In Russ.). DOI 10.19181/vis.2022.13.3.828

Saburova L.A., Ponomarev A.M., Estrina Yu.Yu., Blagodatsky G.A. *Dynamics of Integration of Online Communities of Mobilization Type: Experience of Building a Predictive Model*, Moscow, Rusajns, 2022, 178 p. (In Russ.).

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2021, vol. 30, no. 5, pp. 56-77. (In Russ.). DOI 10.17976/jpps/2021.05.05

Semenov A.V. Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies, *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 317-341. (In Russ.). DOI 10.17323/1728-192X-2018-2-317-341

Strong S.I. Clash of Cultures: Epistemic Communities, Negotiation Theory, and *International Lawmaking*, *Akron Law Review*, 2017, vol. 50, no. 3, pp. 495-535.

Telin K.O., Filimonov K.G. Identity Gaps: How and Why a Nation Eludes A State, *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 35-73. (In Russ.). DOI 10.17323/1728-192X-2020-1-35-73

Tolonen H., Koulu S., Hakalehto S. Best Interests of the Child in Finnish Legislation and Doctrine: What Has Changed and What Remains the Same? *Haugli T., Nylund A., Sigurdson R., Bendiksen L.R.L. (eds.) Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries*, Brill, 2020, pp. 159-184. DOI 10.1163/9789004382817

Troyanova Ya.A. Trends in the Penetration of Juvenile Justice Standards in Government Agencies by the Example of Guardianship Authorities, *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 2019, no. 11-1, pp. 112-118. (In Russ.). DOI 10.34670/AR.2020.91.11.012

Usher N., Ng Y.M.M. Sharing Knowledge and "Microbubbles": Epistemic Communities and Insularity in US Political Journalism, *Social Media + Society*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 1-13. DOI 10.1177/2056305120926639

White J.V. Globalism and the American Civil Rights Model: Toward an Assimilation Law, *Amato C., Ponzanelli G. (eds.) Global law v. local law. Problemi della globalizzazione giuridica* [Global Law vs Local Law. Issues of Legal Globalization], Turin, Giappichelli, 2006, pp. 443-474.

Zavershinskiy K.F. Political Culture as Symbolic "Rebuilding" of the Political, *Politicheskaya ekspertiza: POLITE'KS* [Political Expertise: POLITEX], 2019, vol. 15, no. 1, pp. 88-107. (In Russ.). DOI 10.21638/11701/spbu23.2019.107

Zaytsev O.V. Judicial Activism as a Means of Achieving Legal Certainty in the Sphere of Private Law Regulation, *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Herald of Tver State University. Series: Law], 2018, no. 1, pp. 63-71. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Панкевич

кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-7661-1754;
ResearcherID: AAO-9803-2021;
Scopus AuthorID: 57191095459;
SPIN-код: 8940-7486;
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Pankevich

Candidate of Political Science, Associate Professor, Senior Researcher, Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-7661-1754;
ResearcherID: AAO-9803-2021;
Scopus AuthorID: 57191095459;
SPIN-code: 8940-7486;
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Павлов А.В. От социальной аллегории к политическому высказыванию: академическая рецепция американского хоррора XXI века // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 77-96. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_77

УДК 791.43:323(73)

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_77

От социальной аллегории к политическому высказыванию: академическая рецепция американского хоррора XXI века

Александр Владимирович Павлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Институт философии РАН

г. Москва, Россия

E-mail: apavlov@hse.ru

*Поступила в редакцию 20.03.2023, поступила после рецензирования 13.05.2023,
принята к публикации 15.05.2023*

В течение долгого времени хоррор был развлекательным жанром кино. С конца 1970-х гг. критики и ученые постепенно начали исследовать его на предмет социально-политического содержания, нередко переданного аллегорически. При этом в академическом дискурсе преобладали и продолжают преобладать англоязычные исследования, что в значительной степени объясняется длительным доминированием американского хоррора. Кинокритики использовали разные методы анализа – от фрейдомарксизма и гендерных исследований до исследований травмы и теории аффекта. Политический анализ часто строился на тезисе критика Робина Вуда об аллегорической трактовке монстров как возвращения вытесненного. Однако в XXI столетии хоррор существенно изменился. Появились новые субжанры – «пыточное порно», «найденная пленка», фолк-хоррор, постхоррор и т.д. Киностудии стали снимать огромное количество ремейков, продолжений классических фильмов в сериальном формате и т.д. При этом исследователи продолжали изучать хоррор как аллегорию. Основной темой для анализа были социальные и культурные последствия событий 11 сентября 2001 г. Данный тренд сохранялся более пятнадцати лет, однако с приходом к власти Дональда Трампа аллегорические послания американского хоррора фактически сменились прямыми политическими высказываниями. Многие картины в этом жанре начали повествовать об актуальных социально-политических проблемах – расизме, бедности, миграции и т.д. Ученые вынуждены реагировать на происходящие перемены, осмысливая трансформации в жанре и корректируя свои взгляды на аллегорическое прочтение как метод анализа. В статье описывается переход в академических исследованиях к осмыслению

© Павлов А.В., 2023

«политического хоррора» на примере фильма «Прочь» (2017) и франшизы «Судная ночь» (с 2013 г. по настоящее время). Делается вывод о том, что пока данный тренд сохраняется. Однако, несмотря на популярность «политического хоррора», очевидно, что установка на аллегорическое прочтение останется важным инструментом для академического анализа фильмов ужасов.

Ключевые слова: хоррор, социальная философия, практическая философия, террор, Дональд Трамп, насилие, страх, исследования кино, 9/11, ремейки

From Social Allegory to Political Statement: Academic Reception of American Horror of the 21st Century

Alexander V. Pavlov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: apavlov@hse.ru

Received 20.03.2023, revised 13.05.2023, accepted 15.05.2023

Abstract. For a long time, horror was an entertaining cinema genre. Since the late 1970s, critics and scholars have gradually started to examine it in terms of social and political content, often conveyed allegorically. Meanwhile, publications in English have prevailed in academic discourse, which is largely due to the long dominance of American horror. Film critics applied different methods of analysis – from Freud-Maxism and gender studies to trauma studies and affect theory. Political analysis was often based on the thesis of the critic Robin Wood about the allegorical interpretation of monsters as the return of the repressed. However, in the 21st century, horror has changed significantly. New sub-genres have emerged: “torture porn”, “found footage”, folk horror, post-horror, etc. Studios started to film a huge number of remakes, sequels of classical films in series format, etc. At the same time, researchers have continued to study horror as an allegory. Social and cultural consequences of September 11, 2001 became the main topic of the analysis. This trend kept going for more than fifteen years, but with Donald Trump’s coming to power the allegorical messages of the American horror have actually been replaced by direct political statements. Many horrors have begun to tell about current socio-political problems – racism, poverty, migration, etc. Scholars have to react to these changes, comprehending the transformation in the genre and correcting their views on allegorical reading as a method of analysis. The article describes an academic research transition to the understanding of “political horror” on the examples of the film “Get Out” (2017) and the franchise “The Purge” (2013 – to the present). It is concluded that this trend persists so far. However, despite the popularity of “political horror”, it is obvious that allegorical reading will remain an important tool for academic analysis of horror films.

Keywords: horror, social philosophy, practical philosophy, terror, Donald Trump, violence, fear, cinema studies, 9/11, remakes

For citation: Pavlov A.V. From Social Allegory to Political Statement: Academic Reception of American Horror of the 21st Century, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 77-96. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_77

Введение

Жанр хоррора в кинематографе XXI столетия определенно переживает расцвет. Несмотря на то что глобально в течение долгого времени американские фильмы ужасов доминировали и отчасти продолжают доминировать в плане производимого количества фильмов и востребованности среди аудитории, в других странах, например в Японии, Южной Корее, Франции, Канаде, жанр тоже находится на подъеме. Тем не менее в академическом осмыслении англоязычные публикации дадут национальным исследованиям, посвященным ужасам, большую фору, хотя англоязычные ученые изучают и национальные традиции хоррора. В любом случае то, что хоррор является в основном предметом исследования западной академической мысли, объясняется в том числе длительным доминированием американского хоррора. Одной из ключевых исследовательских оптик среди ученых, занимающихся хоррором XXI в., все еще остается социально-политический анализ. Есть и другие подходы – гендерные исследования, исследования травмы, когнитивный подход, теория аффекта, теория монстра и пр. В настоящей статье мы обратимся к социально-политическим оптикам, которые используют современные исследователи, чтобы анализировать фильмы ужасов.

Одним из первых авторов, кто предложил читать американский хоррор как социально-политические аллегории, был критик Робин Вуд. Будучи сторонником фрейдомарксизма, он пытался понять, каким образом хоррор выражает радикальную политику и стремление к социальным изменениям (Wood 1996). Вуд считал, что в хорроре как развлекательном жанре на бессознательном уровне выражались подрывные социальные идеи. Они сводились к возвращению вытесненного обществом: все, что не соответствовало «норме», изображалось как монстроузное и угрожающее (женщины, дети, расовые меньшинства, рабочие и т.д.).

Аллегорическое прочтение хоррора на долгое время стало критическим фреймом, через который можно интерпретировать смыслы. Мы рассмотрим, как под влиянием нового американского хоррора ученые вынуждены корректировать свои взгляды на некогда весьма востребованный метод анализа. Первый раздел исследования посвящен тому, как ученые интерпретировали многие фильмы ужасов в качестве аллегории событий 11 сентября 2001 г. Часто авторы обращались к двум наиболее популярным субжанрам – «пыточное порно» (torture porn) и фильмы о зомби (zombie movies). Будет показано, что многие оспаривают такой подход, полагая, что навязчивое аллегорическое прочтение мешает анализу хоррора в других отношениях. Наиболее показательным текстом в тренде аллегорических интерпретаций стала книга Кевина Уитмора-младшего «Пост-9/11 хоррор в американском кинематографе» (Wetmore 2012), которой будет уделено особое внимание.

В фокусе второго раздела анализ того, как ученые, учитывая перемены в жанре, переключились с аллегорического прочтения на анализ и ретрансляцию прямых политических высказываний. Так, с приходом к власти Дональда Трампа многие картины в жанре хоррор стали социально-политическими буквально. Такие фильмы, как «Прочь» (2017) и франшиза «Судная ночь» (с 2013 г.

настоящее время), повествуют о современных социально-политических проблемах США – расизме, бедности, миграции и т.д.

Эта перемена в исследовательской оптике хорошо отражена в творчестве философа-марксиста Дугласа Келлнера. Вслед за Вудом он считает популярную культуру местом социально-политической борьбы и потому обращается к наиболее важным явлениям масскульта. Если в первом издании его книги «Медиакультура» (Kellner 1995) из ужасов представлен (конечно, как аллегория) только «Полтергейст» (1982), то в обновленной версии (Kellner 2020) автор посвятил современному хоррору целую главу, сделав особый акцент на картине «Прочь».

Также во втором разделе настоящего исследования в качестве основного кейса мы рассмотрим франшизу «Судная ночь», которая чаще других попадает в фокус внимания ученых. При этом они обращаются к данной франшизе, преследуя определенные политические мотивы и нередко выдавая оценочные суждения за аналитические. Отличается от остальных статья Стейси Эбботт, где показано, как хоррор из имплицитного социального жанра стал политическим эксплицитно. Эта идея станет основой нашего исследования академической рецепции американских фильмов ужасов.

Хоррор как социально-политическая аллегория

Несмотря на то что в XXI столетии многие исследователи отказались от психоанализа как метода, долгое время доминировавшего в американской научной мысли, сама установка на аллегорическую интерпретацию развлекательных фильмов ужасов редко подвергалась сомнению. Подход Робина Вуда до сих пор используется многими учеными. В частности, Дэвид Роше (Roche 2014) и Кристиан Кнопpler (Knöppler 2017), исследуя современные ремейки фильмов ужасов 1970-х гг., обращаются к теоретической оптике Вуда. Так, Кнопpler замечает: «В то время как подход Вуда пропитан конкретной сеткой психоаналитических и других теорий, он по-прежнему прост и достаточно универсален, чтобы служить основой для анализа большинства фильмов ужасов» (Knöppler 2017: 10). При этом указанные авторы делают акцент на традиционной для «леволиберальной» американской науки триаде – раса, гендер и класс. В этой связи, помимо аллегорического прочтения как такового, основное внимание уделяется политике репрезентации.

Что касается аллегорических трактовок в плане теоретической оптики, то, например, Анжела Ндалианис в статье «Жанр, культура и семиосфера: новый хоррор-кинематограф и пост-9/11» (Ndalianis 2015) пишет, что «новый хоррор», под которым подразумеваются фильмы ужасов, вышедшие в XXI столетии и в основном после 11 сентября, расширил свои границы и стал использовать знаки, характерные для социальных и политических событий после 9/11. Так реальность террора была перенесена в вымышленную вселенную хоррора. Используя теорию семиосферы Юрия Лотмана и его последователей, Ндалианис анализирует современный хоррор, утверждая, что он функционирует именно как аллегория ситуации пост-9/11. Преимущественно она пишет о двух субжанрах – фильмы о зомби, напри-

мер «Рассвет мертвецов» (2004), и «пыточное порно», например франшиза «Пила» (с 2004 г. по настоящее время), где делается акцент на реалистичном графическом насилии.

Рассматривать субжанр «пыточное порно», «который процветал после 11 сентября и Абу-Грейб» (Briefel, Miller 2011: 7), как аллереорию 9/11 стало общим местом для исследователей. Отчасти такого подхода придерживается, например, Аарон Майкл Кернер в книге «Пыточное порно после 9/11: хоррор, эксплуатация и кинематограф сенсаций» (Kerner 2015), полагая, правда, что «пыточное порно» не только отражает современные страхи американского общества, но и уходит корнями в более старые образы кинематографа. Подобное внимание к субжанру и навязчивое стремление анализировать его аллереорически не могло не привести к протестам среди ученых. Так, Стив Джонс, описывая данный феномен, вынужден заметить: «...хотя аллереорическое прочтение само по себе не является неуместным, его распространение препятствует [научной] дискуссии. Кумулятивный эффект от повторения этой интерпретации заключается в том, что аллереория становится рационализацией смысла пыточного порно, а не ответом. Таким образом, аллереорическое прочтение стало препятствием, невольно затруднившим дискуссию. [Аллереорическая] интерпретация объясняет интерес англо-американской прессы и публики к пыточному порно в определенный момент, но привязывает пыточное порно к той эпохе, тем самым сводя на нет непреходящую актуальность субжанра» (Jones 2013: 63).

Стремление ученых видеть в хорроре аллереории касается не только «пыточного порно». Общим местом для социально-политических интерпретаций стала гипотеза, что практически весь жанр отражал опыт 9/11. Это подтверждается на многих примерах. Вероятно, наиболее показательным кейсом может служить сборник «Хоррор после 9/11: мир страха, кинематограф террора» (Briefel, Miller 2011). Каждый из авторов выбрал конкретный эмпирический материал, чтобы связать его с актуальной политической ситуацией. Исследователи в основном рассуждают, почему именно хоррор может быть особенно подходящим жанром для борьбы с глобальными, национальными и личными травмами после 11 сентября. Кроме того, проводится важнейшее терминологическое разграничение понятий «хоррор» (horror) и террор (terror), которые на русский обычно переводятся как «ужас»¹. Редакторы сборника Авива Брифел и Сэм Джей Миллер отмечают, что хоррор – это набор общих конвенций, прежде всего в художественном отношении, и он ассоциируется с миром вымысла, в то время как террор представляет собой катализатор и реакцию на 9/11, ассоциируясь с реальным миром²: «В течение последнего десятилетия хоррор переводил и переосмысливал дискурсы и образы террора на кинематографический язык. Эти переводы

¹ О трудностях и тонкостях перевода этих терминов см.: (Павлов 2021b).

² Отчасти это стало общим местом среди ученых. Так, Кевин Уитмор отмечает: «Весь смысл был в том, чтобы народ Соединенных Штатов стал свидетелем ужасной смерти американцев и отреагировал из-за страха и паники. 11 сентября было террором, но, следовательно, оно было также и хоррором» (Westmore 2012: 11).

разнообразны, непредсказуемы и постоянно развиваются» (Briefel, Miller 2011: 9).

Следуя этой логике, Лаура Фрост в статье «Черные экраны, потерянные тела» противопоставляет образы насилия в посвященных событиям 9/11 реалистичных фильмах типа «Фаренгейт 9/11» (2004) Майкла Мура и «Потерянный рейс» (2006) Пола Гринграсса и переосмысление событий трагедии в фильмах ужасов типа «Улица Малберри» (2006) Джима Микла и «Монстро» (2008) Мэтта Ривза. Сопоставляя эти две репрезентативные стратегии событий, Фрост описывает статус хоррора как жанра, который процветает на страхах, подавляемых в других местах (Frost 2011). Элизабет Форд утверждает, что эстетика картины Гринграсса стала возможной благодаря сложившимся конвенциям «телесных жанров» (Ford 2011).

Особо отметим среди авторов сборника Адама Ловенштейна, ранее предложившего анализировать хоррор в контексте национальной травмы. В своем исследовании Ловенштейн рассматривает фильмы создателя «телесного хоррора» (body horror) Дэвида Кроненберга «Оправданная жестокость» (2005) и «Порок на экспорт» (2007), снятые после 11 сентября. Согласно Ловенштейну, хотя в этих картинах режиссер заимствует образы из своего раннего творчества, все же он развивает новый визуальный словарь для репрезентации «конъюнктуры насилия и глобализированной геополитики» (Lowenstein 2011).

Кэтрин Циммер рассуждает о значении надзора в «пыточном порно» (Zimmer 2011). Мэтт Хиллс анализирует фильмы франшизы «Пила» в соотношении с реальностью (Hills 2011). Хомей Кинг противопоставляет южнокорейский фильм «Вторжение динозавра» (2006) и упоминаемый «Монстро», показывая, как они отражают множественные исторические травмы (King 2011). Авива Брифел обращается к фильмам о зомби типа «28 дней спустя» (2002) Дэнни Бойла, «Рассвет мертвецов» (2004) Зака Снайдера, «Земля мертвых» (2005) Джорджа Ромеро, а также к картине «Мгла» (2007) Фрэнка Дарабонта, помещая их в контекст классического «Рассвета мертвецов» (1979) Джорджа Ромеро и описывая как популярные фильмы и одновременно продукты культурной критики (Briefel 2011). Штеффен Хантке посвятил свое эссе картине Фрэнсиса Лоуренса «Я – легенда» (2007), которая, по его мнению, свидетельствует о возвращении всеобщей подозрительности и ценностей эпохи холодной войны (Hantke 2011). Линни Блейк обращается к творчеству Роба Зомби, фильмы которого «Дом 1000 трупов» (2003) и «Изгнанные дьяволом» (2005) прочитываются как кинематографический ответ на «удушающий патриотизм» американской войны с терроризмом (Blake 2011). Трэвис Саттон и Гарри Беншофф исследуют консервативное переосмысление вампиров в романе «Сумерки» (2005) и первой серии одноименной франшизы (2008) (Sutton, Benshoff 2011). По мнению авторов, вампир из сексуально полиморфной фигуры превращался в гетеронормативную икону моногамии и целомудрия. Выбор «Сумерек», когда речь заходит о хорроре, может показаться несколько странным, поскольку эта франшиза не относится к жанру ужасов. Как отмечается, «Сумерки» «имеют больше общего с подростковыми драмами об отчуждении, чем с

хоррором» (Wetmore 2012: 4). Тем не менее главные герои в ней – вампиры и оборотни, то есть традиционные для жанра монстры, что неизбежно приводит к дискуссиям о границах самого хоррора. Позже исследователи стали называть такие фильмы «не-ужасом» (McKenna, Proctor 2021: 6-7).

Все описанное выше привлекает внимание и создает ощущение, что ученые не зря едят свой хлеб, предлагая тонкие, глубокие интерпретации современного хоррора. Кроме «пыточного порно», особенно часто аллегорически трактуют зомби, что видно на примере статьи Анжелы Ндалианис (Ndalianis 2015). Про связь зомби и 9/11 особенно много пишет Кайл Уильям Бишоп в своей книге «Американская зомби-готика» (Bishop 2010). Терренс Максвини, посвящая этому главу своей книги «Война с террором» и американское кино», отмечает: «Что привело к тому, что зомби стали так убедительно присутствовать в 2000-е, в то время как они не вызывали такого резонанса в 1990-е? В 2000-е гг. слово “зомби” даже стало частью культурного лексикона, будь то алкогольный коктейль, неработающий банк, тип компьютерного вируса, часть философского мысленного эксперимента или довольно тревожный половой акт. Термин “живые мертвецы” стал частью терминологии войны с терроризмом, когда Дональд Рамсфелд дал свои знаменитые комментарии о “неизвестных известностях”, в которых говорилось среди прочего о судьбе заключенных в заливе Гуантанамо; его вывод в том, что многие заключенные, хотя и были живы, технически являлись “живыми мертвецами”» (McSweeney 2014: 159).

Как и в случае с «пыточным порно», чтобы картина не выглядела слишком радужной, нам необходимо упомянуть, что обсуждаемая установка на социально-политическое прочтение регулярно подвергалась критике. Так, Питер Дендл заявляет, что очевидные отсылки к событиям 9/11 в фильмах о зомби, снятых в 2000-е гг., встречаются довольно редко. Утверждая, что прямых связей между 9/11 и популярностью зомби-кинематографа не так уж и много, Дендл пишет: «...если определенное количество фильмов о зомби начало появляться в 2002 и 2003 годах, это значит, что многие из них были в разработке довольно долгое время. В любом случае, ни один из этих ранних фильмов открыто не перекликается с волнениями, касающимися 9/11» (цит. по: Платтс 2017: 161).

Скепсис относительно аллегорического прочтения наблюдается не только в отношении фильмов о зомби. Так, Лаура Ми в своем исследовании новейших хоррор-ремейков подчеркивает, что попытка осмыслить современные версии главных хорроров 1970-х гг. в контексте эквивалентных оригиналам социально-политических проблем может обернуться тем, что их аллегорическое значение будет слишком переоценено. Поэтому, если такие картины, как «Техасская резня бензопилой» (2003), «Рассвет мертвецов» и «У холмов есть глаза» (2006) обсуждать в контексте хоррора после 11 сентября, можно упустить из внимания их коммерческий и отраслевой контексты (Мее 2022: 115). В таком случае «навязывание предписывающих интерпретаций фильмам, не задуманным как политические аллегории, не только приводит к их двусмысленному прочтению, но также игнорирует другие контексты и причины их производства» (Мее 2022: 126).

Казалось бы, после таких весьма скептических замечаний нам следует всерьез усомниться в объяснительной силе стратегии аллегорического прочтения хоррора. Тем более мы пока еще не поставили вполне очевидный вопрос: зачем кинематографистам шифровать что-то в фильмах ужасов, если существует кино, где сложные социальные вопросы обсуждаются непосредственно? Многие ученые игнорируют этот момент, однако в некоторых исследованиях можно найти аргументы в пользу того, почему такие интерпретации не просто имеют право на существование, но и в принципе могут быть продуктивными. К таковым относится уже упоминаемая книга Кевина Уитмора-младшего «Пост-9/11 хоррор в американском кинематографе» (Wetmore 2012). На первых же страницах исследования мы получаем ответ на вопрос, почему хоррор можно читать аллегорически. Автор называет многочисленные фильмы, непосредственно посвященные событиям 9/11, и отмечает, что сборы от их проката были провальными. По его мнению, американские зрители не хотели видеть на экране 11 сентября, а также военные и политические последствия событий: «Героический, драматический и экшен жанры не могут представить события 11 сентября таким образом, чтобы передать опыт и его понимание» (Wetmore 2012: 2). Поэтому Уитмор показывает, как эти события воспроизведены уже как хоррор, то есть каким образом война с террором изображена посредством фильмов ужасов, и как за время, прошедшее после обрушения башен-близнецов, изменился сам жанр.

Главный тезис Уитмора – хоррор до и после 11 сентября отличается тем, что первый часто оставлял зрителям надежду, в то время как второй обычно нет. С точки зрения автора, медиа, политика и культура в целом несут ответственность за новую концепцию терроризма, возникшую в результате событий 11 сентября. Если ранее он считался насильственным действием в политических целях, преднамеренно направленным против мирных жителей, то после 11 сентября превратился в экзистенциальную угрозу американской нации. Об этом говорит сам факт появления по-настоящему тревожных фильмов ужасов типа субжанров «пыточное порно» или «вторжение в дом» (home invasion). Хотя сразу после терактов в Голливуде сложилось мнение, будто зрители хотят «комфортных фильмов», все было ровным счетом наоборот, и расцвет достаточно жестокого хоррора – тому подтверждение.

Помимо новых жанров типа «найденная пленка» (found footage), «пыточное порно», «вторжение в дом», стали популярны ремейки. Уитмор отмечает, что, например, в ремейках «Пятница, 13-е» (2009) и «Кошмар на улице Вязов» (2010) нет той игривой брезгливости, которую воплощали оригиналы и их многочисленные сиквелы. Монстры Джейсон Вурхиз и Фредди Крюгер снова стали настоящими чудовищами – злыми существами, которых нельзя победить. Кроме того, Уитмор полагает, что, переделывая слэшеры 1980-х гг., Голливуд производит своего рода ремейк Америки того периода. Так, администрация Джорджа Буша-младшего переосмыслена как «вторая эпоха Рейгана», на которую проецировалась сила США, когда внешние и внутренние угрозы были более управляемыми и менее ужасающими.

Нельзя обойти вниманием важнейшее методологическое замечание Уитмора о том, что 11 сентября ожидаемо преобразило хоррор, и гендер перестал быть центральной проблемой жанра. Исследователь активно цитирует и даже использует в названии главы фразу злодеев из фильма «Незнакомцы» (2008), когда в ответ на вопрос главных героев, почему именно они стали (рандомными) жертвами, звучит: «Потому что вы были дома». С точки зрения Уитмора, случайная смерть не имеет ничего общего с сексуальным угнетением или гендерной идентичностью. В конце концов, смерти 11 сентября были связаны не с полом, желанием сохранения патриархата и сексуальной чистоты, а с национальным вопросом и атакой на всю социокультурную и политическую систему США. «Сексуальная тревога была подавлена (хотя и не полностью изгнана) другими тревогами: эфемерным и призрачным страхом, связанным с терроризмом; новым телесным ужасом, коренящимся в пытках; и страхом, связанным с силой религии, и это лишь три из них. Взрыв мокьюментарных фильмов, фильмов о зомби и “пыточного порно” имеет куда меньшее отношение к сохранению патриархата и контролю над женской сексуальностью, чем к приручению опыта терроризма» (Wetmore 2012: 16). Поэтому один из ключевых методов интерпретации Уитмора – исследования травмы, которые представляли собой относительно новую методологию в анализе хоррора. Важно, что хоррор, как полагает автор, позволяет изобразить и, следовательно, стать свидетелем ужасных событий, но при этом не быть ими травмированным. Хоррор также помогает справляться с подлинными травмами, которые пережили люди. Одним словом, «фильмы ужасов не просто означают что-то; они генерируют смысл на основе опыта аудитории» (Wetmore 2012: 14).

Тем менее было бы странно, если бы общий посыл Уитмора не был подвергнут критике. Упомянутая Лаура Ми, критикуя аллегорическое прочтение ремейков американского хоррора, заявляет, что попытка Уитмора «связать антагонистов хоррора и террористов, а также его описание виновных в терактах 11 сентября как “киллеров из слэшеров, несущих угрозу и убивающих ножами, чтобы спровоцировать более крупную серию убийств” (200) вызывает (возможно, бестактное) сомнение; не в последнюю очередь потому, что использованный [им] пример взят из фильма Джона Карпентера 1978 г., а не из ремейка Роба Зомби 2007 г. Но это лишь подчеркивает непоколебимую природу некоторых из этих аллегорических прочтений» (Мее 2022: 118).

В свою очередь, Аарон Майкл Кернер, разделяя убеждение в ценности установки на социально-политическую интерпретацию «пыточного порно», весьма уважительно цитирует Уитмора, даже когда с ним не соглашается: «Я не склонен считать Пилу (главного антагониста франшизы “Пила”. – А.П.) воплощением террориста (хотя некоторые так и делают, включая Кевина Уитмора); однако в данном конкретном случае такое прочтение кажется вполне уместным» (Kerner 2015: 90). Нелишним будет заметить, что сам Уитмор осведомлен о минусах аллегорических прочтений и сообщает скептически настроенным читателям: «...я остерегаюсь того, чтобы читать фильмы слишком глубоко, и признаю, что никто не выходит из зала после просмотра хоррора со словами: “Я был в ужасе от этого

утверждения патриархата и переписывания кодексов сексуального поведения” или “Это использование зомби как метафоры американского люмпен-пролетариата напугало меня до чертиков”» (Wetmore 2012: 18).

Чтобы у читателей не сложилось неверного мнения, отметим, что ученые писали про обсуждаемые выше темы по-разному. И хотя субжанры «пыточное порно» и «вторжение в дом» часто служили основой для социального комментирования, их исследовали и в других контекстах, используя, например, «анализ рынка» (Bernard 2014). При этом мы видим, что ключевой темой в оптике социально-политических интерпретаций в течение долгого времени оставались последствия событий 11 сентября. Однако во второй половине 2010-х гг. произошли кардинальные изменения: якобы аллегорические послания американского хоррора сменились фактически прямыми политическими высказываниями.

Социально-политический хоррор

Во второй половине 2010-х гг. в академических исследованиях хоррора произошел перелом. Это связано не с тем, что появился какой-то новый, максимально удобный для ученых подход. Своеобразная революция произошла в самом жанре. Исследователи были вынуждены реагировать на нее, причем отчасти ретроспективно, то есть с некоторым запозданием. Две студии стали главными поставщиками хоррора. С одной стороны, A24 производила «умный хоррор», также известный как «возвышенный хоррор» и «постхоррор», с другой – *Blumhouse* активно выпускал бюджетные развлекательные хорроры, многие из которых становились очень популярными франшизами, например «Паранормальное явление» (с 2009 г. по настоящее время), «Астрал» (с 2010 г. по настоящее время) и «Судная ночь». Наряду с этим *Blumhouse* выпускал и «умный хоррор», который пользовался грандиозным успехом. К нему, без сомнения, принадлежит фильм «Прочь» (2017) Джордана Пила. Появление хоррора, в котором политическое послание стало явным, было связано с избранием президентом США Дональда Трампа. Культурная индустрия отреагировала на это событие мощным протестом, даже не аллегорически, а буквально высказываясь о «трампистской Америке». Это касалось в том числе и хоррора (Platts, Majuto 2020).

Кевин Уитмор-младший поспешно сделал заключение, что гендер перестал быть центральной темой американского хоррора. В 2010-е гг. он вернулся в ряд ключевых тем наряду с расовым вопросом. Причем гендерно прочитывался хоррор именно в контексте пост-9/11, что отражено в книге Глена Доннара «Проблематичные маскулинности: террор, гендер и монструозные другие в американском кино после 11 сентября» (Donnar 2020). Лаура Ми, скептически, как мы видели, относящаяся к аллегорическим прочтениям, одну из глав своей книги посвятила гендерному анализу (Mee 2022: 137-160).

С одной стороны, ученые продолжали изучать хоррор аллегорически. Так, сборник «Темные силы за работой» (Miller, Van Riper 2019) посвящен социально-политическому анализу фильмов ужасов, в работе ожидаемо ис-

следуются раса, класс, пол, религия, экономика и т.д. Сборник «Политика хоррора» (Picariello 2020) еще шире – здесь затрагивается литература, видеоигры, комиксы и т.д. При этом в обеих книгах содержатся статьи про «Прочь». В сборнике «“Прочь” Джордана Пила. Политический хоррор» (Keetley 2020) все статьи посвящены анализу этого фильма. Любопытный пример радикальных высказываний ученых – сборник с говорящим названием «Сделаем Америку ненавидящей снова» (McCollum, 2019) с аллюзией на слоган Трампа *Make America Great Again*. В работе исследуется кино, политика, американская культура и общество посредством, как заявлено в аннотации, «смелого критического анализа» популярных фильмов ужасов, сериалов и пр.

После пробуждения «трампистской Америки» в исследованиях хоррора произошли многочисленные трансформации. Наиболее занимательный кейс изменения оптики представлен в книге американского философа-марксиста Дугласа Келлнера «Медиакультура» (Kellner 2020). Данная работа представляет собой существенно обновленную версию его одноименной книги середины 1990-х гг. (Kellner 1995). В целом позиция Келлнера как критического теоретика, исследующего популярную культуру, состоит в том, что основные социальные группы и конкурирующие политические идеологии борются за культурную гегемонию, а люди переживают такую борьбу с помощью образов, дискурсов, мифов и зрелищ медиакультуры. Келлнер выступает за «демократический проект», поэтому резко осуждает консервативные продукты медиа и приветствует все прогрессивное. Третья глава книги 2020 г. полностью посвящена хоррору. Автор сразу заявляет, что «медиакультура порождает социальные аллегории, выражающие страхи, стремления и надежды классов и социальных групп в определенные политические эпохи» (Kellner 2020: 18).

Келлнер рассматривает несколько кейсов: социально-экономические страхи среднего класса эпохи Рональда Рейгана на примере фильма «Полтергейст» (1982) Тоуба Хупера; кризис патриархальной семьи на примере первого сезона сериала «Американская история ужасов» (2011); насилие в отношении женщин в оригинальном «Хэллоине» (1979) Джона Карпентера и его прямом сиквеле с тем же названием (2018) Дэвида Гордона Грина; и, конечно, проблему расизма, представленную в фильмах Джордана Пила «Прочь» и «Мы» (2019). Келлнер убежден, что «Полтергейст» – символическое исследование универсальных и характерных для американцев страхов, принимающее форму аллегорического кошмара, расшифровка которого должна кое-что рассказать о повседневной жизни эпохи рейгановского консерватизма 1980-х гг. (Kellner 2020: 84). «Американскую историю ужасов» он просто пересказывает, не предлагая аналитических суждений. Это неудивительно: в сериале нет аллегорий, а содержится прямое политическое высказывание создателей. Этот момент не смущает Келлнера, но по его тексту заметен переход самого хоррора от аллегории к социальной критике. Далее исследователь указывает на амбивалентность «Хэллоина», не давая при этом ответа на вопрос, способствует ли просмотр такого кино снятию напряжения или, наоборот, влияет на насилие в отношении женщин. Также он замечает, что убийство в «Хэллоине» двух журналистов и

доктора-интеллектуала, несомненно, послужило источником вдохновения для поклонников Дональда Трампа, которые считают медиа «врагами народа», а интеллектуалов – очень подозрительными (Kellner 2020: 95). «Прочь», по мнению Келлнера, переворачивает коды традиционного хоррора и представляет собой анализ белого либерального расизма и того, как такой расизм терроризирует афроамериканцев (Kellner 2020: 98). В этом отношении ученый Рассел Миуф идет еще дальше, утверждая, что расовые обиды, репрезентируемые именно в фильмах ужасов, снятых в эпоху Обамы, привели к президентству Трампа и движению *Make America Great Again* (Meeuf 2022).

Исследовательница Стейси Эбботт, ссылаясь на продюсера Джейсона Блума, отмечает, что успех хоррора «Прочь» обусловлен тем, что почва для него была подготовлена «Судной ночью» (Abbott 2021: 130). Анализ данной франшизы – наиболее яркий пример, как ученые реагируют на эксплицитный политический хоррор. Фильм «Судная ночь» вышел в 2013 г. Получив успех в прокате, он породил целую франшизу³. Все фильмы и сериалы построены вокруг идеи Судной ночи: один раз в год на протяжении 12 часов, когда зазвучит сирена, все жители США имеют право совершать любые преступления, в том числе убийства. Тем самым «новые отцы-основатели», пришедшие к власти, позволяют обществу «разрядиться». Заодно они решают экономические проблемы. Если оригинальный фильм был достаточно камерным и локальным опытом в субжанре «вторжение в дом», в котором, впрочем, социально-политические проблемы обсуждались открыто, то его продолжения стали прямыми политическими высказываниями – в них раскрывается, как с «новыми отцами-основателями» борются несогласные политические силы. Стоит отметить, что оригинальные названия фильмов политически более эксплицитны, нежели официальный перевод. Так, «Судная ночь: анархия» (2014) и «Судная ночь: год выборов» (2016) вышли в российский прокат под названиями «Судная ночь 2» и «Судная ночь 3».

«Прочь» снят той же самой студией, что и франшиза «Судная ночь», но при этом считается «умным», «престижным» хоррором. Тем самым он вписался в общий тренд, когда критики и исследователи стали хвалить новый хоррор, принципиально отличающийся от «пыточного порно», «найденной пленки», «вторжения в дом» и т.д. сложностью главных тем, авторским почерком и уходом от развлекательной функции (Павлов 2021a). Точка зрения, что ориентация на коммерческий успех несовместима с авторским политическим высказыванием, полностью опровергается «Судной ночью». Она является одновременно и политическим комментарием по поводу функционирования американского общества последних лет, и развлекательной и более чем прибыльной франшизой.

³ Одноименный сериал (два сезона, 2018–2019) и несколько сиквелов – «Судная ночь 2» (2014), «Судная ночь 3» (2016), «Судная ночь: начало» (2018) и «Судная ночь навсегда» (2021). Первые три серии написаны и поставлены Джеймсом ДеМонако. Четвертая часть франшизы – «Судная ночь: начало» – написана ДеМонако и снята Джерардом МакМюрреем. Пятая серия «Судная ночь навсегда» написана ДеМонако и снята Эверардо Валерио Гоутом.

Большой интерес к «Судной ночи» демонстрирует академическое сообщество. Так, например, в 2019 г. вышли три работы. А. Боудойн Ван Рипер описывает социальные практики франшизы как «гоббсовскую анархию» (Van Riper 2019). Меган Армстронг проводит социально-философский анализ политического устройства вселенной, используя идеи Джорджо Агамбена и называя изображенное в фильме антиутопическое государство «неолиберальным» (Armstrong 2019). Стейси Эбботт анализирует вторую серию «Судной ночи» как «постмиллениальный хоррор» (Abbott 2019). На этом ученые не остановились. В 2021 г. Эбботт вернулась к теме, чтобы описать всю франшизу как социально-политический проект (Abbott 2021). В 2022 г. Сара Бэйкер и Аманда Резерфорд опубликовали статью «“Судная ночь”: насилие и религия как токсичный коктейль» (Baker, Rutherford 2022).

Если статьи Ван Рипера и Армстронг, хотя и оценочные, но отчетливо социально-философские, то работа Бэйкер и Резерфорд излишне политизированная: оценочные суждения преобладают над аналитическими. Так, авторы ожидаемо утверждают, что франшиза отражает «эпоху Трампа» с ярко выраженной патриархальной идеологией белых элит (Baker, Rutherford 2022: 165). Ван Рипер полагает, что в первых трех фильмах представлена ужасающая картина человеческой природы. По его мнению, вместо того чтобы дать преступным отбросам общества возможность убивать друг друга и поощрять сильных к истреблению слабых, как замыслили архитекторы Судной ночи, ежегодная ночь тотальной анархии обнажила тонкую грань, отделяющую обычных людей от монстров. Конечно, Ван Рипер не может не связать события вымышленной вселенной с реальностью: «...эксплуатация, жестокое обращение и даже непосредственно убийство бедных и уязвимых богатыми и влиятельными людьми никогда не переставали быть частью американской жизни. Все это не исчезло, а лишь ускользнуло в тень, пока новые отцы-основатели, не только терпя, но и прославляя это, не позволили на одну ночь в году снова выйти всему этому на свет» (Van Riper 2019: 127).

Наибольший интерес из перечисленных исследований вызывает работа Стейси Эбботт «Когда подтекст превращается в текст: “Судная ночь” становится американским кошмаром» (Abbott 2021). Сделав ожидаемую ссылку на идеи Робина Вуда, автор отмечает, что в анализируемой франшизе речь идет не о *бессознательном* проявлении подавленной культурной ярости, скрытой под поверхностью фильмов ужасов, а о том, что теперь «Судная ночь» *сознательно* выводит «американский кошмар» на поверхность, представляя подтекст в виде текста. Действие каждого фильма происходит в Судную ночь. Каждая история рассказывает о группе людей, которые, пытаясь пережить 12 часов анархии, сталкиваются с «чистильщиками», творцами насилия. По сюжету первой – самой локальной – серии, в доме семьи среднего достатка прячется чернокожий мужчина. Выйдя на его след, группа «чистильщиков» осаждают дом и требуют выдать им жертву, обещая, что сама семья не пострадает. Так зажиточные люди оказываются перед моральным выбором – укрывать жертву, пострадав самим, или выдать. «Чистильщики» носят жуткие маски, хотя их лидер в итоге показывает свое лицо. Зрителям говорят прямым текстом, что это хорошо обеспеченные молодые

люди, которые дают волю своим расистским чувствам. Следовательно, согласно первой части, главную опасность в США представляют привилегии богатых белых людей: «Фильм исследует повествование, в котором белые, хорошо образованные люди из среднего класса “освобождают зверя” под предлогом “очищения” своих душ, но на самом деле они творят насилие, чтобы восстановить свое предполагаемое культурное, иерархическое господство» (Abbott 2021: 134).

Следующие две части «Судной ночи», объединенные помимо прочего главным героем Лео Барнсом, более масштабные. В них действие происходит не в богатом белом пригороде, а на улицах мультикультурной Америки – в Лос-Анджелесе и Вашингтоне. Нужно отметить, что если оригинальный фильм был хоррором конвенционально, то сиквелы являются экшен-хоррором, в котором действия зачастую преобладают над элементами ужаса. Собственно, от хоррора остаются образы насилия на городских улицах; в остальном зритель наблюдает за погонями, драками и перестрелками. Главные жертвы сиквелов – маргинализированные и экономически неблагополучные или бесправные низшие классы, представленные различными расами.

Меган Армстронг отмечает, что «по мере развития франшизы, начинающаяся как хоррор, принимает более антиутопическую ориентацию, следуя от клаустрофобного слэшера о вторжении в дом в “Судной ночи” (2013) до резкого политического обвинения в “Судной ночи: начало” (2018). Определенные темы насилия, уязвимости и борьбы в неолиберальном государстве последовательно возникают во всей франшизе, наиболее важными из которых являются экономическое неравенство и классовый конфликт. Второй центральный конфликт – структурный расизм, который становится все более заметным по мере развития фильмов, но остается относительно второстепенным до “Судной ночи: начало” (2018)» (Armstrong 2019: 7). Здесь стоит добавить, что пятая часть «Судная ночь навсегда» следует логике, обнаруженной Армстронг: поклонники насилия однажды решили не прекращать бесчинства после звука сирен, возвещающих об окончании Судной ночи, а главными героями, в отличие от предшествующих частей, стали мексиканцы.

Расовая напряженность на самом деле была не вполне явной в первом фильме, но в сиквелах это выводится на поверхность повествования. Современные проблемы, связанные с расой, становятся все более важными для тематической преемственности франшизы. Отпор политическому порядку в трех фильмах дают именно чернокожие. В четвертой части об этом говорится уже открыто. «Судная ночь: начало» – четвертый фильм франшизы и первый, выпущенный в эпоху Трампа. Он поставлен афроамериканским режиссером. Речь идет о социальном эксперименте с бедным сообществом, готовым участвовать в Судной ночи ради денежного вознаграждения. Так на протяжении серии фильмов произошла явная политизация хоррора, ставшая имманентной и определяющей чертой франшизы. Четвертую часть стали позиционировать как фильм конкретно об Америке Дональда Трампа: «...перемещение приквела в прошлое позволяет франшизе еще более открыто комментировать настоящее» (Abbott 2021: 138). На основании этого Стейси Эбботт делает вывод, что «Судная ночь» не прячет свое поли-

тическое послание, но развлекает зрителя и ведет пропаганду одновременно. В итоге вместо аллегорических прочтений обычного хоррора в данном случае можно говорить о прямом политическом высказывании.

Однако необходимо признать, что на фоне общей ненависти к Трампу как якобы символу всего реакционного «Судная ночь» является лишь одним из многих высказываний, осуждающих «белый патриархат». Киновед Виктория Маккалум пишет: «Социально-политическая метафора фильма деспотична до такой степени, что может привести к обратным результатам. Безусловно, есть заслуга в повышающих осведомленность свойствах фильмов ужасов, таких как “Судная ночь: начало”, которую другие критики сочли выдающимся фильмом об эксплуатации чернокожих эпохи Трампа и лучшей частью франшизы на сегодняшний день. Тем не менее яростная социально-политическая болтовня некоторых современных хорроров кажется в значительной степени лишенной какой-либо полезной специфики и, следовательно, лишенной видимых инструментов, необходимых для того, чтобы радикально противостоять статус-кво и неизбежно конкурировать с выдающимися работами отцов-основателей современного ужаса (Ромеро, Хупер и Крейвен). Действительно, стоит подумать о том, как растущее недовольство социально-политическими ограничениями нынешнего хоррора сочетается с растущим недовольством ограничениями антитрамповского инакомыслия в его нынешнем виде» (McCollum 2019: 14). Исходя из этого, мы могли бы задаться вопросом, насколько вообще современному американскому хоррору идет на пользу его явная политизация.

Заключение

В течение долгого времени хоррор был развлекательным жанром кино. С конца 1970-х гг. критики и ученые постепенно начали исследовать его на предмет социально-политического содержания, нередко переданного аллегорически. На протяжении десятилетий киноведы, ориентируясь на эту установку политического прочтения, использовали разные методы анализа – от фрейдомарксизма и гендерных исследований до исследований травмы и теории аффекта. Это не означает, что фильмы ужасов не изучались в других контекстах, но политический анализ часто строился на тезисе критика Робина Вуда об аллегорической трактовке монстров как возвращения вытесненного. В XXI столетии изменился сам хоррор. Появились новые субжанры – «пыточное порно», «найденная пленка», постхоррор, фолк-хоррор и т.д. Стали снимать огромное количество ремейков, продолжений классических фильмов в сериальном формате и т.д.

В то же время исследователи продолжали изучать хоррор как аллерию. Основной темой для анализа были социальные и культурные последствия событий 11 сентября 2001 г. Этот тренд сохранялся более пятнадцати лет. Однако с приходом к власти Дональда Трампа многие кинематографисты начали снимать буквально политический хоррор. Так «бессознательный» «американский кошмар», как сформулировал Робин Вуд, стал сознательной реакцией на политическую повестку. В некоторых случаях победа Трампа

отождествлялась с трагедией 9/11. Например, первый эпизод седьмого сезона сериала «Американская история ужасов» (2017) начинается с того, как главная героиня Эллисон Мейфэр-Ричардс дрожит от страха и плачет, узнав из новостей об ужасном событии – выигрыше Трампа.

Ученые были вынуждены реагировать на происходящие перемены, осмысливая трансформации в жанре. Данный тренд еще сохраняется, но уже сейчас очевидно, что в скором времени должен решиться вопрос, насколько будет распространен «политический хоррор» типа франшизы «Судная ночь» и фильма «Прочь», а также, как скоро исследователи вернуться к классическому аллегорическому прочтению американских фильмов ужасов XXI столетия. Пока такая оптика остается. Например, в новейшем исследовании Шелли Макмурдо аллегорически прочитывает жанр «найденная пленка» (McMurdo 2023). Вероятно, данный тренд, который, казалось бы, начал вытесняться, вернется или по крайней мере не исчезнет совсем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Павлов А.В. 2021a. Постхоррор? Рецензия на книгу Дэвида Черча // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 5, № 2. С. 294-313. DOI 10.17323/2587-8719-2021-2-294-313

Павлов А.В. 2021b. Что мы делаем в темноте: хоррор и геймплей // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 5, № 3. С. 324-345. DOI 10.17323/2587-8719-2021-3-324-345

Платтс Т. 2017. Обнаружение зомби в социологии поп-культуры // *Археология русской смерти*. Т. 4, № 1. С. 151-173.

Abbott S. 2019. James DeMonaco's *The Purge: Anarchy* (2014) – Post-Millennial Horror // *Horror: A Companion* / ed. by S. Bacon. New York : Peter Lang. P. 119-126.

Abbott S. 2021. When the Subtext Becomes Text: *The Purge Takes on the American Nightmare* // *Horror Franchise Cinema* / ed. by M. McKenna, W. Proctor. London ; New York : Routledge. P. 128-142. DOI 10.4324/9780429060830-8

Armstrong M.A. 2019. 'A Nation Reborn': Right to Law and Right to Life in *The Purge Franchise* // *Journal of Intervention and Statebuilding*. Vol. 13, iss. 3. P. 377-392. DOI 10.1080/17502977.2018.1562683

Baker S., Rutherford A. 2022. *The Purge: Violence and Religion as Toxic Cocktail* // *Blumhouse Productions: The New House of Horror* / ed. by V. McCollum, T.K. Platts, M. Clasen. Chicago : University of Chicago Press. P. 178-200.

Bernard M. 2014. *Selling the Splat Pack: The DVD Revolution and the American Horror Film*. Edinburgh : Edinburgh University Press. 224 p.

Bishop K.W. 2010. *American Zombie Gothic: The Rise and Fall (and Rise) of the Walking Dead in Popular Culture*. Jefferson : McFarland. 247 p.

Blake L. 2011. "I Am the Devil and I'm Here to Do the Devil's Work": Rob Zombie, George W. Bush, and the Limits of American Freedom // *Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror* / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 186-199.

Briefel A. 2011. "Shop Til You Drop!": Consumerism and Horror // *Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror* / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 142-163.

Briefel A., Miller S. (eds.) (2011). *Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*. Austin : University of Texas Press. 273 p.

Briefel A., Miller S. 2011. Introduction // *Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror* / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 1-11.

Donnar G. 2020. Troubling Masculinities: Terror, Gender, and Monstrous Others in American Film Post-9/11. Jackson : University Press of Mississippi. 248 p. DOI 10.2307/j.ctv128fpv2

Ford E. 2011. Let's Roll: Hollywood Takes on 9/11 // Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 40-61.

Frost L. 2011. Black Screens, Lost Bodies: The Cinematic Apparatus of 9/11 Horror // Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 13-39.

Hantke S. 2011. Historicizing the Bush Years: Politics, Horror Film, and Francis Lawrence's I Am Legend // Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 165-185.

Hills M. 2011. Cutting into Concepts of "Reflectionist" Cinema? The Saw Franchise and Puzzles of Post-9/11 Horror // Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 107-123.

Jones S. 2013. Torture Porn: Popular Horror After Saw. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 241 p.

Keetley D. (ed.) 2020. Jordan Peele's Get Out: Political Horror. Columbus: The Ohio State University Press. 254 p.

Kellner D. 1995. Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Post-Modern. London ; New York : Routledge. 726 p.

Kellner D. 2020. Media Culture. Cultural Studies, Identity, and Politics in the Contemporary Moment. London ; New York : Routledge. 334 p. DOI 10.4324/9780429244230

Kerner A.M. 2015. Torture Porn in the Wake of 9/11: Horror, Exploitation, and the Cinema of Sensation. New Brunswick ; New Jersey ; London : Rutgers University Press. 268 p.

King H. 2011. The Host Versus Cloverfield // Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 124-141.

Knöppler C. 2017. The Monster Always Returns: American Horror Films and Their Remakes. Bielefeld : Transcript. 262 p.

Lowenstein A. 2011. Transforming Horror: David Cronenberg's Cinematic Gestures After 9/11 // Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 62-82.

McCullum V. (ed.) 2019. Make America Hate Again. Trump-Era Horror and the Politics of Fear. London ; New York : Routledge. 216 p. DOI: 10.4324/9781351016513

McCullum V. 2019. Introduction // Make America Hate Again. Trump-Era Horror and the Politics of Fear / ed. by V. McCullum. London ; New York : Routledge. P. 1-16.

McKenna M., Proctor W. 2021. Introduction: The Death and Resurrection Show: Horror Franchise Cinema and the Romanticization of Cult // Horror Franchise Cinema / ed. by M. McKenna, W. Proctor. London ; New York : Routledge. P. 1-28. DOI 10.4324/9780429060830-1

McMurdo S. 2023. Blood on the Lens. Trauma and Anxiety in American Found Footage Horror Cinema. Edinburgh : Edinburgh University Press. 256 p.

McSweeney T. 2014. The 'War on Terror' and American Film: 9/11 Frames Per Second. Edinburgh : Edinburgh University Press. 256 p.

Mee L. 2022. Reanimated: The Contemporary American Horror Re-make. Edinburgh : Edinburgh University Press. 224 p.

Meeuf R. 2022. White Terror: The Horror Film from Obama to Trump. Bloomington : Indiana University Press. 226 p. DOI 10.2307/j.ctv25c4xrk

Miller C.J., Van Riper A.B. (eds.) 2019. Dark Forces at Work. Essays on Social Dynamics and Cinematic Horrors. Lanham ; Boulder ; New York ; London : Lexington Books. 348 p.

Ndalianis A. 2015. Genre, Culture and the Semiosphere: New Horror Cinema and Post-9/11 // *International Journal of Cultural Studies*. Vol. 18, iss. 1. P. 135-151. DOI 10.1177/1367877914528123

Picariello D.K. (ed.) 2020. *The Politics of Horror*. Cham : Springer International Publishing : Palgrave Macmillan. 304 p. DOI 10.1007/978-3-030-42015-4

Platts T.K., Majuto K. 2020. "Outrage is Immediate but Moviemaking Takes Time": 2018 and Horror Cinema's Direct Response to President Donald Trump // *Resist! Protest Media and Popular Culture in the Brexit-Trump Era* / ed. by G. Monteverde, V. McCollum. Lanham : Rowman & Littlefield. P. 121-138.

Roche D. 2014. *Making and Remaking Horror in the 1970s and 2000s: Why Don't They Do It Like They Used To?* Jackson : University Press of Mississippi. 352 p.

Sutton T., Benschhoff H.M. 2011. "Forever Family" Values: Twilight and the Modern Mormon Vampire // *Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror* / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 200-219.

Van Riper A.B. 2019. *All Against All: Dystopia, Dark Forces, and Hobbesian Anarchy in the Purge Films* // *Dark Forces at Work. Essays on Social Dynamics and Cinematic Horrors* / ed. by C.J. Miller, A.B. Van Riper. Lanham ; Boulder ; New York ; London : Lexington Books. P. 115-130.

Wetmore K.J. 2012. *Post-9/11 Horror in American Cinema*. New York ; London : Continuum. 238 p. DOI 10.5040/9781628928884

Wood R. 1996. *An Introduction to the American Horror Film* // *Planks of Reason: Essays on the Horror Film* / ed. by B.K. Grant, C. Sharrett. Lanham ; London : The Scarecrow Press. P. 164-200.

Zimmer C. 2011. Caught on Tape? The Politics of Video in the New Torture Film // *Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror* / ed. by A. Briefel, S. Miller. Austin : University of Texas Press. P. 83-106.

References

Abbott S. James DeMonaco's *The Purge: Anarchy* (2014) – Post-Millennial Horror, *Bacon S. (ed.) Horror: A Companion*, New York, Peter Lang, 2019, pp. 119-126.

Abbott S. When the Subtext Becomes Text: The Purge Takes on the American Nightmare, *McKenna M., Proctor W. (eds.) Horror Franchise Cinema*, London & New York, Routledge, 2021, pp. 128-142. DOI 10.4324/9780429060830-8

Armstrong M.A. 'A Nation Reborn': Right to Law and Right to Life in The Purge Franchise, *Journal of Intervention and Statebuilding*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 377-392. DOI 10.1080/17502977.2018.1562683

Baker S., Rutherford A. The Purge: Violence and Religion as Toxic Cocktail, *McCollum V., Platts T.K., Clasen M. (eds.) Blumhouse Productions: The New House of Horror*, Chicago, University of Chicago Press, 2022, pp. 178-200.

Bernard M. *Selling the Splat Pack: The DVD Revolution and the American Horror Film*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014, 224 p.

Bishop K.W. *American Zombie Gothic: The Rise and Fall (and Rise) of the Walking Dead in Popular Culture*, Jefferson, McFarland, 2010, 247 p.

Blake L. "I Am the Devil and I'm Here to Do the Devil's Work": Rob Zombie, George W. Bush, and the Limits of American Freedom, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 186-199.

Briefel A. "Shop 'Til You Drop!": Consumerism and Horror, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 142-163.

- Briefel A., Miller S. (eds.) *Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 273 p.
- Briefel A., Miller S. Introduction, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 1-11.
- Donnar G. *Troubling Masculinities: Terror, Gender, and Monstrous Others in American Film Post-9/11*, Jackson, University Press of Mississippi, 2020, 248 p. DOI 10.2307/j.ctv128fpv2
- Ford E. Let's Roll: Hollywood Takes on 9/11, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 40-61.
- Frost L. Black Screens, Lost Bodies: The Cinematic Apparatus of 9/11 Horror, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 13-39.
- Hantke S. Historicizing the Bush Years: Politics, Horror Film, and Francis Lawrence's *I Am Legend*, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 165-185.
- Hills M. Cutting into Concepts of "Reflectionist" Cinema? The Saw Franchise and Puzzles of Post-9/11 Horror, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 107-123.
- Jones S. *Torture Porn: Popular Horror After Saw*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013, 241 p.
- Keetley D. (ed.) *Jordan Peele's Get Out: Political Horror*. Columbus, The Ohio State University Press, 2020, 254 p.
- Kellner D. *Media Culture. Cultural Studies, Identity, and Politics in the Contemporary Moment*, London & New York, Routledge, 2020, 334 p. DOI 10.4324/9780429244230
- Kellner D. *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Post-Modern*, London & New York, Routledge, 1995, 726 p.
- Kerner A.M. *Torture Porn in the Wake of 9/11: Horror, Exploitation, and the Cinema of Sensation*, New Brunswick, New Jersey & London, Rutgers University Press, 2015, 268 p.
- King H. The Host Versus Cloverfield, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 124-141.
- Knöppler C. *The Monster Always Returns: American Horror Films and Their Remakes*, Bielefeld, Transcript, 2017, 262 p.
- Lowenstein A. Transforming Horror: David Cronenberg's Cinematic Gestures After 9/11, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 62-82.
- McCollum V. (ed.) *Make America Hate Again. Trump-Era Horror and the Politics of Fear*, London & New York, Routledge, 2019, 216 p. DOI 10.4324/9781351016513
- McCollum V. Introduction, *McCollum V. (ed.) Make America Hate Again. Trump-Era Horror and the Politics of Fear*, London & New York, Routledge, 2019, pp. 1-16.
- McKenna M., Proctor W. Introduction: The Death and Resurrection Show: Horror Franchise Cinema and the Romanticization of Cult, *McKenna M., Proctor W. Horror Franchise Cinema*, London & New York, Routledge, 2021, pp. 1-28. DOI 10.4324/9780429060830-1
- McMurdo S. *Blood on the Lens. Trauma and Anxiety in American Found Footage Horror Cinema*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2023, 256 p.
- McSweeney T. *The 'War on Terror' and American Film: 9/11 Frames Per Second*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014, 256 p.
- Mee L. *Reanimated: The Contemporary American Horror Re-make*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2022, 224 p.
- Meeuf R. *White Terror: The Horror Film from Obama to Trump*, Bloomington, Indiana University Press, 2022, 226 p. DOI 10.2307/j.ctv25c4xrk

Miller C.J., Van Riper A.B. (eds.) *Dark Forces at Work. Essays on Social Dynamics and Cinematic Horrors*, Lanham, Boulder, New York & London, Lexington Books, 2019, 348 p.

Ndalianis A. Genre, Culture and the Semiosphere: New Horror Cinema and Post-9/11, *International Journal of Cultural Studies*, 2015, vol. 18, no. 1, pp. 135-151. DOI 10.1177/1367877914528123

Pavlov A.V. Posthorror? Review of a Book by D. Church, *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly e'konomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 5, no. 2, pp. 294-313. (In Russ.). DOI 10.17323/2587-8719-2021-2-294-313

Pavlov A.V. What We Do in the Shadows. Horror and Gameplay, *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly e'konomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 324-345. (In Russ.). DOI 10.17323/2587-8719-2021-3-324-345

Picariello D.K. (ed.) *The Politics of Horror*, Cham, Springer International Publishing & Palgrave Macmillan, 2020, 304 p. DOI 10.1007/978-3-030-42015-4

Platts T. Locating Zombies in the Sociology of Popular Culture, *Arxeologiya russkoj smerti* [Archeology of Russian Death], 2017, vol. 4, no. 1, pp. 151-173. (In Russ.).

Platts T.K., Majuto K. "Outrage is Immediate but Moviemaking Takes Time": 2018 and Horror Cinema's Direct Response to President Donald Trump, *Monteverde G., McCollum V. Resist! Protest Media and Popular Culture in the Brexit-Trump Era*, Lanham, Rowman & Littlefield, 2020, pp. 121-138.

Roche D. *Making and Remaking Horror in the 1970s and 2000s: Why Don't They Do It Like They Used To?* Jackson, University Press of Mississippi, 2014, 352 p.

Sutton T., Benschoff H.M. "Forever Family" Values: Twilight and the Modern Mormon Vampire, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 200-219.

Van Riper A.B. All Against All: Dystopia, Dark Forces, and Hobbesian Anarchy in the Purge Films, *Miller C.J., Van Riper A.B. (eds.) Dark Forces at Work. Essays on Social Dynamics and Cinematic Horrors*, Lanham, Boulder, New York & London, Lexington Books, 2019, pp. 115-130.

Wetmore K.J. *Post-9/11 Horror in American Cinema*, New York & London, Continuum, 2012, 238 p. DOI 10.5040/9781628928884

Wood R. An Introduction to the American Horror Film, *Grant B.K., Sharrett C. (eds.) Planks of Reason: Essays on the Horror Film*, Lanham & London, The Scarecrow Press, 1996, pp. 164-200.

Zimmer C. Caught on Tape? The Politics of Video in the New Torture Film, *Briefel A., Miller S. (eds.) Horror After 9/11: World of Fear, Cinema of Terror*, Austin, University of Texas Press, 2011, pp. 83-106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Павлов

доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН, г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-5449-1050;
ResearcherID: K-7699-2015;
Scopus AuthorID: 57192593725;
SPIN-код: 7784-2524;
E-mail: apavlov@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Pavlov

Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Leading Researcher, Head of the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-5449-1050;
ResearcherID: K-7699-2015;
Scopus AuthorID: 57192593725;
SPIN-code: 7784-2524;
E-mail: apavlov@hse.ru

Савоськин А.В., Мещерягина В.А., Фалькина Т.Ю. Правозащитный потенциал депутатов в Российской Федерации // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 97-120. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_97

УДК 342.525

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_97

Правозащитный потенциал депутатов в Российской Федерации

Александр Владимирович Савоськин

Уральский государственный экономический университет
Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: savoskinav@yandex.ru

Вероника Александровна Мещерягина

Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: metssheryagina@yandex.ru

Татьяна Юрьевна Фалькина

Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: f.t.u.81@mail.ru

*Поступила в редакцию 28.06.2022, поступила после рецензирования 24.04.2023,
принята к публикации 27.04.2023*

В статье анализируются правозащитные полномочия депутатов всех уровней власти в Российской Федерации: федеральных парламентариев (включая сенаторов), депутатов законодательных (представительных) органов власти субъектов

© Савоськин А.В., Мещерягина В.А., Фалькина Т.Ю., 2023

РФ, депутатов местных представительных органов. Правозащитные полномочия депутатов ограничиваются от правозащитных полномочий парламента. Обосновывается использование термина «правомочие» применительно к правозащитной деятельности депутатов. Вводится деление на индивидуальные и групповые правозащитные полномочия. Отмечается специфика правозащитных полномочий депутатов, обусловленная особенностями способов получения и содержания информации о нарушении прав и свобод граждан. Выявляется корреляция между способом избрания депутатов и их правозащитным потенциалом. Анализируются следующие правозащитные полномочия депутатов: инициирование судебных производств (в Конституционном Суде РФ и судах общей юрисдикции); направление депутатских обращений (запросов информации, депутатских запросов, требований устранить нарушения закона, прав и свобод граждан); посещение депутатом органов и организаций. Делаются выводы о неполноте правозащитных полномочий депутатов, несовершенстве правового механизма их реализации, отсутствии многих важных правозащитных полномочий у депутатов субъектов Федерации и особенно у депутатов муниципального уровня. В этой связи предлагаются некоторые новеллы: наделение федеральных парламентариев индивидуальным правомочием обращаться в Конституционный Суд РФ и аналогичным, но уже групповым правомочием депутатов уровня субъекта Федерации; наделение всех депутатов правом обращаться в суды общей юрисдикции в защиту прав и свобод граждан и организаций; унификация института депутатских обращений, в том числе обособление и конкретизация института требования депутата об устранении нарушения закона, субъективных прав и свобод; расширение числа организаций, доступных к посещению депутатами, за счет включения в их число учреждений и организаций, реализующих публично значимые функции.

Ключевые слова: депутат, правомочие, права человека, депутатский запрос, судебная защита, парламент, контроль, правозащитная деятельность

Human Rights Potential of Deputies in the Russian Federation

Alexander V. Savoskin

Ural State University of Economics

Ural State Law University

Yekaterinburg, Russia

E-mail: savoskinav@yandex.ru

Veronika A. Meshcheryagina

Ural State University of Economics

Yekaterinburg, Russia

E-mail: meshcheryagina@yandex.ru

Tatiana Yu. Falkina

Ural State University of Economics

Yekaterinburg, Russia

E-mail: f.t.u.81@mail.ru

Received 28.06.2022, revised 24.04.2023, accepted 27.04.2023

Abstract. This article analyzes the human rights competences of deputies of all levels of state authorities in the Russian Federation: federal parliamentarians (including senators), deputies of legislative (representative) authorities of subjects of the Russian Federation, and deputies of local representative bodies. The human rights competences of deputies are delimited from human rights powers of the Parliament. The article justifies the use of the term “competence” regarding the human rights activities of deputies. It introduces the division into individual and group human rights competences. The specifics of the human rights competences of deputies is noted, it is shown through the peculiarities of the methods to obtain and keep information about violations of rights and freedoms. The correlation between the method of electing deputies and their potential as human rights advocates is revealed. The following human rights competences of deputies are analyzed: initiating judicial proceedings (in the Constitutional Court of the Russian Federation and courts of general jurisdiction); sending deputy appeals (requests for information, deputy requests and demands to eliminate violations of the law, rights and freedoms of citizens); visiting bodies and organizations by a deputy. Conclusions are drawn about the incompleteness of the human rights competences of deputies, the imperfection of the legal mechanism for their implementation, the absence of many important human rights competences of deputies in the subjects of the Russian Federation and especially deputies of the municipal level. In this regard, some novelties are proposed: endowing federal parliamentarians with individual competence to appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation and the similar but already group competence of deputies at the level of the subject of the Russian Federation; endowing all deputies with the right to appeal to the courts of general jurisdiction to protect the rights and freedoms of citizens and organizations; unification of the institution of deputy appeals, including specification regulating the institution of the deputy’s claim to eliminate violations of the law, subjective rights and freedoms; expansion of the number of organizations available for deputies to visit by involving entities that implement publicly significant functions.

Keywords: deputy, competence, human rights, deputy inquiry, judicial protection, parliament, control, human rights activities

For citation: Savoskin A.V., Meshcheryagina V.A., Falkina T.Yu. Human Rights Potential of Deputies in the Russian Federation, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 97-120. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_97

Введение

Представительный орган (прежде всего, парламент) в качестве основной реализует нормотворческую (законотворческую) функцию. Помимо ключевой деятельности, он обязательно участвует в мониторинге соблюдения принимаемых им актов и контроле за иными органами власти (особенно в случае применения системы разделения властей). Этой проблематике в отечественной и зарубежной науке уделено большое внимание. Однако любой парламент, как и любое юридическое лицо, является юридической фикцией в том смысле, что представительный орган – это, прежде всего, депутатский корпус, а его деятельность – частично формализованная деятельность отдельных депутатов. И в данном контексте научных исследований значительно меньше. Еще слабее представлена проблематика возможностей

сенаторов¹ и депутатов по самостоятельной реализации контрольной или иной связанной с контролем деятельности, присущей представительной власти в целом, и совсем мало научных исследований их деятельности в отрыве от правотворческих функций, реализуемых в представительном органе. В этой связи ощущается необходимость научной оценки проблем реализации депутатами своего правозащитного потенциала в соответствующих организационно-правовых формах.

Важно учитывать, что парламент как высший представительный и законодательный орган не подменяет собой правоохранительные органы. Однако его статус обязательно предполагает наличие контрольной и вытекающей из нее правозащитной функции, что прямо подтверждают и поправки в Конституцию РФ 2020 г., например, ст. 103.1 о парламентском контроле².

Защита прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, безусловно, является одной из целей деятельности как представительного (законодательного) органа власти в целом, так и составляющих его депутатов. Данный вид правозащитной деятельности нормативно не обособлен в отличие, скажем, от специальных разновидностей контроля³. Законодательство, а вслед за ним и научные исследования фокусируют внимание на деятельности парламента, упуская из виду роль депутата как особого субъекта права, потенциал которого по защите субъективных прав и свобод остается малоизученным и недостаточно реализуемым на практике.

Между тем статус депутатов и факты многочисленных обращений к ним граждан за защитой субъективных прав наглядно доказывают востребованность их контрольной и, прежде всего, правозащитной деятельности. В рамках настоящей статьи делается акцент именно на правозащитной деятельности, которую можно рассматривать как составную часть контрольной деятельности. Отличие двух этих форм хотя и условно, но просматривается достаточно отчетливо. Если предполагаемым результатом контрольной деятельности является, прежде всего, абстрактное улучшение (сохранение качества) функционирования контролируемого субъекта, то в качестве результата правозащитной деятельности предполагается защита или восстановление нарушенных прав и свобод граждан или организаций.

¹ Сенаторы отсутствуют на иных уровнях власти, кроме федерального, не именуются депутатами и обладают несколько иной правой природой, нежели депутаты, однако их правозащитные полномочия практически идентичны полномочиям депутатов Государственной Думы, а потому было бы неверно исключать их из предмета настоящего исследования. Для удобства изложения и восприятия материала в статье будет использоваться термин «депутат», подразумевающий депутатов всех уровней власти и сенаторов Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 25.12.2022).

³ См., напр.: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ст. 8) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031> (дата обращения: 25.12.2022).

Безусловно, депутаты не относятся ни к правозащитным, ни тем более к правоохранительным органам. Но это не лишает их возможности использовать имеющиеся полномочия для защиты субъективных прав и свобод третьих лиц. Более того, депутатский статус предполагает возможность (но не обязанность в формально-юридическом смысле) действовать в интересах конкретных граждан и организаций.

Еще одна особенность правозащитной деятельности депутатов (в сравнении с контрольной) проявляется в порождающих ее юридических фактах. Таковыми являются обращения граждан (Остапович, Савоськин 2021). Без них депутат не только не узнает о нарушении прав, но и существенно ограничен в возможности предпринимать какие-либо действия в защиту конкретных граждан. Из этого правила, конечно, есть исключения (например, защита прав несовершеннолетних или иных лиц, находящихся в зависимом положении, или лиц, неспособных к самостоятельной защите своих прав в силу объективных причин), но они лишь подтверждают правило. При непосредственно контрольной деятельности депутат не связан поводами и основаниями к ее началу. Депутатский контроль может быть плановым или основываться на предполагаемом нарушении законодательства или прав граждан, может осуществляться по решению представительного органа или его части (например, по решению комитета или комиссии). Защита прав граждан в таком случае становится вторичным (побочным) результатом контрольной деятельности, а потому видится значительно менее эффективной.

Итак, предметом настоящего исследования станут возможности депутатов различных уровней власти реагировать на факты нарушения субъективных прав отдельных граждан и организаций в целях их защиты и восстановления (а не абстрактная деятельность по мониторингу режима законности и правопорядка).

Особенности правозащитной деятельности депутатов

Правозащитная деятельность депутатов обладает существенной спецификой, которую следует прокомментировать, прежде чем перейти к анализу конкретных полномочий депутатов по защите и восстановлению прав и свобод граждан.

Первая особенность связана со способом получения информации о факте нарушения прав и свобод. Источником информации в подавляющем числе случаев являются обращения граждан к самим депутатам, но не исчерпываются ими. Так, факт нарушения может быть выявлен депутатом в материалах средств массовой информации, может содержаться на персональных страницах граждан в социальных сетях или иным образом стать достоянием общественности. При этом потерпевшей стороной изложенный факт должен восприниматься именно как нарушение ее прав. Здесь уместна аналогия с делами частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве, по которым производство не может возбуждаться без соответствующего заявления гражданина (отличие только в том, что в рамках

уголовного процесса содержание и адресат такого заявления формализованы, а в рассматриваемых нами ситуациях – нет). Иными словами, первоисточником (юридическим фактом), запускающим применение депутатом своего правозащитного потенциала, является «публичное заявление» гражданина о нарушении его прав или свобод.

Столь широкая трактовка неслучайна. Более того, она является наиболее прогрессивной и полностью соответствует новейшему подходу к правозащитной деятельности, который реализуется в созданных в субъектах РФ центрах управления регионами (когда их сотрудники самостоятельно осуществляют в социальных сетях или иных интернет-страницах поиск фактов о нарушении прав граждан и информируют о них органы власти для принятия управленческих решений). Предлагаемый нами подход основывается на презумпции о том, что гражданин, не усматривающий факта нарушения своих прав и свобод, не будет писать об этом в социальных сетях и тем более официально в органы власти или депутатам.

Вторая особенность именно депутатской правозащитной деятельности (в отличие от смежной правоохранительной деятельности исполнительных органов власти) видится в том, что граждане обращаются к депутатам с просьбой защитить их от неправомерных (неэффективных, недобросовестных, несвоевременных и т.п.) действий или бездействия должностных лиц органов публичной власти. Иными словами, «виновником» нарушения своих прав граждане видят органы власти, а не частных субъектов права (других граждан или частные организации). Это справедливо и по отношению к ситуациям, когда первичное нарушение прав граждан было допущено частным субъектом права, а уполномоченные органы власти не приняли необходимых и достаточных мер для восстановления субъективных прав пострадавшей стороны. Очевидно, что в этой ситуации преимущественно исполнительные органы власти (в том числе правоохранительные) выступают первичным адресатом обращений граждан, а депутаты – последующим⁴.

В своем исследовании мы исходим из комплексного подхода и под правозащитной деятельностью депутата понимаем комплексный социально-правовой феномен, проявляющийся в деятельности отдельных депутатов или депутатских групп в связи с выявлением фактов нарушения субъективных прав, реальным восстановлением граждан в их правах и свободах, а также в связи с деятельностью депутатов по устранению негативных последствий, вызванных нарушением прав граждан.

В статье анализируется роль всего депутатского корпуса РФ в защите прав и свобод граждан. Вместе с тем следует отметить, что правозащитные полномочия муниципальных депутатов (в силу особенностей федерального правового регулирования и специфики мандата муниципального депутата)

⁴ Признавая некоторую условность подобной дифференциации причинителей вреда и соответствующих адресатов обращений, а потому неточность подобного разграничения, отметим, что на практике оно прослеживается достаточно отчетливо.

существенно ограничены. Признавая факт, что депутатов муниципального уровня нельзя отнести к числу парламентариев, и с учетом разницы в реальном объеме правозащитных полномочий, в целях удобства изложения и восприятия материала под термином «депутат» или «парламентарий» мы будем понимать всех членов федерального парламента, законодательных (представительных) органов власти субъекта РФ и депутатов местных представительных органов (если иное прямо не вытекает из контекста).

Защита прав и свобод человека предполагает разностороннюю деятельность, в которую включены все органы публичной власти и их должностные лица, в том числе депутаты как представители народа, что для цивилизованного общества является вполне разумным и приемлемым. Как справедливо отметил С.А. Авакьян, «депутаты, наделенные правом не только представлять народ (или население соответствующей территории), обязаны осуществлять иные функции» (Авакьян 2005: 381-382), в том числе по защите прав и свобод человека.

Общеизвестно, что депутаты действуют от имени избирателей, но принимают решения на основании внутреннего убеждения в той мере, в какой понимают и разделяют интересы населения, и так, как они считают нужным и возможным для себя действовать ради их удовлетворения. Важность наличия у депутатов правозащитных правомочий определяется тем, что эти правомочия оказываются делегированными разным народным избранникам, каждый из которых может отстаивать интересы различных социальных слоев и групп населения. Поэтому наличие даже небольшого числа «оппозиционных» или просто деятельных и совестливых депутатов, наделенных эффективными правозащитными правомочиями, позволяет сделать правозащитные процедуры вполне действенными.

Третья особенность обусловлена зависимостью эффективности правозащитной деятельности депутата от способа его избрания. Конкретный способ оказывает влияние на взаимодействие представителя власти со своим электоратом, определяет уровень его профессиональной заинтересованности в разрешении проблемных ситуаций. Кроме того, система избрания (пропорциональная или мажоритарная) косвенно определяет степень активности депутата в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Правовая природа пропорциональной системы связана с невозможностью избрания конкретного депутата из списка избирателей. Здесь уместно привести суждение К.М. Тахтарева, который еще в начале XX столетия писал, что «члены парламента... в большинстве случаев являются прямыми ставленниками политических влиятельнейших партий» (Тахтарев 1907: 32-33). Соответственно, при использовании пропорциональной избирательной системы можно констатировать существенное ослабление связи депутатов с избирателями и, как следствие, объективное снижение их заинтересованности в поддержке со стороны населения.

По мнению еще одного исследователя статуса депутата А.Т. Карасева, депутаты сами по себе являются субъектами представительного правления, но их роль в этом неодинакова. Так, если коллегия представительного

органа избрана по пропорциональной избирательной системе, то депутаты представляют интересы не всего электората, а являются выразителями воли только той части избирателей, которые проголосовали за списки партий, оказавшихся в парламенте (Карасев 2009: 34). Как точно отметил С.А. Авакьян, «вместо дополнения права избирателей иметь своего депутата правом на партийное политическое представительство произошла замена одного права другим» (Авакьян 2005: 393).

Нормативные правовые акты на федеральном уровне содержат обязанность депутата, избранного по партийным спискам, осуществлять взаимодействие с электоратом того округа, от которого он избран. Этой цели служит деление избирательного списка при выборах в Государственную Думу РФ на региональные подгруппы. Вместе с тем такое дробление на практике все равно не позволяет подавляющему большинству избирателей идентифицировать «своего» депутата в парламенте и не создает устойчивой связи между конкретным депутатом и избирателями.

В то же время пропорциональная избирательная система обладает очевидными преимуществами. Прежде всего, она позволяет избирателям опираться не только на депутатов, но и на политические партии, которые являются постоянно действующими социально-политическими институтами, цели деятельности которых не ограничиваются выдвижение кандидатов. К политическим функциям добавляются идеологические, воспитательные (Юдин 1998: 51-52) и иные, в том числе правозащитные. Неслучайно некоторые политические партии специально регламентируют процедуру получения и рассмотрения обращений граждан в своих локальных актах. Можно сказать, что правозащитный потенциал конкретного депутата многократно усиливается за счет депутатской фракции и политической партии, в которую он входит.

Применение мажоритарной избирательной системы создает иную, более тесную связь между депутатом и избравшим его населением. При таком способе выборов депутат напрямую заинтересован действовать в интересах населения, поскольку от его активности в известной мере зависит результат следующих выборов.

Таким образом мотивация депутатов, избранных по партийным спискам, к осуществлению правозащитной деятельности ниже в сравнении с депутатами, избираемыми по мажоритарной избирательной системе. В то же время правозащитные действия депутата, поддерживаемые партией и фракцией, будут эффективнее, нежели аналогичные действия «депутата-одиночки».

Приведенные выше тезисы следует учитывать при изучении правозащитных полномочий депутатов, поскольку их реализация является мерой возможного, но не обязанного поведения. Кроме того, важно помнить, что конкретный объем прав и обязанностей депутата, а также гарантий их осуществления зависит от объема депутатского конституционно-правового статуса, который, в свою очередь, определяется уровнем того представительного органа власти, в который входит депутат.

Правозащитные полномочия депутатов

Для системного изложения материала и упрощения его восприятия полномочия депутатов по защите прав и свобод граждан разделены нами на три группы: реализуемые исключительно большинством депутатского корпуса, то есть парламентом; реализуемые исключительно группой депутатов; реализуемые каждым депутатом в отдельности. При построении этой классификации мы использовали наработки диссертационного исследования Ю.В. Плюты, который организационно-правовые формы парламентского контроля подразделил на коллегиальные (инициируемые и реализуемые большинством представителей палаты) и индивидуальные (обеспечиваемые деятельностью отдельных парламентариев) (Плута 2012: 99).

В нашем исследовании используется термин «полномочие» депутата по защите прав и свобод человека (правозащитное «полномочие»), поскольку мы исходим из его особого правового положения. Уникальность депутатского статуса заключается в том, что народный избранник занимает условно промежуточное положение между гражданином и должностным лицом как представителем власти. При этом «рядовой» депутат больше тяготеет к статусу гражданина, нежели должностного лица. Этот тезис хорошо иллюстрирует ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵, согласно которой под должностным лицом органа местного самоуправления понимается лицо, обладающее исполнительно-распорядительными полномочиями и (или) полномочиями по организации деятельности органа.

На наш взгляд, употребление понятия «полномочие» по отношению к представителю законодательной ветви власти некорректно. Данный термин предусматривает как право, так и обязанность лица реализовывать нормативно определенные действия. Однако деятельность депутатов, связанная с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, является их правом, а не обязанностью. Также следует обратить внимание на то, что правозащитная деятельность депутатов не выступает для них основополагающей.

Использование словосочетания «право депутата» относительно его правозащитной деятельности также нежелательно, поскольку не соответствует публично-властному характеру статуса последнего. Учитывая особенности депутатского статуса и традиции его использования юридической наукой (Лазарев и др. 2005: 101), термин «права» уместнее использовать для обозначения норм, связанных непосредственно с социально-экономическими гарантиями деятельности депутата.

Соответственно, под полномочием депутатов по защите прав и свобод человека, на наш взгляд, следует понимать формально определенную меру возможного поведения, которая связана с целью обеспечения прав и свобод человека и гражданина на основе строго определенной законодательством процедуры. При этом правозащитные полномочия непосредственно

⁵ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035> (дата обращения: 25.12.2022).

депутатов следует отличать от схожих полномочий парламента, реализуемых исключительно большинством депутатского корпуса. Безусловно, парламента как государственного органа вполне может защищать права и свободы граждан посредством парламентарского контроля (реализуя его от имени всей палаты либо части), но такая правозащитная деятельность не тождественна правозащитной деятельности отдельных депутатов.

В качестве оснований, разграничивающих правозащитные полномочия конкретного депутата (или группы депутатов) и полномочия в этой сфере парламентарского корпуса, мы предлагаем выделять субъект и механизм реализации полномочия, а также нормативный способ его оформления.

Реализация депутатом его правозащитных полномочий обусловлена исключительно его волей (но, безусловно, при условии соблюдения порядка реализации соответствующего полномочия, если такой порядок нормативно предусмотрен). Иными словами, полномочие депутата по защите субъективных прав и свобод не требует чьего-либо одобрения, реализуется им самостоятельно. Коллегиальная форма реализации конкретного индивидуального полномочия не должна вводить исследователей в заблуждение. Так, например, при направлении запроса, подписанного группой депутатов, он, будучи формально групповым, остается индивидуальным депутатским полномочием, поскольку может быть подан без одобрения палаты, а отзыв подписи кем-либо из депутатов не прекращает его рассмотрение и не аннулирует его юридическую силу.

На реализацию же контрольного (правозащитного) полномочия парламента способно оказать влияние только решение всего депутатского корпуса. В данном случае мы видим, что осуществление полномочия парламента производится от имени всего законодательного органа власти путем голосования (без учета субъекта инициативы).

К числу полномочий представительного органа, которые потенциально можно признать правозащитными, следует отнести: парламентарский запрос; парламентарское расследование; приглашение должностных лиц для их заслушивания на заседании палаты или отдельного комитета (комиссии); проведение парламентарских слушаний; направление палатой обращения в Конституционный Суд РФ или суды общей юрисдикции.

Особый интерес для исследователей и последующего использования представляют полномочия депутатов, которые возможно реализовать только группой депутатов определенной численности. Зачастую такие полномочия носят незавершенный процессуальный характер, то есть предполагают начало процедуры реализации общепарламентарского полномочия, как это происходит, например, при выдвижении инициативы проведения федерального парламентарского расследования. Ключевой особенностью групповых правозащитных полномочий депутатов является то, что они реализуются без одобрения палаты, но при этом отдельно взятый депутат воспользоваться таким полномочием не может. Подобные полномочия целесообразно обособить и называть групповыми правозащитными полномочиями депутатов.

Исследование законодательства (как федерального, регионального, так и местного) доказывает, что реализация группового правозащитного правомочия допускается при согласии относительно небольшой части депутатского корпуса (обычно одна пятая или одна третья часть от общей численности коллегии), а потому применение таких правозащитных правомочий осуществимо силами парламентской оппозиции, то есть вопреки позиции правящего большинства.

Может показаться, что деление на групповые и индивидуальные правомочия депутатов достаточно условно, и отчасти это верно. Так, многие индивидуальные правозащитные правомочия могут быть реализованы группой депутатов (например, коллективный запрос в орган власти по факту нарушения прав и свобод граждан). Однако групповое правомочие может реализовать исключительно нормативно установленная часть депутатского корпуса.

Перечень основных правозащитных правомочий депутатов включает: исключительно коллективное правомочие и только федеральных парламентариев (депутатов Государственной Думы и сенаторов) направлять запросы в Конституционный Суд РФ; коллективное или индивидуальное правомочие направлять специальные внесудебные обращения (чаще всего депутатские запросы) в органы власти, а иногда и в иные организации; преимущественно индивидуальное правомочие направлять депутатские запросы и вопросы; индивидуальное правомочие требовать принятия мер по пресечению выявленного нарушения прав и свобод граждан; преимущественно коллективное правомочие инициировать парламентские запросы и парламентские расследования (проверки); индивидуальное или коллективное правомочие проведения депутатских проверок; индивидуальное правомочие посещать органы и организации (в том числе учреждения, исполняющие уголовные наказания, и места содержания под стражей) в целях выявления фактов нарушения прав и свобод граждан или обстоятельств и условий, способствовавших их совершению.

Важно подчеркнуть, что указанный перечень является совокупным для федеральных парламентариев и депутатов законодательных (представительных) органов власти субъектов РФ. Набор соответствующих полномочий достаточно разнороден в субъектах Федерации и совсем мало применим к муниципальным депутатам. Однако основные формы и общий вектор потенциальной правозащитной деятельности депутатов он демонстрирует отчетливо.

Современный депутат, будучи представителем народа, обладает достаточно большим набором правозащитных правомочий. При этом единство правового статуса депутатов представительных органов власти обеспечивается за счет их одинаковой представительной природы, а не посредством рамочного федерального регулирования. Это позволяет законодателям субъектов Федерации внедрять отдельные правоохранительные правомочия депутатов, неизвестные федеральному законодательству и федеральной практике. Часть таких правомочий представляет значительный интерес не только для ученых, стремящихся представить наиболее объективную

и полную картину исследуемого явления, но и для депутатов различных уровней, заинтересованных в максимально возможной реализации своего мандата.

Правозащитные полномочия депутатов при взаимодействии с органами судебной власти. Судебная власть является ветвью государственной власти, непосредственно обеспечивающей режим законности и правопорядка. Неслучайно, несмотря на споры о системе правоохранительных органов в России, учебная дисциплина «Правоохранительные органы» всегда включает широкую и подробную характеристику судов (Гуськова, Шамардин 2005; Дмитриев, Шапкин, Шумилов 2009). С одной стороны, обращение в суд – самый эффективный и действенный способ разрешения юридических споров, с другой – единственно возможный в отдельных случаях путь разрешения юридически значимой ситуации.

В настоящее время законодательство выделяет единственное полномочие по защите прав граждан депутатами в судах – коллективное полномочие на направление запроса в Конституционный Суд РФ⁶. Вместе с тем с позиции доктрины и в целях совершенствования законодательства в настоящей работе будет рассмотрен вопрос о предоставлении депутатам полномочия по обращению в суды общей юрисдикции с заявлениями о защите прав и законных интересов граждан.

С.В. Слюсенко характеризует право депутатов обращаться в суд «как юридически обеспеченную возможность от имени народа и в его интересах участвовать в инициировании надлежащей процедуры рассмотрения вопроса о том, является ли принятый государственный нормоустанавливающий акт соответствующим положениям основного закона или, напротив, противоречит ему и потому подлежит отмене» (Слюсенко 2005: 26).

Мы придерживаемся такого же подхода. При этом заметим, что право депутатов на конституционный запрос (в том числе в порядке абстрактного нормоконтроля по запросу единственного депутата) известно зарубежной конституционной практике. В частности, оно предусмотрено в Молдове⁷ и Таджикистане⁸. Конституция РФ, установившая статус депутата, включила в него и полномочия по инициированию конституционно-судебного контроля вне связи с конкретным делом, так называемый абстрактный нормоконтроль (Сергевнин 2009).

На современном этапе представители законодательной ветви власти не имеют персонального права на обращение в Конституционный Суд РФ,

⁶ До 2021 г. такое полномочие имелось и при направлении депутатами соответствующих обращений в конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

⁷ Закон Республики Молдова от 13 декабря 1994 г. № 317-XIII «О Конституционном Суде» (п. г ст. 25) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3499 (дата обращения: 25.12.2022).

⁸ Конституционный закон Республики Таджикистан от 26 июня 2014 г. № 1083 «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» (абз. 3 ст. 40) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=69758 (дата обращения: 25.12.2022).

которое связано с запросом о проверке того или иного нормативного правового акта в порядке абстрактного нормоконтроля. Вместе с тем юридическая наука не возражает против наделения депутата соответствующим правомочием, тем более что буквальное толкование ч. 2 ст. 125 Конституции РФ формально этого не исключает (если понимать фразу «одна пятая» только применительно к сенаторам и не экстраполировать ее на депутатов Государственной Думы). По нашему мнению, признание за каждым федеральным парламентарием индивидуального правомочия обращаться в Конституционный Суд РФ является действием, соответствующим Конституции. При этом такое действие не обладает качеством избыточности правового регулирования и не влечет увеличение бюрократической нагрузки на конституционную судебную систему.

На основе вышеизложенного можно выделить три способа создания нормативной правовой базы в отношении индивидуального правомочия депутатов на федеральном уровне направлять запросы в Конституционный Суд РФ в порядке абстрактного нормоконтроля. Первый (наименее вероятный) – внесение изменений в Конституцию РФ. Второй (маловероятный) – принятие соответствующего решения Конституционного Суда РФ об официальном толковании Конституции РФ. Третий – внесение дополнений в Федеральный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁹.

Практика направления запросов депутатами Государственной Думы в Конституционный Суд РФ наглядно свидетельствует о востребованности данного правозащитного правомочия. Безусловно, оно не является для федеральных парламентариев систематически используемым, однако позволяет им реализовывать свой правозащитный потенциал. Следует напомнить, что решения Конституционного Суда де-юре и де-факто имеют прецедентную правовую природу. При этом они связаны с определением прав и свобод широкого круга граждан и организаций. В связи с этим необходимо отметить, что правозащитное правомочие депутатов напрямую отражает их правовой статус в качестве народных представителей.

Стоит ли предоставлять право конституционного запроса депутатам уровня субъекта РФ и муниципальных образований? С учетом компетенции Конституционного Суда по проверке конституционности актов субъектов Федерации (п. 6 ч. 2 ст. 125 Конституции РФ), закрепление соответствующего правомочия региональных депутатов выглядит вполне логичным. Думается, что оптимальным будет как раз коллегиальный способ его реализации (например, по запросу одной пятой или одной четвертой от числа депутатского корпуса палаты). Наделение же правом конституционного запроса муниципальных депутатов представляется избыточным, особенно с учетом преимущественно непрофессионального характера их работы.

Обращение депутатов (в том числе федеральных парламентариев) в иные суды в защиту граждан и организаций крайне затруднено. Несмотря

⁹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6650> (дата обращения: 25.12.2022).

на то, что ст. 40 Кодекса административного судопроизводства РФ¹⁰ и ст. 46 Гражданского процессуального кодекса РФ¹¹ содержат нормы о праве *любого* органа государственной власти, органа местного самоуправления, организации или гражданина обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, эти нормы не дают депутатам права обращаться в суд. В обоих кодексах оговаривается, что ситуация, в которой субъект вправе обратиться в суд, должна быть предусмотрена федеральным законом. В отношении депутатов таких законов нет.

Более того, судебная практика характеризуется тем, что отказывает законодателям в реализации их права на обращение в судебный орган в целях защиты прав и свобод человека в отношении неопределенного круга лиц¹². К сожалению, конституционно-правые исследования последних лет также отказывают депутатам в праве на обращение в суд в защиту интересов избирателей (Пожарская 2021).

Вместе с тем законодательство наделяет других должностных лиц правом обращаться в суд в защиту граждан, и наиболее широко оно сформулировано применительно к омбудсменам (ст. 40 Кодекса административного судопроизводства РФ). Такой подход представляется вполне оправданным и не вызывает возражений. Вместе с тем, учитывая представительную природу депутатского мандата, а также практику обращений граждан к депутатам при отстаивании ими своих прав, целесообразно аналогичное правомочие закрепить за депутатами всех законодательных органов. Наделение таким правом депутатов местных представительных органов представляется нецелесообразным, так как почти все они работают на непрофессиональной, неосвобожденной основе и объективно лишены возможности эффективно отстаивать права граждан в суде.

На основании вышеизложенного и в целях предоставления максимально широкой возможности депутату пользоваться судебным механизмом защиты прав граждан, мы предлагаем дополнить гражданский и административный процессуальные кодексы нормой о праве депутатов обращаться с исковыми заявлениями в защиту прав, свобод и законных интересов отдельных граждан и в защиту неопределенного круга лиц. Подчеркнем, что, в отличие от правомочия по обращению в Конституционный Суд РФ, право на обращение в суды общей юрисдикции целесообразно предоста-

¹⁰ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (дата обращения: 25.12.2022).

¹¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (дата обращения: 25.12.2022).

¹² Определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 14-Г03-9 // Судебная система Российской Федерации. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_27335.htm (дата обращения: 25.12.2022).

вить каждому депутату в отдельности. Предоставление депутатам правомочия обращаться в арбитражные суды (по аналогии с прокурорами) видится излишним и нецелесообразным.

Также следует отметить, что право депутатов обращаться в суд в защиту прав и свобод граждан желательно сформулировать максимально широко, позволив народным избранникам делать это как по просьбе граждан, так и по собственной инициативе, причем в защиту интересов не только последних, но и интересов РФ, субъектов Федерации, муниципальных образований. При этом если для прокуратуры полномочие обращаться в суд является обязанностью¹³, то для депутатов такая возможность должна оставаться правом. Представляется, что обращение депутата в суд общей юрисдикции в защиту прав граждан будет способствовать более качественному и объективному рассмотрению дел, сокращению сроков их рассмотрения, более ответственному поведению участников судебного процесса. Все это скажется на качестве итогового решения суда и эффективности его исполнения, а в конечном счете – на эффективности защиты прав и свобод граждан.

Предлагаемое дополнение процессуальных кодексов влечет создание факультативного механизма помощи и содействия в судебной защите гражданам, которые не в состоянии осуществить ее самостоятельно. Обращаясь в суд в защиту третьих лиц, депутаты не имеют субъективного интереса в исходе дела. Сугубо формально они действуют от своего имени, но с учетом природы депутатского мандата от имени избравшего их народа, поэтому столь широкие правомочия в отношении судебных дел представляются оправданными.

Институт обращений – еще одно универсальное правозащитное правомочие депутатов. Его особенность заключается в том, что он представлен в законодательстве о статусе депутатов достаточно вариативно (особенно на уровне субъектов РФ). Так, Федеральный закон «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹⁴ отдельно выделяет такие виды обращений федеральных парламентариев, как депутатский запрос (подп. е п. 1 ст. 7 и ст. 14), депутатский вопрос (подп. ж п. 1 ст. 7 и п. 2 ст. 15), обращение к соответствующим должностным лицам с требованием принять меры по немедленному пресечению обнаружившегося нарушения прав граждан (подп. з п. 1 ст. 7) и иные обращения (п. 2 ст. 17). При этом подзаконные акты перечень не расширяют, а лишь уточняют порядок реализации соответствующих правомочий (например, ст. 7.15–7.17 Порядка рассмотрения

¹³ Приказ Генпрокуратуры Российской Федерации от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://egrp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=58004638> (дата обращения: 25.12.2022).

¹⁴ Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6032> (дата обращения: 25.12.2022).

парламентских запросов, запросов и обращений членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы¹⁵).

Нормативные правовые акты субъектов РФ регламентируют депутатские обращения более широко, однако какая-либо общероссийская или научно обоснованная концепция при этом отсутствует. Большинство субъектов Федерации, по аналогии с федеральным законодателем, правомочие по направлению обращений особо не выделяют. Зачастую законы прямо не указывают на правомочие депутатов направлять обращения, а подразумевают его. Реже встречается ситуация, когда, например, правомочию депутатского запроса (всего лишь одной разновидности депутатских обращений) посвящают отдельный закон. В качестве примера приведем Закон г. Москвы «О порядке внесения и рассмотрения депутатского запроса»¹⁶.

Муниципальные депутаты не наделяются федеральным законодательством специальным правом подавать обращения от своего имени. Нечасто это право содержится и в законах субъектов РФ, принимаемых в развитие ч. 5.1 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», но достаточно часто встречается в уставах муниципальных образований или решениях местных представительных органов (хотя устанавливаемый порядок реагирования на такие обращения ничем не отличается от рассмотрения обращений граждан).

Нет единства подходов к наполнению содержания понятия «обращение депутата» и в конституционной науке. Так, Л.А. Нудненко пишет, что «по своим свойствам депутатский запрос есть полномочие, которое ранее именовалось депутатским обращением» (Нудненко 2004: 137). В.С. Основин и С.А. Авакьян полагают, что депутатский запрос следует отличать от иных видов депутатских обращений (Основин 1957: 12-13; Авакьян 1991: 119, 123).

Мы предлагаем комплексно исследовать правомочие направлять обращения, поскольку это предполагает право депутата подавать любые нормативно предусмотренные для него разновидности обращений, при условии, что они преследуют цель защиты прав и свобод граждан и организаций. Проведенный анализ актов о статусе депутатов позволяет говорить о таких видах обращений, используемых для защиты прав и свобод граждан, как запрос информации депутатом, депутатский запрос (как правило, более значимая разновидность депутатских обращений), требование устранить нарушение законодательства, прав и свобод граждан.

Анализ законов показывает, что депутаты наделяются правомочием направлять свои обращения достаточно большому числу должностных лиц,

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2005 г. № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/53023/> (дата обращения: 25.12.2022).

¹⁶ Закон г. Москвы от 22 ноября 1995 г. № 24 «О порядке внесения и рассмотрения депутатского запроса» // Московская городская Дума. URL: https://duma.mos.ru/ru/38/adopted_documents/corebofs002080000lrn7fvq5ka5rss0 (дата обращения: 25.12.2022).

что зачастую позволяет им взаимодействовать не только с органами власти и их должностными лицами, но и с учреждениями, предприятиями и другими организациями, в том числе частными. В то же время имеют место ограничения в правомочии депутатов направлять те или иные обращения. К таковым, в частности, относятся: запрет на внедрение в работу правоохранительных органов (оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и т.п.); ограничение на доступ к сведениям, отнесенным к какому-либо виду тайны. При этом депутат может обращаться в правоохранительные органы, но полноценные ответы на поставленные в запросе вопросы могут быть получены не всегда.

Срок рассмотрения обращений варьируется в субъектах Федерации: от 3 календарных дней в Волгоградской области, 7 рабочих дней в Санкт-Петербурге, 15 календарных дней в Москве до 30 календарных дней, например, в Новгородской области. При этом, как правило, ответ на обращение депутата может быть получен и в иной временной промежуток, согласованный с обращающимся субъектом.

Правомочие направления депутатского запроса обладает особой правовой природой. Об этом свидетельствует, в частности, название ст. 11 «Обращение депутата Думы автономного округа, не имеющее статуса депутатского запроса» Закона «О статусе депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»¹⁷. Ученые обращают внимание на тот факт, что существует необходимость разграничения депутатских запросов и иных обращений депутатов (Карасев 2009: 81).

Нормативно-правовая основа правомочия депутатского запроса в ряде субъектов определяется принятием специальных законов. В их числе можно отметить законы городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Алтай и Карачаево-Черкесской Республики.

Специфика запросов депутатов заключается в том, что их дополнительная регламентация может не только усиливать правозащитный потенциал депутата, но и ограничивать его. Традиционно лимитируется число адресатов. Так, в Санкт-Петербурге это только губернатор. Встречаются ограничения по тематике (содержанию) запроса, например, оговаривается, что он должен касаться исключительно вопросов, которые являются особо актуальными, имеют жизненно важное значение для населения региона и т.п.

Исходя из анализа законодательства на уровне субъектов Федерации, можно сделать вывод, что в нем представлены два основных вида депутатских запросов: 1) индивидуальный депутатский запрос, осуществляемый депутатом самостоятельно; 2) квазипарламентский запрос, который хотя и именуется в актах депутатским, но фактически реализуется только палатой

¹⁷ Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 3 мая 2000 г. № 19-оз «О статусе депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» // Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: URL: <https://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=7068> (дата обращения: 25.12.2022).

(то есть депутатским запросом называется лишь формально, но не является таковым на практике). Юридическая сила такого запроса возникает только после принятия представительным (законодательным) органом соответствующего решения (Карасев, Савоськин 2018).

Отметим, что если в законе субъекта РФ установлен квазипарламентский запрос депутата, то институт парламентского запроса, как правило, отсутствует. И наоборот, если законодатель субъекта предоставляет депутату правомочие индивидуального запроса, то право парламентского запроса сохраняет за палатой. Иное правовое регулирование встречается в 14 субъектах РФ (городе федерального значения Москве, Амурской, Кемеровской, Псковской, Ростовской, Свердловской, Смоленской областях, республиках Башкортостан, Бурятия, Коми, Чечня, Кабардино-Балкария, Красноярском и Пермском краях). Их законы включают только индивидуальное правомочие депутатского запроса (без парламентского).

Перспективной формой реализации индивидуального депутатского запроса является механизм его внесения в городе Москве. Такой запрос (в отличие от обычных депутатских обращений) применяется лишь тогда, когда иным способом депутат не смог получить необходимую информацию. Процедура выглядит следующим образом: депутат рассылает запрос другим депутатам представительного органа; оглашает на заседании информацию о факте направления запроса и его содержании; направляет запрос со всеми реквизитами, за своей подписью и от своего имени, но с пометкой: «Запрос сделан на заседании Московской городской Думы (число, месяц, год)».

Таким образом, в Москве избрана альтернативная (и крайне перспективная) форма реализации правомочия по направлению депутатских запросов. Ее преимущества очевидны. Такой запрос, во-первых, сохраняет оперативность индивидуального депутатского запроса. Во-вторых, он перестает быть кулуарным орудием лоббирования и способом злоупотребления правом. В-третьих, становится более результативным в силу общественной огласки. Думается, что такой подход наиболее взвешен и может быть использован как в других субъектах РФ, так и применительно к запросам федеральных парламентариев.

Требование депутата устранить нарушения закона и восстановить права и свободы граждан представлено лишь в 17 субъектах РФ. Большинство (вслед за федеральным законодателем) лишь декларируют это правомочие, называя его в числе форм депутатской деятельности. Законы всего 10 субъектов Федерации содержат механизм (зачастую усеченный) реализации правомочия. Редкость данного правомочия, скорее всего, является следствием его крайне недостаточного регулирования в законе о статусе федеральных парламентариев. В контексте темы нашего исследования анализируемый вид обращений видится перспективным, поскольку направлен непосредственно на защиту прав и свобод граждан.

Несомненно, следует учесть, что требование депутата должно корреспондировать с обязанностью должностных лиц. Депутат требует навести порядок и принять меры по обеспечению прав и свобод челове-

ка и гражданина, а должностное лицо обязуется осуществить меры по выявлению допущенных нарушений с последующим восстановлением граждан в их правах. Также механизм реагирования на такого рода требование должен включать обязательное информирование депутата о принятых мерах, в том числе фактах привлечения виновных лиц к ответственности. Целесообразно предоставить это правомочие депутатам всех уровней власти.

Приведенные выше правозащитные правомочия по направлению различных видов обращений являются универсальным механизмом реализации депутатами своих правозащитных функций. Законы субъектов РФ не акцентируют внимание на их правозащитном потенциале, что, однако, не мешает применять их для защиты прав и свобод граждан. Препятствием является, скорее, само законодательство (прежде всего, региональное) о депутатских обращениях.

Здесь можно констатировать множественные различия в правовой природе запросов и других обращений депутатов. В частности, необходимо конкретизировать их цели, меры реагирования на них. Отсутствие четко определенной цели направления тех или иных видов обращений депутатов является одним из существенных недостатков правового регулирования и препятствием к эффективной защите прав и свобод граждан. Например, депутатский запрос может иметь целью сбор информации, привлечение внимания к какой-либо проблеме, непосредственное пресечение противоправной деятельности или нарушения прав граждан. Суть и назначение таких обращений принципиально различны, а форма зачастую одна.

Общей проблемой реализации исследованных правомочий (за исключением, пожалуй, правомочия по направлению депутатского запроса) является отсутствие механизма их реализации и мер ответственности должностных лиц за ненадлежащее реагирование на требования депутата.

Законодателям всех субъектов РФ следует установить отдельные нормы, регламентирующие порядок рассмотрения обращений депутата, как это сделано, например, в Красноярском крае, Омской и Брянской областях, Республике Марий Эл. Также целесообразно расширить правомочие депутата направлять обращения за счет увеличения числа адресатов. Помимо устоявшихся органов государственной власти и местного самоуправления, необходимо включить государственные учреждения, учреждения на муниципальном уровне. Целесообразно включить организации, которые основаны на осуществлении правомочий публичного характера.

Интерес представляют права и обязанности представителей законодательной ветви власти, связанные с правомочием депутата посещать органы и организации. Оно характерно для всех депутатов независимо от уровня власти. Депутаты на федеральном уровне реализуют данные функции, основываясь на нормах соответствующего законодательства. Депутаты субъектов РФ и муниципальных образований – на основе законов субъектов РФ (о статусе регионального депутата и дополнительных гарантиях депутатам местного самоуправления соответственно).

Если строго следовать норме федерального закона, то перечень организаций, которые правомочен посетить депутат Государственной Думы или сенатор строго определен. Это означает, что представитель законодательной власти не может посетить организации и объекты, принадлежащие частным лицам и другим субъектам. По мнению А.Н. Королева и О.В. Плешаковой, такое посещение должно быть осуществлено с целью реализации депутатами своей профессиональной деятельности (Королев, Плешакова 2008: 35). Однако в реальности, как отмечают ученые, такие ограничивающие меры не соблюдаются (Григорьева 2014).

На уровне субъектов РФ создаются нормы права, которые разрешают депутатам посещать государственные и иные органы, различные организации. Эти нормы соответствуют федеральному законодательству, имея в то же время свои особенности. Так, например, в нормативных правовых актах о статусе депутатов в Кемеровской, Рязанской, Свердловской и Ярославской областях отсутствуют правовые предписания, позволяющие посещение депутатами каких-либо органов и организаций. Еще одна особенность норм на региональном уровне заключается в том, что зачастую они содержат различные перечни органов и организаций, которые подлежат посещению депутатами.

Многие субъекты РФ основывались в данном вопросе на нормах федерального законодательства, наделив депутатов правом беспрепятственно посещать органы государственной власти субъекта и иные государственные органы субъекта, органы местного самоуправления, присутствовать на заседаниях их коллегиальных органов, а также посещать организации, полностью или частично финансируемые из регионального бюджета либо имеющие льготы по уплате налогов и сборов, предоставление льгот по которым находится в компетенции субъекта, либо имеющие в качестве учредителей органы государственной власти субъекта РФ¹⁸.

Другие субъекты РФ расширяют это правомочие. Например, депутаты Московской городской Думы по предъявлении депутатского удостоверения имеют право беспрепятственно посещать территориальные органы федеральных органов исполнительной власти по городу Москве, органы исполнительной власти и иные государственные органы города Москвы, органы местного самоуправления, присутствовать на заседаниях и совещаниях их коллегиальных органов, информация о которых официально распространена, беспрепятственно посещать находящиеся или зарегистрированные на территории Москвы организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, а также дислоцирующиеся на территории города воинские части, соединения, военные

¹⁸ См., напр.: Закон Челябинской области от 28 февраля 2006 г. № 4-30 «О статусе депутата Законодательного Собрания Челябинской области» (п. 2 ст. 4) // Законодательное Собрание Челябинской области. URL: <https://zs74.ru/zakon-o-statuse-deputata-zakonodatelnogo-sobraniya-chelyabinskoy-oblasti> (дата обращения: 25.12.2022).

учреждения и военно-учебные заведения¹⁹. Иными словами, депутатам предоставлено право посещать любые органы (кроме общефедеральных) и организации, если они расположены в Москве, что представляется избыточным.

На основании изложенного можно рекомендовать региональному законодателю сохранять логику федерального законодателя о субъектах права, подлежащих посещению. При этом целесообразно установить универсальное право всех депутатов (в том числе федеральных) посещать частные организации, если они учреждены государственными или муниципальными органами, реализуют публично значимые функции или финансируются за счет государственного или муниципального бюджета.

Заключение

Приведенный в исследовании перечень правомочий депутата по инициированию судебных производств (в Конституционном Суде РФ и судах общей юрисдикции), направлению депутатских обращений (запросов депутатов, в том числе запросов информации, депутатских требований устранить нарушения законодательства, прав и свобод граждан), а также по посещению органов и организаций (если последние реализуют публично значимые функции) является, на наш взгляд, обоснованным, необходимым и достаточным для депутатов всех уровней государственной власти. Только обладание всеми этими правомочиями позволяет депутату в полной мере реализовывать свой правозащитный потенциал, эффективно защищать права и свободы граждан, реализуя представительную природу депутатского мандата вне представительного органа. Однако практическая реализация правозащитных правомочий депутатами регионального и особенно местного уровней власти, как правило, ограничена и напрямую зависит от качества законодательства субъекта РФ. Поэтому надлежит не только скорректировать законы о статусе депутатов уровня субъекта Федерации, но и законы о дополнительных гарантиях деятельности муниципальных депутатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авакьян С.А. 1991. Депутат: статус и деятельность. Москва : Политиздат. 287 с.
Авакьян С.А. 2005. Конституционное право России : в 2 т. Т. 2. Москва : Юристъ. 719 с.
Гранкин И.В. 2001. Парламент России. Москва : Издательство гуманитарной литературы. 368 с.
Григорьева Е.А. 2014. Комментарий к Федеральному закону от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы

¹⁹ Закон города Москвы от 13 июля 1994 г. № 14-60 «О статусе депутата Московской городской Думы (п. 3 ст. 12) // Московская городская Дума. URL: https://duma.mos.ru/ru/38/adopted_documents/corebofs002080000lrn7bo089vdkj2k (дата обращения: 25.12.2022).

- Федерального Собрания Российской Федерации» (постатейный) // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/57569539/> (дата обращения: 25.12.2022).
- Гуськова А.П., Шамардин А.А. 2005. Правоохранительные органы (судоустройство). Москва : Юрист. 384 с.
- Дмитриев Ю.А., Шапкин М.А., Шумилов Ю.И. 2009. Правоохранительные органы Российской Федерации. Москва : Омега-Л. 381 с.
- Карасев А.Т. 2009. Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование). Екатеринбург : [б. и.]. 276 с.
- Карасев А.Т., Савоськин А.В. 2018. Депутатский запрос как вид обращения депутатов субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. № 3. С. 52-60.
- Королев А.Н., Плешакова О.В. 2008. Комментарий к Федеральному закону «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (постатейный). Москва : Юстицинформ. 224 с.
- Лазарев Л.В. и др. 2005. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев, Т.Г. Морщакова, Б.А. Страшун и др. Москва : Институт права и публичной политики. 670 с.
- Нудненко Л.А. 2004. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс. 473 с.
- Основин В.С. 1957. Право запроса депутатов местных Советов. Москва : Госюриздат. 29 с.
- Остапович И.Ю., Савоськин А.В. 2021. О понятии конституционно-правовой категории «обращение гражданина» // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. № 462. С. 248-255. DOI 10.17223/15617793/462/30
- Плюта Ю.В. 2012. Конституционно-правовые основы парламентского контроля в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 233 с.
- Пожарская Т.Р. 2021. Предмет защиты при реализации органами публичной власти конституционного права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессах // Вестник Уральского юридического института МВД России. № 3. С. 131-134.
- Пожарская Т.Р. Публичный интерес как одно из оснований обращения органов публичной власти в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц // Материалы VI Уральского Форума конституционалистов / отв. ред. М.С. Саликов. Ч. 1. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 187-194.
- Сергевнин С.Л. 2009. Конституционный нормоконтроль и отдельные общетеоретические проблемы судебного нормотворчества // История государства и права. № 22. С. 6-11.
- Слюсенько С.В. 2005. Компетенция Конституционного Суда Приднестровской Молдавской Республики по делам о проверке конституционности правовых актов в порядке абстрактного конституционного контроля // Некоторые аспекты конституционной юстиции. Тирасполь. С. 21-31.
- Тахтарев К.М. 1907. От представительства к народовластию. Санкт-Петербург : Библиотека обществознания. 228 с.
- Юдин Ю.А. 1998. Политические партии и право в современном государстве. Москва : Форум : ИНФРА-М. 284 с.

References

Avakyan S.A. *Constitutional Law of Russia: in two volumes, vol. 2*, Moscow, Yurist, 2005, 719 p. (In Russ.).

Avakyan S.A. *Deputy: Status and Activity*, Moscow, Politizdat, 1991, 287 p. (In Russ.).
Dmitriev Yu.A., Shapkin M.A., Shumilov Yu.I. *Law Enforcement Agencies of the Russian Federation*, Moscow, Omega-L, 2009, 381 p. (In Russ.).

Grankin I.V. *Parliament of Russia*, Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2001, 368 p. (In Russ.).

Grigoryeva E.A. Commentary to the Federal Law of May 8, 1994 No. 3-FZ "On the Status of a Member of the Federation Council and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation", *The GARANT System*, available at: <https://base.garant.ru/57569539/> (accessed December 25, 2022). (In Russ.).

Guskova A.P., Shamardin A.A. *Law Enforcement Agencies (Judicial System)*, Moscow, Yurist, 2005, 384 p. (In Russ.).

Karasev A.T. *Deputies in the System of Representative Power (Constitutional and Legal Research)*, Yekaterinburg, 2009, 276 p. (In Russ.).

Karasev A.T., Savoskin A.V. Deputy Request as a Type of Appeal of Deputies of the Subjects of the Russian Federation, *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2018, no. 3, pp. 52-60. (In Russ.).

Korolev A.N., Pleshakova O.V. *Commentary on the Federal Law "On the Status of a Member of the Federation Council and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" (article-by-article)*, Moscow, Yusticinform, 2008, 224 p. (In Russ.).

Lazarev L.V., Morshakova T.G., Strashun B.A. et al. *The Constitution of the Russian Federation in the Decisions of the Constitutional Court of Russia*, Moscow, Institut prava i publichnoj politiki, 2005, 670 p. (In Russ.).

Nudnenko L.A. *Constitutional and Legal Status of a Deputy of the Legislative Body of State Power in the Russian Federation*, Yuridicheskij centr Press, 2004, 473 p. (In Russ.).

Osnovin V.S. *The Right to Request Deputies of Local Councils*, Moscow, Gosyurizdat, 1957, 29 p. (In Russ.).

Ostapovich I.Yu., Savoskin A.V. On the Concept of the Constitutional and Legal Category "Citizen's Appeal", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Tomsk State University Journal of Law], 2021, no. 462, pp. 248-255. (In Russ.). DOI 10.17223/15617793/462/30

Pluta Yu.V. *Constitutional and Legal Foundations of Parliamentary Control in the Russian Federation: PhD Thesis*, Chelyabinsk, 2012, 233 p. (In Russ.).

Pozharskaya T.R. Public Interest as One of the Grounds for the Appeal of Public Authorities to the Court in Defense of the Rights, Freedoms and Legitimate Interests of Other Persons, *Salikov M.S. (ed.) Ural Forum of Constitutionalists, part 1*, Yekaterinburg, Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2021, pp. 187-194. (In Russ.).

Pozharskaya T.R. Subject of Protection in the Exercise by Public Authorities of the Constitutional Right to Judicial Protection in Civil and Arbitration Proceedings, *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 3, pp. 131-134. (In Russ.).

Sergevnin S.L. Constitutional Norm Control and Certain General Theoretical Issues of Judicial Rulemaking, *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and Law], 2009, no. 22, pp. 6-11. (In Russ.).

Slyusenko S.V. Competence of the Constitutional Court of the Pridnestrovian Moldavian Republic in Cases of Checking the Constitutionality of Legal Acts in the Order of Abstract Constitutional Control, *Some Aspects of Constitutional Justice*, Tiraspol, 2005, pp. 26-30. (In Russ.).

Takhtarev K.M. *From Representation to Democracy*, Saint Petersburg, Biblioteka obshhestvoznaniya, 1907, 228 p. (In Russ.).

Yudin Yu.A. *Political Parties and Law in the Modern State*, Moscow, Forum & INFRA-M., 1998, 284 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Владимирович Савоськин

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета; профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия; ORCID: 0000-0002-7112-6845; ResearcherID: AAT-1339-2020; Scopus AuthorID: 57221672430; SPIN-код: 9572-0502; E-mail: savoskinav@yandex.ru

Вероника Александровна Мещерягина

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия; ORCID: 0000-0001-9507-9417; ResearcherID: ACN-4628-2022; Scopus AuthorID: 57221674244; SPIN-код: 5642-0620; E-mail: metssheryagina@yandex.ru

Татьяна Юрьевна Фалькина

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия; ORCID: 0009-0005-8958-7358; ResearcherID: MKC-2159-2023; Scopus AuthorID: 58040887300; SPIN-код: 9856-2828; E-mail: f.t.u.81@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Savoskin

Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics; Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia; ORCID: 0000-0002-7112-6845; ResearcherID: AAT-1339-2020; Scopus AuthorID: 57221672430; SPIN-code: 9572-0502; E-mail: savoskinav@yandex.ru

Veronika A. Meshcheryagina

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia; ORCID: 0000-0001-9507-9417; ResearcherID: ACN-4628-2022; Scopus AuthorID: 57221674244; SPIN-code: 5642-0620; E-mail: metssheryagina@yandex.ru

Tatiana Yu. Falkina

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia; ORCID: 0009-0005-8958-7358; ResearcherID: MKC-2159-2023; Scopus AuthorID: 58040887300; SPIN-code: 9856-2828; E-mail: f.t.u.81@mail.ru

Комлев Е.Ю. Ответственность представительного органа муниципального образования: концептуальный подход // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 121-145. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_121

УДК 342.55

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_121

Ответственность представительного органа муниципального образования: концептуальный подход

Евгений Юрьевич Комлев

Российский университет дружбы народов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия

E-mail: komleve@mail.ru

Поступила в редакцию 05.04.2022, поступила после рецензирования 01.02.2023, принята к публикации 19.05.2023

Статус муниципальной власти как особой разновидности публичной власти актуализирует вопрос о формировании научной концепции муниципально-правовой ответственности. Такая концепция должна носить комплексный характер: учитывать особенности муниципальных правоотношений, динамику законодательного регулирования института местного самоуправления, правоприменительную практику, статус и функции органов местного самоуправления. Рассмотрению этих вопросов посвящена настоящая статья. Методологическую основу исследования составляет широкий спектр общенаучных и специальных методов с превалярованием системного подхода, формально-юридического метода и методов толкования правовых норм. На этой основе формулируются сущностные характеристики муниципально-правовой ответственности, позволяющие более четко отграничить ее от конституционно-правовой ответственности не только по формальным признакам, но и содержательно. С практической точки зрения акцент в статье делается на анализе действующего законодательства, предлагаемых изменений правового регулирования, а также соответствующей судебной практики. В ходе исследования получены следующие научные результаты: определена природа и значение отдельных элементов механизма привлечения представительного органа муниципально-образовательного образования к ответственности перед государством; выявлены положительные аспекты и недостатки предлагаемых изменений; сформулированы предложения по изменению отдельных положений законодательства, направленные на повышение гарантий деятельности представительного органа. Предложенные корректировки законодательства соответствуют концепции муниципально-правовой ответственности

© Комлев Е.Ю., 2023

и одновременно призваны способствовать поддержанию баланса между элементами централизации и децентрализации публичной власти. Полученные результаты актуальны в контексте проводимой муниципальной реформы и реформирования законодательства о публичной власти в целом, могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, законотворчестве и правоприменении.

Ключевые слова: местное самоуправление, представительный орган, ответственность, муниципально-правовая ответственность, роспуск, муниципальная реформа, гарантии местного самоуправления

State Liability of a Local Council: Conceptual Approach

Evgeny Yu. Komlev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Moscow, Russia

E-mail: komleve@mail.ru

Received 05.04.2022, revised 01.02.2023, accepted 19.05.2023

Abstract. The status of municipal power as a special kind of public power actualizes the issue of the formation of a scientific concept of municipal legal liability. Such a concept should be comprehensive: take into account the peculiarities of municipal legal relations, the dynamics of legislative regulation of the institution of local self-government, law enforcement practice, the status and functions of local self-government bodies. This article is devoted to the consideration of these issues. The methodological basis of the research comprises a wide range of general scientific and special methods with the prevalence of a systematic approach, a formal legal method and methods of interpreting legal norms. The author formulates the essential characteristics of municipal legal liability, which enables to more clearly distinguish it from constitutional legal liability not only in terms of the form, but also the content. From a practical point of view, the article focuses on the analysis of the current legislation, the proposed regulatory changes, as well as the relevant judicial practice. As a result of the study, the author determines legal nature and significance of some elements of the mechanism for bringing local councils to liability, identifies positive aspects and disadvantages of the proposed legal changes and formulates proposals to change certain provisions aimed at improving the guarantees for the activities of local councils. The proposed amendments to the legislation correspond to the concept of municipal legal liability and at the same time they are designed to help maintain a balance between centralization and decentralization of public power. The results obtained are relevant in the context of the ongoing municipal reform, as well as in the context of reforming the legislation on public power in general. The results can be used in further scientific research, lawmaking and law enforcement.

Keywords: local self-government, local council, liability, municipal legal liability, dissolution, municipal reform, guarantees of local self-government

For citation: Komlev E.Yu. State Liability of a Local Council: Conceptual Approach, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 121-145. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_121

Введение

Закрепление в Конституции Российской Федерации¹ концептуально нового подхода к определению статуса местных органов власти предопределило последующее осмысление отдельных элементов этого статуса. Следствием выделения нового вида публичной власти – муниципальной – стала разработка доктринальных подходов к вопросу об ответственности органов местного самоуправления.

На определенном этапе в отечественной доктрине муниципального права сформировалась точка зрения об особом виде юридической ответственности – муниципально-правовой. Однако в части ее содержательных характеристик в науке единой позиции не сформулировано. Некоторые исследователи характеризуют муниципально-правовую ответственность как ответственность прежде всего или даже исключительно перед населением (Шугрина 2005); другие авторы расширяют трактовку, относя к ней и ответственность представительного органа муниципального образования перед государством (Филиппова 2018: 35). Также такая ответственность рассматривается одновременно сквозь призму субъектного состава, форм привлечения к ответственности и налагаемых санкций (Михеева, Куприн 2021), что, впрочем, не дает полного представления о ее природе.

В условиях продолжающейся научной дискуссии о соотношении конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности (Томилова, Школяренко 2021) обоснованной выглядит точка зрения о необходимости формирования концепции муниципально-правовой ответственности и отражения ее в законодательстве (Алексеев 2015). Такая концепция, безусловно, должна носить комплексный характер: учитывать особенности муниципальных правоотношений, динамику законодательного регулирования института местного самоуправления, правоприменительную практику, статус и функции органов местного самоуправления.

Дополнительная актуальность соответствующей научной задачи связана с проведенной в 2020 г. конституционной реформой и закреплением принципа единства публичной власти, на котором в настоящее время во многом основывается правовое регулирование деятельности органов публичной власти². Соответствующий подход отражен и в проекте федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³ (далее – законопроект

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 31.01.2023).

² Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 31.01.2023).

³ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения

№ 40361-8), который в обозримом будущем призван заменить действующий закон о местном самоуправлении.

В настоящей статье анализируется действующее законодательство и указанный законопроект в части привлечения к ответственности представительного органа муниципального образования (далее – представительный орган) перед государством, а также релевантная правоприменительная практика и доктринальные подходы. Вопрос ответственности исследуется в контексте доктрины муниципально-правовой ответственности. На примере представительного органа выявляются характерные черты данного вида ответственности. Полученные результаты и сформулированные рекомендации могут быть положены в основу концепции муниципально-правовой ответственности и использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, особенно в ситуациях, когда буквальное толкование норм не позволяет эффективно разрешить возникающие конфликты. В этой связи появляется необходимость обращения к ценностным и концептуальным подходам, что является своего рода тенденцией развития конституционализма на современном этапе (Варламова 2022).

Особенности муниципальных правоотношений и их влияние на природу муниципально-правовой ответственности

Выделение муниципально-правовой ответственности обусловлено концептуальным разграничением государственной и муниципальной власти как разновидностей публичной власти. При этом в реальности наблюдается постепенное размывание границ между ними, что делает проблему критериев разграничения особенно актуальной. Особенности муниципальных правоотношений естественным образом должны быть учтены при регламентации различных элементов правового статуса местных органов власти, и такой важный элемент их статуса, как ответственность, не может быть исключением. В этой связи анализ правового регулирования муниципально-правовой ответственности и правоприменительной практики представляется необходимым в первую очередь с точки зрения понимания степени учета специфики муниципальных правоотношений. Выделим их особенности.

Комплексный характер муниципальных правоотношений обусловлен тем, что они регулируются, помимо базовых норм о местном самоуправлении, нормами различных отраслей права. Указанное обстоятельство непосредственно влияет на деятельность представительного органа, принимающего нормативные правовые акты по широкому кругу решаемых муниципальной властью вопросов, которые регулируются большим количеством федеральных и региональных законов и подзаконных актов, многие из которых подвергаются систематическим изменениям. Данные обстоятельства повышают риск принятия незаконного нормативного правового акта для представительного органа и привлечения его к ответственности в виде роспуска на основании ч. 1 ст. 73 Федерального закона

законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 31.01.2023).

№ 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ).

В этой связи выглядит оправданной усложненная процедура роспуска представительного органа по рассматриваемому основанию, предполагающая перед ее инициированием обязательный судебный порядок установления факта принятия незаконного акта, а также судебный порядок последующей проверки факта неисполнения первого решения суда. В данном случае законодатель при формулировании условий привлечения к муниципально-правовой ответственности обоснованно учитывает особенности муниципальных правоотношений. Предложенный механизм является усложненным, но его применение вполне реалистично. Опыт зарубежных стран показывает, что в вопросе привлечения к муниципально-правовой ответственности требуется соблюдение баланса между сложностью процедуры привлечения к ответственности и реалистичностью применения соответствующих механизмов в случае необходимости защиты прав граждан (Eberhardt 2019). Достижение такого баланса целесообразно рассматривать в качестве необходимого условия при формулировании концепции муниципально-правовой ответственности и соответствующем правовом регулировании. В действующем российском законодательстве такой баланс в целом соблюден.

В контексте формирования концепции муниципально-правовой ответственности учет комплексного характера муниципальных правоотношений также следует рассматривать как одну из отличительных особенностей данного вида ответственности.

Соотношение принципов самостоятельности, законности и гарантий судебной защиты местного самоуправления. Одной из характерных особенностей регулирования муниципальных правоотношений является балансирование между зачастую конкурирующими конституционными принципами самостоятельности муниципальной власти и законности их действий. Конкуренция принципов, как известно, наиболее эффективно разрешается посредством нахождения должного баланса в правовом регулировании и правоприменении, что позволяет максимально реализовать оба принципа.

В рамках концепции муниципально-правовой ответственности в качестве инструмента поиска такого баланса следует рассматривать отход от формального применения норм права (что, как представляется, более распространено в рамках административных правоотношений). Привлечение к муниципально-правовой ответственности должно основываться на комплексном исследовании фактических обстоятельств, реализации принципа справедливости и соразмерности (соотнесения допущенных нарушений с мерами ответственности).

В указанной части действующее правовое регулирование может быть усовершенствовано. Так, стоит обратить внимание на нормы, касающиеся

⁴ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 31.01.2023).

требований относительно совершения представительными органами действий по исполнению решения суда в случае принятия незаконного нормативного правового акта.

Ч. 1 ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ не до конца проясняет вопрос о том, какие действия должен совершить представительный орган, чтобы исполнить решение суда. Данная норма лишь указывает, что неисполнение решения суда может проявляться среди прочего в том, что представительный орган не отменил оспариваемую норму (акт). Примечательно, что процедура рассмотрения соответствующей категории дел сама по себе предполагает признание спорной нормы недействующей (и не подлежащей применению) в случае удовлетворения заявленных требований (ст. 215 КАС РФ⁵). Требуется ли в таком случае отмена данной нормы органом, который ее принял? С формальной точки зрения признание недействующей и отмена – разные процедуры. Они включают в себя как схожие, так и отличные составляющие. Признание недействующей предполагает, в частности, запрет на повторное принятие такой нормы. В рассматриваемом контексте важна и схожая составляющая двух процедур, а именно основной результат, на который они направлены, – неприменение нормы (акта) в дальнейшем. Признание судом нормативного правового акта (полностью или в части) недействующим способствует достижению указанного результата.

Следовательно, актуализируется вопрос о справедливости привлечения представительного органа к ответственности в ситуации, когда негативные последствия основания для роспуска фактически устранены самим судебным актом. Формальное применение норм права, как отмечено выше, в данном случае недопустимо с учетом природы муниципальной власти. В этой связи уместно обратиться к анализу судебной практики на предмет того, какие **действия** необходимо совершить представителю органа после признания принятого им нормативного правового акта недействующим.

Во-первых, **опубликование решения суда** о признании нормативного правового акта недействующим в издании, в котором этот акт был опубликован. Соответствующая обязанность следует из нормы п. 2 ч. 4 ст. 215 КАС РФ, которая хотя прямо и не указывает на обязываемого субъекта, но ее телеологическое толкование позволяет определить, что это должен сделать представительный орган. Иногда суды прямо предписывают представителю органа отменить оспариваемый нормативный акт⁶ или опубликовать решение суда⁷.

⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (дата обращения: 31.01.2023).

⁶ Решение Калининградского областного суда от 27 августа 2007 г. № 3-119, 3-120/2007 // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/9735192/> (дата обращения: 31.01.2023).

⁷ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 5 апреля 2017 г. по делу № 33А-3529/2017 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=306788#wexwdfTctgNx9HjA1> (дата обращения: 31.01.2023).

Опубликование решения суда служит гарантией реализации принципа правовой определенности: до населения муниципального образования должна быть донесена информация, что ранее принятый нормативный правовой акт признан недействующим полностью или в части. В противном случае на граждан была бы фактически возложена непропорциональная обязанность по самостоятельной проверке актуальности муниципальных нормативных правовых актов.

Таким образом, в рассматриваемом случае представительный орган привлекается к ответственности во многом за невыполнение обязанности по опубликованию решения суда. Учитывая, что основная цель (признание нормативного правового акта недействительным) достигается посредством принятия судебного акта, и принимая во внимание природу муниципальной власти (в первую очередь принцип самостоятельности местного самоуправления), целесообразно рассмотреть вопрос об использовании иных механизмов защиты прав граждан, не связанных с роспуском представительного органа.

Подобные механизмы воздействия на местные органы власти используются в зарубежных правовых системах. Например, в Испании получил распространение институт, именуемый суброгацией (Fernández-Rubio Hornillos 2017: 182-183), в рамках муниципальных правоотношений представляющий собой осуществление отдельных полномочий органов местного самоуправления (в случае их бездействия) центральными или региональными органами власти за счет местных бюджетов. Суброгация может применяться в течение определенного времени или однократно, обычно пока местные органы власти не возобновят осуществление соответствующих полномочий (Galán Galán 2012).

Отдельные правовые основы для применения подобного механизма имеются и в России, они заложены в ст. 75 Федерального закона № 131-ФЗ. В случае некоторой конкретизации в рамках нового федерального закона он может применяться и в рассматриваемом случае в форме опубликования решения суда и информации об отмене оспоренного нормативного правового акта вместо представительного органа органами государственной власти субъекта Федерации. С точки зрения концепции муниципально-правовой ответственности такой подход представляется адекватным в контексте пропорциональности меры ответственности и допущенного нарушения, а также соотношения принципов самостоятельности и законности в деятельности органов местного самоуправления. Указанный подход вполне применим и с точки зрения доминирующего в настоящее время в части регулирования деятельности муниципальной власти принципа единства публичной власти. В целом использование альтернативных способов воздействия на органы местного самоуправления (отличных от принудительного досрочного прекращения их полномочий) при допущенных последними нарушениях закона следует потенциально рассматривать в качестве характерной черты муниципально-правовой ответственности при содержательном формулировании соответствующей концепции. Однако применение данного подхода должно соответствовать принципу законности

и справедливости, в связи с чем он требует некоторого осмысления в законотворчестве и правоприменительной практике. В случае сохранения *status quo* (наиболее вероятный сценарий) представляется необходимым несколько конкретизировать в новом законе действия представительного органа по исполнению решения суда.

Во-вторых, **принятие нового нормативного правового акта**. Встречаются ситуации, когда нормативный правовой акт признается недействующим в части из-за отсутствия в нем обязательных положений либо в связи с необходимостью корректировки отдельных положений. Такие обстоятельства типичны для уставов муниципальных образований в условиях изменения федерального или регионального законодательства: в определенный момент изначально законные положения перестают быть таковыми, что устанавливается в судебном порядке, и у представительного органа возникает обязанность привести устав в соответствие с законодательством. Тот факт, что нормативный правовой акт на момент его принятия соответствовал федеральному законодательству, не свидетельствует об отсутствии оснований для наступления ответственности представительного органа перед государством⁸. Подобные обстоятельства сложились при роспуске Елецкого городского Совета депутатов⁹, Тындинской городской Думы¹⁰.

В данном случае ситуация выглядит сложнее, чем при отмене акта представительного органа: от последнего требуется не только выполнить формальные действия, но и принять нормативный правовой акт. Применение меры ответственности в виде роспуска представительного органа здесь выглядит более оправданным, хотя имеются определенные нюансы: в условиях частого дублирования норм федерального и регионального законодательства в уставах муниципальных образований (Холодов 2018; Багмет, Бычкова 2021) перманентное изменение законодательства создает дополнительные риски с точки зрения ответственности представительного органа. Решение данной проблемы видится прежде всего в изменении подходов к юридической технике и нормотворческой практике, однако данный вопрос выходит за рамки настоящего исследования.

Стоит признать, что в ряде случаев в законодательстве и правоприменительной практике прослеживается последовательный отказ от формального применения норм права, что способствует учету природы муниципальной власти в рамках концепции муниципально-правовой ответственности.

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2007 г. по делу № 73-Г07-4 // Договор-Юрист.Ру. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/73-г07-4/ (дата обращения: 31.01.2023).

⁹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2006 г. по делу № 77-Г06-3 // Судебная система Российской Федерации. URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_35621.htm (дата обращения: 31.01.2023).

¹⁰ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июля 2020 г. № 88а-4284/2020 // Девятый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8618005&case_uid=d3ec5b15-e8a8-4186-8747-6f63b46151c7&new=0&delo_id=43 (дата обращения: 31.01.2023).

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ факт неисполнения решения суда, которым нормативный правовой акт признан противоречащим законодательству, должен быть подтвержден решением суда. Важность второго решения суда с теоретической и практической точки зрения заключается в том, что именно это нарушение – неисполнение первого решения суда – является основанием для инициирования процедуры роспуска представительного органа.

Анализ правоприменительной практики показывает, что второе решение отнюдь не является формальным требованием. В условиях неполной ясности относительно действий представительного органа по исполнению решения суда установление факта его неисполнения требует правового анализа. Кроме того, буквальное толкование соответствующих норм предполагает значительную степень усмотрения у субъекта, устанавливающего такой факт. Закон не требует от представительного органа исполнить решение суда; от него требуется *принять в пределах своих полномочий меры по исполнению решения суда*. Вопрос о достаточности таких мер является ключевым для установления факта, на основании которого и осуществляется роспуск представительного органа. Практика знает примеры, когда, несмотря на формальное неисполнение решения суда (неопубликование первого решения), суд отказывал в установлении факта неисполнения такого решения, ссылаясь на то, что представительный орган предпринял достаточные меры для исполнения решения суда, но не исполнил его в связи с объективной невозможностью¹¹.

Следовательно, основанием для роспуска представительного органа является не формальное неисполнение решения суда, а виновное принятие мер по исполнению решения суда, что отвечает критериям справедливости и соразмерности. Установление факта неисполнения решения суда именно в судебном порядке и именно до инициирования процедуры роспуска свидетельствует о дополнительных гарантиях для представительного органа и вытекает из логики правового регулирования местного самоуправления. Подобный подход целесообразно рассматривать в качестве базового при формулировании концепции муниципально-правовой ответственности.

Вместе с тем законопроектом № 40361-8 (ч. 3 ст. 17) предлагается отменить судебный порядок установления факта неисполнения представительным органом решения суда. Следовательно, соответствующий факт будет оцениваться исключительно инициатором роспуска (главой субъекта Российской Федерации) и органом, принимающим решение о роспуске (законодательным органом соответствующего региона). Безусловно, у представительного органа остается право на обжалование решения о роспуске *a posteriori*, однако случаи успешного обжалования уже принятых законов

¹¹ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 5 апреля 2017 г. по делу № 33А-3529/2017 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=306788#wexwdfTctgNx9HjA1> (дата обращения: 31.01.2023).

о роспуске крайне редки. В таком случае предметом проверки, как правило, является соблюдение формальной процедуры принятия закона о роспуске. Следовательно, предлагаемый подход может повлечь определенное сокращение гарантий представительного органа.

Принимая во внимание общее направление муниципальной реформы, характеризующееся усилением влияния органов государственной власти субъектов Российской Федерации на деятельность органов местного самоуправления, а также с учетом значимости второго судебного разбирательства в рассматриваемой процедуре, представляется целесообразным сохранить существующий подход. Это в большей степени соотносится с предложенным содержанием концепции муниципально-правовой ответственности, которая базируется на разграничении органов публичной власти на государственные и муниципальные, а также комплексном учете принципов организации местного самоуправления.

Последовательный отказ от формального применения норм права свойственен судам и при установлении обязательных юридических фактов при привлечении представительного органа к ответственности за непроведение правомочного заседания. Исходя из буквального толкования норм чч. 2.1 и 2.2. ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ, суды при рассмотрении данной категории дел вправе лишь констатировать факт непроведения правомочного заседания в течение трех месяцев. Однако на практике они также устанавливают причины непроведения заседаний. Если заседание не проводилось по уважительным причинам, суд может отказать в удовлетворении требований об установлении факта непроведения правомочного заседания.

Подобный подход несколько противоречит буквальному толкованию норм права (ведь факт непроведения заседаний в таких случаях действительно имеет место), но является справедливым и обоснованным с точки зрения как природы местного самоуправления, так и самой процедуры привлечения к ответственности. В этом смысле можно приветствовать отход судов от формализма. Сведение природы судебного акта к простой констатации факта непроведения заседания приведет к обесцениванию (а фактически к ненужности) самой судебной процедуры при привлечении представительного органа к ответственности, а также к сокращению гарантий местного самоуправления. Применяемый судами подход соответствует и обосновываемому в рамках настоящей статьи критерию минимизации политической составляющей как отличительной черты муниципально-правовой ответственности, а также сформулированному Верховным Судом Российской Федерации критерию соразмерности санкции в виде роспуска представительного органа допущенному нарушению¹².

¹² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2000 г. (по гражданским делам) (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2000 г.) // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/11801953/> (дата обращения: 31.01.2023).

Примечательна в этой связи позиция Верховного Суда Республики Коми, который в апелляционном определении по делу № 33-357/2014 указал на отсутствие чрезвычайных обстоятельств, препятствовавших проведению правомочного заседания¹³. Следовательно, такие обстоятельства теоретически могут иметь место, что стало особенно актуально в условиях пандемии COVID-19, когда суды в определенных ситуациях признавали причины не проведения заседаний представительных органов уважительными в связи с соответствующими ограничениями, принятыми в целях стабилизации эпидемиологической ситуации¹⁴. Таким образом, для установления в судебном порядке факта непроведения правомочного заседания представительного органа обязательным условием является также отсутствие обстоятельств, препятствующих этому (как правило, чрезвычайного характера; к ним не относится, например, бездействие председателя по созыву заседаний¹⁵).

Подобные примеры из судебной практики демонстрируют не только важность формирования концепции муниципально-правовой ответственности, но и готовность ее восприятия и применения со стороны правоприменительных органов.

Минимизация политической составляющей при привлечении к муниципально-правовой ответственности. Публично-правовая, в особенности конституционно-правовая и муниципально-правовая, ответственность тесно связана с ответственностью политической. В этой связи представляется, что дифференциация конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности может характеризоваться и минимизацией политической составляющей при привлечении к муниципально-правовой ответственности. Соответствующий подход может быть положен в основу концепции муниципально-правовой ответственности. Это в некоторой степени предопределено природой муниципальной власти в том смысле, что с учетом компетенции местных органов политическая составляющая их деятельности выражена в меньшей степени, чем у центральных или региональных властей. На это указал и Конституционный Суд Российской Федерации: политическая составляющая не должна «оказывать определяющее влияние на содержание деятельности представительного органа муниципального образования...»¹⁶. Данная позиция требует

¹³ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 17 февраля 2014 г. по делу № 33-357/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ph8QRNeR4mNv/> (дата обращения: 31.01.2023).

¹⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2021 г. № 88а-8877/2021 по делу № 2а-388/2020 // Консультант-плюс. URL: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=48187#7j\]4efT6qiwTbkfj](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=48187#7j]4efT6qiwTbkfj) (дата обращения: 31.01.2023).

¹⁵ См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2008 г. № 8-Г08-9 // Судебная система Российской Федерации. URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40060.htm (дата обращения: 31.01.2023).

¹⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 50-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111260001> (дата обращения: 31.01.2023).

некоторой конкретизации и дополнительного анализа, но стоит отметить, что подобный подход весьма распространен в европейской доктрине конституционного и административного права.

Необходимость минимизации политической составляющей при привлечении именно к муниципально-правовой ответственности, как представляется, обусловлена также тем, что органы местного самоуправления не участвуют в правовом регулировании юридической ответственности, что отличает их от центральных и региональных органов публичной власти (Малько, Липинский, Маркунин 2021: 49). Возможность муниципальной власти оказывать влияние на соответствующее регулирование сведена к минимуму, поэтому при принятии решений о привлечении к ответственности видится справедливым политическую составляющую минимизировать¹⁷.

С учетом изложенного сформулированное ранее в настоящей статье предложение о сохранении судебного порядка при установлении факта неисполнения решения суда (при принятии незаконного нормативного правового акта) выглядит необходимым, поскольку именно судебный порядок предполагает минимизацию политической составляющей при принятии решения о привлечении к муниципально-правовой ответственности в целом и роспуске представительного органа в частности.

В то же время при формулировании концепции муниципально-правовой ответственности следует признать, что полностью исключить политическую составляющую невозможно. С учетом статуса субъектов, принимающих соответствующие решения (глава субъекта Федерации и законодательный орган субъекта Федерации), у них должна быть определенная степень усмотрения в рассматриваемом вопросе, на которую потенциально могут влиять и политические факторы.

В данном контексте обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодательно не до конца прояснена природа инициативы о роспуске представительного органа, в частности, является ли внесение проекта закона о роспуске правом или обязанностью высшего должностного лица субъекта Федерации. Почву для противоречивых точек зрения дают нормы чч. 1, 2.1 и 2.2 Федерального закона № 131-ФЗ (а также законопроект № 40361-8 в ч. 3 ст. 17), которые изложены императивно и используют формулиров-

¹⁷ Зарубежным правопорядкам известны обратные примеры отсутствия элемента предварительного судебного контроля при роспуске местных советов при довольно расплывчатом формулировании оснований такой меры ответственности. Указанные подходы встречаются, например, в Ирландии (Казанник, Костюков 2020), Франции (Алексеев 2015), Испании (Комлев 2020). При принятии решения о роспуске местного совета данный вопрос сознательно политизируется: в процедуре роспуска задействованы центральные и региональные власти, а итоговое решение принимается высокопоставленными должностными лицами (вплоть до главы государства). В таком случае высокая степень политизации вопроса выступает гарантией для муниципальной власти, поскольку на соответствующих должностных лиц возложены потенциально высокие политические риски. Однако подобный подход применим не во всех странах и требует концептуальных нормативных изменений, в связи с чем рассматривать его применительно к России в настоящее время видится нецелесообразным.

ку: «...вносит... проект закона субъекта Российской Федерации о роспуске представительного органа...»

Однако признание законодательной инициативы обязанностью противоречит самой ее природе и превращает ее в формальность, существенно обесценивая роль главы субъекта Федерации в процедуре роспуска представительного органа, что не соотносится с его статусом. Представляется, что законодатель неслучайно включает в процедуру роспуска представительного органа целый ряд различных субъектов, предоставляя каждому из них определенную степень усмотрения. Рассмотрение законодательной инициативы в качестве обязанности влечет за собой вопрос о возможности ее принудительного исполнения, что с учетом характера рассматриваемых правоотношений и сокращенных сроков представляется затруднительным. Указанное, в свою очередь, может подорвать авторитет права, что особенно чувствительно применительно к публично-правовой, в частности муниципально-правовой, ответственности.

Учитывая изложенное, довод о праве, но не обязанности внесения соответствующего законопроекта о роспуске представительного органа кажется более обоснованным. Косвенно на это указывается и в правоприменительной практике¹⁸. Важно также отметить, что возможности для злоупотреблений политической составляющей при принятии органами государственной власти субъектов Российской Федерации соответствующих решений сведены к минимуму при сохранении обязательной предварительной судебной проверки оснований для роспуска. При таком подходе сохранение минимальной политической составляющей при принятии решения о внесении законопроекта о роспуске представительного органа выглядит оправданным в контексте содержательного наполнения концепции муниципально-правовой ответственности.

При принятии нового закона о местном самоуправлении законодатель может развеять все сомнения, несколько изменив формулировку и указав на право главы субъекта Российской Федерации внести инициативу о роспуске представительного органа.

Близость муниципальной власти к населению. Помимо рассмотренных оснований для роспуска представительного органа – принятие незаконного акта и непроведение заседания, необходимо также отметить наличие нормы, которая предполагает возможность досрочного прекращения полномочий представительного органа в связи с нарушением им срока издания муниципального правового акта, требуемого для реализации решения, принятого путем прямого волеизъявления граждан (ч. 16 ст. 35 Федерального закона № 131-ФЗ; ч. 6 ст. 17 законопроекта № 40361-8). Каких-либо пояснений об иных условиях и порядке применения данного положения

¹⁸ См., напр.: Решение Пермского краевого суда от 21 января 2011 г. по делу № 3-15-2011, 3-19-2011 // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/16144185/>; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2011 г. № 44-Г11-11 // Судебная система Российской Федерации. URL: https://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_49049.htm (дата обращения: 31.01.2023).

действующее законодательство и законопроект не содержат, в то время как объективных политико-правовых оснований для подобного нормативного умолчания не усматривается. Некоторые авторы отмечают, что имеющееся регулирование является достаточным основанием для обращения в суд (например, со стороны граждан) с требованием о роспуске представительного органа (Бабичев, Шугрина 2015). Однако все же представляется необходимой конкретизация указанной нормы, чего требует и принцип правовой определенности. Достаточной степенью конкретизации с учетом принципа самостоятельности местного самоуправления будет указание на право граждан на обращение в суд с соответствующим иском и регулирование отдельных процессуальных аспектов реализации данного права.

В контексте содержательного наполнения концепции муниципально-правовой ответственности видится правильным предъявление к правовому регулированию такой ответственности требований о сочетании повышенной степени определенности правовых норм, регулирующих вопросы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления, и использовании в разумных пределах диспозитивного метода правового регулирования в ситуациях, когда в соответствующих процедурах участвуют граждане. Такой подход призван повысить значение принципа самостоятельности местного самоуправления, требующего некоторого содержательного переосмысления в условиях превалирования принципа единства органов публичной власти. В указанном контексте перечень оснований для подачи подобных исков может быть несколько расширен, особенно с учетом отсутствия в законопроекте предусмотренной в действующем законодательстве процедуры отзыва муниципальных депутатов.

Кроме того, имеет смысл рассмотреть возможность сочетания механизмов ответственности перед государством и перед населением в форме участия последнего (на определенной стадии) в процессе привлечения представительного органа к ответственности. Указанный подход представляется актуальным в условиях растущего запроса на контроль избирателей за деятельностью органов публичной власти (Кошель 2020: 141), о чем свидетельствует и правоприменительная практика. Вместе с тем попытки граждан установить в судебном порядке факт непроведения представительным органом правомочного заседания в трехмесячный срок вызывают трудности, поскольку суды, ссылаясь на ст. 218 КАС РФ, требуют доказать не только факт непроведения заседания, но и конкретное нарушение прав и свобод. С одной стороны, суды обоснованно указывают на недопустимость роспуска представительного органа по формальным основаниям, определяя при этом истинные мотивы истцов¹⁹. С другой стороны, вопрос требует более гибкого решения как в процессуальной плоскости (в том числе в части определения стандартов доказывания), так и с точки зрения сущностных

¹⁹Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2021 г. № 88а-10694/2021 по делу № 8а-8491/2021 // Третий кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srnum=1&name_op=case&case_id=12183243&case_uid=7555aa09-50fc-40b6-ae4d-7e703cdae2df&new=0&delo_id=43 (дата обращения: 31.01.2023).

подходов к участию граждан в процедуре ответственности представительного органа. Конституционный Суд Российской Федерации, в свою очередь, не нашел оснований для формулирования содержательных правовых позиций по данному вопросу²⁰.

Подобные неоднозначные ситуации демонстрируют актуальность и своевременность содержательного наполнения концепции муниципально-правовой ответственности, которая может быть использована в законотворчестве и правоприменении. Принятие нового закона – хорошая возможность внедрения подходов о близости муниципальной власти к населению в отечественное законодательство о местном самоуправлении путем увеличения роли населения в процедуре привлечения представительного органа к ответственности.

Близость муниципальной власти к населению проявляется и в требовании для представительного органа действовать в интересах населения, а создание видимости надлежащего исполнения своих полномочий должно пресекаться. Такой подход демонстрирует правоприменительная практика по некоторым вопросам, касающимся правомочности заседания представительного органа. Например, не считается правомочным заседание в случаях, когда при первоначальном наличии кворума часть депутатов покидают заседание до утверждения повестки и принятия решения хотя бы по одному вопросу²¹. Подобный подход представляется вполне логичным, поскольку имеет место фактическое устранение представительного органа от решения вопросов местного значения.

С точки зрения учета прав граждан в контексте привлечения представительного органа к муниципально-правовой ответственности примечательно определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции по делу № 2-209/2020²². Рассмотрев спор по правилам ГПК РФ, он разграничил иск об установлении факта и иск о признании бездействия незаконным и отказал гражданину в удовлетворении заявления об установлении факта непроведения правомочного заседания представительного органа. По мнению суда, правом на обращение с иском заявлением об установлении юридического факта в защиту прав и законных интересов Российской Федерации обладает прокурор (ст. 45 ГПК РФ), у граждан такого права нет.

²⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2022 г. № 34-О // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision590621.pdf>; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 516-О // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision600270.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

²¹ См., напр.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2021 г. № 88а-6747/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные-решения.рф/58382497> (дата обращения: 31.01.2023).

²² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 ноября 2020 г. № 88-16253/2020 по делу № 2-209/2020 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=21813#Xp19efYjz4uWjfO1> (дата обращения: 31.01.2023).

Не отрицая справедливость разделения соответствующих типов исков, отметим, что позиция суда об отказе в иске со ссылкой на норму ч. 1 ст. 45 ГПК РФ вызывает некоторое удивление. Дело в том, что российским судам в целом свойственен патерналистский подход, который в самых общих чертах сводится к следующему: даже если истец обосновывает свои требования ошибочными ссылками на нормы права и ошибочными требованиями, суд должен, поняв, что в действительности хочет истец, рассматривать соответствующие требования, применяя верные нормы права²³. Подобный подход изначально сформулирован для гражданского процесса, но едва ли имеются обоснованные препятствия для его применения в административном судопроизводстве.

В рассматриваемом примере остается неясным, почему суд рассмотрел административное по своей природе дело по правилам ГПК РФ, а также не переквалифицировал требования заявителя как требование о признании незаконным бездействия представительного органа. Хотя, конечно, для всесторонней оценки позиции суда необходимо изучение материалов дела. Приведенный пример свидетельствует об актуальности рассмотрения возможности некоторой конкретизации в законодательстве прав граждан на обращение в суд по рассматриваемому вопросу, а также на включение населения муниципального образования в процедуру привлечения представительного органа к ответственности в виде роспуска. Деятельность органов местного самоуправления (равно как и роспуск представительного органа) в конечном счете осуществляется в интересах местного населения.

Также стоит отметить, что в юридической литературе встречается точка зрения о необходимости расширения перечня субъектов законодательной инициативы при роспуске представительного органа, в частности, таким правом предлагается наделить местную администрацию (Правдин 2012). Данная позиция представляется небесспорной с учетом контрольных функций представительного органа по отношению к местной администрации, его права удалять в отставку главу муниципального образования (который может являться главой местной администрации), а также с учетом трудностей в практической реализации принципа верховенства совета (Ларичев 2020). В случае расширения перечня субъектов законодательной инициативы по указанному вопросу основным «кандидатом» для наделения таким правом должно стать население муниципального образования, что в большей мере способствует учету природы муниципальной власти (в частности принципа субсидиарности) в рамках концепции муниципально-правовой ответственности.

²³ См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 (п. 6) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfg.ru/documents/own/8142/>; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2021 г. № 53-КГ20-26-К8 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02032021-n-53-kg20-26-k8/> (дата обращения: 31.01.2023).

Правовая определенность норм как характерный элемент муниципально-правовой ответственности

Помимо требований непосредственно к содержанию норм, регулирующих отдельные вопросы муниципально-правовой ответственности, стоит также обратить внимание на требования к их изложению. Учитывая особую роль института ответственности среди элементов правового статуса органов местного самоуправления и особенно представительного органа, представляется целесообразным среди характерных особенностей муниципально-правовой ответственности выделить повышенные требования к правовой определенности норм, регламентирующих вопросы такой ответственности.

Принцип правовой определенности сам по себе включает несколько элементов (Бершицкий 2021: 6) В контексте муниципально-правовой ответственности актуализируется применение таких элементов, как предсказуемость законов, их стабильность и последовательность. Важным с точки зрения муниципально-правовой ответственности представляется и требование о максимальном сокращении периода нахождения в состоянии неопределенности статуса представительного органа, что нередко является следствием реализации предусмотренных законом процедур его роспуска и последующего обжалования принятых решений.

Стоит признать, что с рассматриваемой точки зрения действующее и предлагаемое правовое регулирование вопросов, связанных с ответственностью представительного органа, не всегда в полной мере отвечает повышенным критериям правовой определенности. Например, нормы чч. 2.1 и 2.2 ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ фактически предусматривают привлечение представительного органа к ответственности за одно и то же: непроведение правомочного заседания в трехмесячный срок, что должно быть установлено вступившим в законную силу решением суда. Единственное различие между указанными нормами состоит в том, что в ч. 2.1 речь идет о непроведении правомочного заседания избранным в правомочном составе представительным органом, в то время как ч. 2.2 указывает на непроведение правомочного заседания *вновь* избранным представительным органом. Представляется, что во втором случае имеется в виду первое заседание представительного органа, в первом – все последующие.

Подобное разграничение представляется необоснованным. Еще больше вопросов вызывают отдельные последствия подобного разграничения. В одном случае следствием роспуска является опровержимая презумпция вины депутата, влекущая ограничение возможности выдвигать свою кандидатуру на следующих выборах, в другом таких последствий нет²⁴. Цель законодателя в подобном разделении фактически одного и того же основания для роспуска представительного органа остается неясной.

²⁴ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 32) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 31.01.2023).

Законопроектом № 40361-8 от указанного разграничения предлагается отказаться, что можно только приветствовать. Вместе с тем используемая в нем формулировка (п. 2 ч. 3 ст. 17) также представляется не самой удачной: представительный орган может быть распущен, если вступившим в законную силу решением суда установлено, что *вновь избранный* в правомочном составе представительный орган в течение трех месяцев подряд не проводил правомочного заседания. Указание на «вновь избранный» может привести к неправильному толкованию соответствующей нормы с учетом действующего правового регулирования. Более того, в принятом в конце 2021 г. Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»²⁵ закреплён подход о разделении «избранного» и «вновь избранного» законодательного органа субъекта Федерации как оснований для его роспуска, что представляется нелогичным, а в редакции законопроекта № 40361-8 – непоследовательным. В таких условиях у правоприменителей может сложиться впечатление, что распустить представительный орган можно только за непроведение первого правомочного заседания в установленный срок. Однако вряд ли законодатель имеет в виду такой сомнительный и не имеющий политико-правовых оснований подход.

Более удачным решением представляется закрепление в законодательстве ответственности в виде роспуска за непроведение правомочных заседаний *для избранного в правомочном составе представительного органа муниципального образования*. Подобная формулировка в большей степени соответствует критерию повышенной степени определенности правовых норм в рамках концепции муниципально-правовой ответственности.

С точки зрения самой процедуры роспуска и последовательности принимаемых решений следует обратить внимание на то обстоятельство, что Федеральный закон № 131-ФЗ дифференцирует срок, в течение которого может быть внесен проект закона о роспуске представительного органа, в зависимости от оснований роспуска: при принятии незаконного нормативного правового акта – один месяц, при непроведении правомочного заседания – три месяца с даты вступления в силу соответствующего решения суда. Подобная дифференциация представляется не совсем логичной, поэтому предложенную законопроектом № 40361-8 унификацию сроков можно в целом приветствовать. Однако вместо предложенных трех месяцев более логичным видится месячный срок для внесения законопроекта о роспуске с целью сокращения периода нахождения представительного органа и населения муниципального образования в состоянии неопределенности.

В юридической литературе высказываются сомнения и относительно квалификации акта законодательного органа субъекта Федерации о роспуске представительного органа в качестве закона в связи с тем, что

²⁵ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 31.01.2023).

закон не может быть актом применения норм права (Заболотских 2011). Данный вопрос носит преимущественно доктринальный характер, но может иметь и определенные практические последствия. Например, с точки зрения возможности обжалования его в Конституционном Суде (что, вероятно, должно блокироваться судом в связи с отсутствием признаков нормативности таких актов). Однако теоретически могут возникнуть и менее очевидные коллизии. С учетом того, что природа актов о привлечении органов местного самоуправления к ответственности нередко вызывает вопросы у правоприменителей²⁶, в рамках проводимой муниципальной реформы следует конкретизировать подход к определению юридической квалификации акта о роспуске представительного органа, что немаловажно с точки зрения предъявления повышенных требований к правовой определенности норм в рамках концепции муниципально-правовой ответственности.

Следует отметить позитивные направления развития правоприменительной практики, а также предложенной муниципальной реформы с точки зрения реализации принципа правовой определенности. Так, Федеральный закон № 131-ФЗ устанавливает сокращенные сроки как для обжалования закона о роспуске представительного органа, так и для соответствующего судебного разбирательства. Установление таких сокращенных сроков является результатом инкорпорирования в законодательство правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в постановлении № 15-П²⁷ применительно к институту удаления главы муниципального образования в отставку, но равным образом применимых ко всем случаям привлечения органов и должностных лиц местного самоуправления к ответственности²⁸. Такой подход отражает принцип взаимосвязи правовой природы местного самоуправления и института муниципально-правовой ответственности. Поэтому его распространение на муниципально-правовую ответственность в целом (а не только на отдельные процедуры) однозначно следует поддержать.

²⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 2018 г. № 12-О // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802080014> (дата обращения: 31.01.2023).

²⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 15-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201307020002> (дата обращения: 31.01.2023).

²⁸ Суть позиции Конституционного Суда сводится к необходимости сочетания двух противопоставляемых интересов: интереса органа (должностного лица) в обжаловании решения о привлечении к ответственности и публичного интереса жителей муниципального образования в сокращении периода нахождения в состоянии неопределенности относительного статуса соответствующих органов и должностных лиц. Сокращенные сроки направлены на предотвращение ситуаций, когда успешное обжалование в суде закона субъекта Российской Федерации о роспуске представительного органа потеряет смысл в связи с формированием нового состава представительного органа.

Аналогичные процессуальные сроки в расширенном виде содержатся в КАС РФ (согласно ч. 4 ст. 305 они распространяются и на апелляционные суды). В этой связи законопроектом № 40361-8 предлагается исключить из законодательства о местном самоуправлении указание на сроки рассмотрения дела в суде. Предложение законодателя об устранении такого нормативного дублирования следует поддержать.

В условиях сокращенных сроков на обжалование актуализируется вопрос о возможности восстановления пропущенных сроков. Российскому праву известны случаи установления пресекательных процессуальных сроков (например, ст. 240 КАС РФ), но по рассматриваемой категории дел законодательство не запрещает восстановление пропущенного на обжалование срока. Однако, учитывая изложенные выше особенности, восстановление должно допускаться в исключительных случаях. В целом такой подход обоснованно и последовательно применяется судами при рассмотрении соответствующих споров.

Однако возникают и неоднозначные ситуации. Примечательна в этом смысле позиция Второго апелляционного суда общей юрисдикции, который указал, что отмена решения судов, установивших факт непроведения заседания представительного органа, не является основанием для восстановления пропущенного срока для обжалования закона о роспуске представительного органа²⁹. Учитывая обстоятельства дела³⁰, сам по себе отказ в удовлетворении требований представляется логичным. При этом обоснование, как представляется, должно быть иным. Такой отказ, вероятно, следовало обосновать со ссылкой на принцип правовой определенности и на невозможность исполнения решения суда³¹.

Подобные споры свидетельствуют об актуальности формулирования концепции муниципально-правовой ответственности и ее содержательного наполнения. Решение данной научной задачи среди прочего призвано оказать правоприменителям содействие в разрешении неоднозначных конфликтов между субъектами муниципальных правоотношений по вопросу привлечения органов местного самоуправления к ответственности.

²⁹ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 13 июля 2020 г. № 66а-659/2020 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=5733#4aLdefTsmo7bA7vC> (дата обращения: 31.01.2023).

³⁰ На момент рассмотрения жалобы уже был сформирован новый состав представительного органа. Следовательно, удовлетворение заявления и отмена закона субъекта Федерации о роспуске представительного органа привели бы к ситуации противопоставления предыдущего и действующего составов представительного органа.

³¹ Специфика отдельных правоотношений предполагает, что при определенных нарушениях не всегда возможно в полной мере восстановить нарушенные права, однако у лиц, чьи права нарушены, имеется возможность требовать компенсации в установленном порядке. См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2021 г. № 6-П // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379267/ (дата обращения: 31.01.2023).

Требования относительно правовой определенности связаны также с развитием современных технологий и воздействием нестандартных ситуаций, к которым следует отнести пандемию коронавируса. В таких условиях приобретает актуальность вопрос о возможности проведения заседаний представительного органа муниципального образования в дистанционном формате. В настоящий момент с известной долей условности можно сказать, что судебная практика (по крайней мере, на уровне кассационных судов общей юрисдикции) признает возможность проведения дистанционного заседания, однако при условии подробного регулирования его порядка и условий³². Однако и здесь встает вопрос о правовой определенности норм, на что обратил внимание суд в анализируемом деле. В целях обеспечения такой определенности, а также в условиях распространения преимущественно легистского типа правопонимания у правоприменителей (Баранов 2015) вопрос требует дополнительного правового регулирования, и принятие нового закона о местном самоуправлении является подходящим для этого моментом.

Заключение

Представительный орган является системообразующим органом местного самоуправления, наиболее тесно связанным с местным населением в силу особенностей своего формирования. Поскольку в муниципально-правовой ответственности заложен определенный конфликт между элементами централизации и децентрализации публичной власти, между принципами самостоятельности и законности деятельности органов местного самоуправления, важнейшей задачей при правовом регулировании является учет изложенных особенностей. Дополнительным аргументом выступает конституционно закрепленное обособление муниципальной власти как особой разновидности публичной власти.

В результате проведенного исследования на примере представительного органа выделены отличительные черты, которые должны быть положены в основу концепции муниципально-правовой ответственности, что позволит более четко разграничить два во многом схожих вида ответственности – конституционно-правовую и муниципально-правовую, не только по формальным признакам, зависящим от нормативного регулирования в текущий момент времени (субъекты, налагаемые санкции и т.д.), но и содержательно.

В качестве отличительных характеристик муниципально-правовой ответственности предлагается рассматривать:

– учет комплексного характера муниципальных правоотношений при правовом регулировании муниципально-правовой ответственности и принятии правоприменительных решений;

³² Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 декабря 2021 г. № 88а-19751/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/64621666> (дата обращения: 31.01.2023).

– взаимосвязь правовой природы местного самоуправления (что предполагает близость муниципальной власти к населению и активное участие последнего в осуществлении местного самоуправления) и муниципально-правовой ответственности;

– минимизацию политической составляющей при привлечении к муниципально-правовой ответственности;

– комплексный учет принципов местного самоуправления, динамики правового регулирования местного самоуправления;

– повышенную степень определенности правовых норм, регулирующих вопросы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления;

– преимущественно диспозитивный метод правового регулирования порядка участия граждан в процедуре привлечения к ответственности;

– наличие баланса между сложностью процедуры привлечения к ответственности и ее практической реалистичностью;

– использование по мере возможности альтернативных способов воздействия на органы местного самоуправления (отличных от принудительного досрочного прекращения их полномочий) при допущении ими нарушений законодательства.

Данные особенности следует учитывать в законотворчестве и правоприменении для наиболее эффективной реализации муниципальной властью своих функций.

Применительно непосредственно к ответственности представительного органа важно отметить, что действующее правовое регулирование рассматриваемого вопроса во многом соответствует изложенным характеристикам. Это предопределяет важность концептуального сохранения действующих механизмов с небольшой корректировкой законодательства. Конкретизируя данный тезис, следует отметить:

– необходимость сохранения двух решений суда в процедуре роспуска представительного органа по причине принятия незаконного нормативного правового акта;

– важность уточнения порядка участия граждан в делах об установлении факта непроведения правомочного заседания представительного органа;

– целесообразность применения альтернативных механизмов (вместо роспуска) в случае неопубликования решения суда о признании муниципальных нормативных правовых актов недействующими;

– своевременность конкретизации юридической квалификации акта о роспуске представительного органа.

Регулирование муниципально-правовой ответственности должно носить комплексный характер и учитывать общее направление развития законодательства о местном самоуправлении. Поскольку тенденции его развития свидетельствуют об увеличении влияния органов региональной власти на муниципальные, институт ответственности в рамках муниципальных правоотношений мог бы стать тем элементом правового статуса муниципальных образований, в рамках которого отчасти наблюдалась бы обратная

тенденция. Предложенные точечные корректировки законодательства соответствуют концепции муниципально-правовой ответственности и одновременно призваны способствовать поддержанию баланса между элементами централизации и децентрализации публичной власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев И.А. 2015. Муниципально-правовая ответственность: проблемы теории и практики. Москва : Проспект. 320 с.

Бабичев И.В., Шугрина Е.С. (ред.) 2015. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный). Москва : Норма : ИНФРА-М. 672 с.

Багмет А.М., Бычкова Е.И. 2021. Некоторые проблемы муниципального правотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. № 9. С. 44-46. DOI 10.18572/1813-1247-2021-9-44-46

Баранов П.П. 2015. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. № 1. С. 9-15.

Бершицкий Э.Е. 2021. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере правонарушений в различных отраслях права. Москва : М-Логос. 154 с.

Варламова Н.В. 2022. Права человека и «юриспруденция ценностей» // Сравнительное конституционное обозрение. № 6. С. 11-45.

Заболотских Е.М. 2011. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления. Москва : Проспект. 232 с.

Казаник А.И., Костюков А.Н. (ред.) 2020. Конституционное право : в 3 т. Т. 1. Москва : Проспект. 256 с.

Комлев Е.Ю. 2020. Правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с государственными и региональными органами власти в Испании. Москва : Наука. 199 с. DOI 10.7868/9785020408258

Кошель А.С. 2020. Основания и процедура досрочного прекращения полномочий депутатов // Антиномии. Т. 20, вып. 2. С. 127-155. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10205

Ларичев А.А. 2020. Исторический и зарубежный опыт реализации принципа верховенства совета в системе местного управления и самоуправления: уроки для современной России // Актуальные проблемы российского права. Т. 15, № 3. С. 81-88. DOI 10.17803/1994-1471.2020.112.3.081-088

Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. 2021. Роль юридической ответственности в реализации принципа единства публичной власти в Российской Федерации // Правоприменение. Т. 5, № 4. С. 43-54. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(4).43-54

Михеева Т.Н., Куприн М.А. 2021. О некоторых проблемах муниципально-правовой ответственности // Образование и право. № 4. С. 118-121. DOI 10.24412/2076-1503-2021-4-118-121

Правдин Д.Г. 2012. Правовое регулирование взаимодействия представительного и исполнительно-распорядительного органов в муниципальном образовании в Российской Федерации. Москва : ДМК Пресс. 160 с.

Томилова И.И., Школяренко Е.А. 2021. К вопросу о соотношении муниципально-правовой ответственности и конституционно-правовой ответственности // Муниципальная служба: правовые вопросы. № 2. С. 27-29.

Филиппова А.В. 2018. Границы муниципально-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности // Государственная власть и местное самоуправление. № 11. С. 30-35.

Холодов В.А. 2018. Устав муниципального образования в системе нормативных правовых актов органов местного самоуправления: юридико-технические особенности структуры и содержания // Муниципальная служба: правовые вопросы. № 4. С. 5-8.

Шугрина Е.С. 2005. Особенности конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. № 5. С. 34-40.

Eberhardt M.L. 2019. Revocatoria de mandato en Perú: Diseño institucional y resultados de su aplicación // Revista Derecho del Estado. No. 43. P. 321-350. DOI 10.18601/01229893.n43.12

Fernández-Rubio Hornillos, G. 2017. Competencias municipales: Tipologías y régimen jurídico: tesis doctoral. Madrid : Universidad Complutense de Madrid. 538 p. URL: <https://eprints.ucm.es/id/eprint/41062/1/T38335.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

Galán Galán A. 2012. Crisis económica y competencias impropias de los gobiernos locales // Crisis económica y reforma del régimen local / coordinado por L. Cosculluela Montaner, L. Medina Alcoz, M. Hernando Rydings, E. Carbonell Porrás. Aranzadi Thomson Reuters. P. 329-346.

References

Alekseev I.A. *Municipal Legal Responsibility: Problems of Theory and Practice*, Moscow, Prospekt, 2015, 320 p. (In Russ.).

Babichev I.V., Shugrina E.S. (eds.) *Commentary to the Federal Law “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” (article-by-article)*, Moscow, Norma & INFRA-M, 2015, 672 p.

Bagmet A.M., Bychkova E.I. Some Problems of Municipal Law Making, *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2021, no. 9, pp. 44-46. (In Russ.). DOI 10.18572/1813-1247-2021-9-44-46

Baranov P.P. Legistky Positivism in Modern Russia, *Severo-Kavkazskij juridicheskii vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin], 2015, no. 1, pp. 9-15. (In Russ.).

Bershickii E.E. *Legal Certainty and Evaluative Categories: A Brief Essay on the Example of Offenses in Various Branches of Law*, Moscow, M-Logos, 2021, 154 p. (In Russ.).

Eberhardt, M. L. Revocatoria de mandato en Perú: diseño institucional y resultados de su aplicación [Recall in Perú: Institutional Design and Results of Its Application], *Revista Derecho del Estado* [State Law Journal], 2019, no. 43, pp. 321-350. (In Spanish). DOI 10.18601/01229893.n43.12

Fernández-Rubio Hornillos, G. *Competencias municipales: Tipologías y régimen jurídico: tesis doctoral* [Municipal Competences: Typologies and Legal Regime: PhD Thesis], Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 2017, 538 p., available at: <https://eprints.ucm.es/id/eprint/41062/1/T38335.pdf> (accessed January 31, 2023). (In Spanish).

Filippova A.V. Boundaries of the Municipal Legal Liability as an Independent Legal Liability Type, *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2018, no. 11, pp. 30-35. (In Russ.).

Galán Galán, Al. Crisis económica y competencias impropias de los gobiernos locales, *Cosculluela Montaner L., Medina Alcoz L., Hernando Rydings M., Carbonell Porrás E. (eds.) Crisis económica y reforma del régimen local* [Economic Crisis and Reform of the Local Regime], Aranzadi Thomson Reuters, 2012, pp. 329-346. (In Spanish).

Kazannik A.I., Kostyukov A.N. (eds.) *Constitutional Law: in three volumes, vol. 1*, Moscow, Prospekt, 2020, 256 p. (In Russ.).

Kholodov V.A. The Articles of Association of a Municipal Structure in the System of Statutory Acts of Local Self-Government Authorities: Legal and Technical Peculiarities of the Structure and Content, *Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy* [Municipal Service: Legal Issues], 2018, no. 4, pp. 5-8. (In Russ.).

Komlev E.Yu. *Legal Basis for the Interaction of Local Self-Government Bodies with State and Regional Authorities in Spain*, Moscow, Nauka, 2020, 199 p. (In Russ.). DOI 10.7868/9785020408258

Koshel A.S. Legal Bases and Procedure for Early Termination of Members of Parliament, *Antinomii* [Antinomies], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 127-155. (In Russ.). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10205

Larichev A.A. Historical and Foreign Experience of Implementation of the Principle of Supremacy of the Council in the System of Local Government and Self-Government: Lessons for Modern Russia, *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 3, pp. 81-88. (In Russ.). DOI 10.17803/1994-1471.2020.112.3.081-088

Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S. The Role of Legal Responsibility in the Implementation of the Principle of the Unity of Public Authority in Russia, *Pravoprimenenie* [Law Enforcement Review], 2021, vol. 5, no. 4, pp. 43-54. (In Russ.). DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(4).43-54

Miheeva T.N., Kuprin M.A. On Some Problems of Municipal Legal Liability, *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2021, no. 4, pp. 118-121. (In Russ.). DOI 10.24412/2076-1503-2021-4-118-121

Pravdin D.G. *Legal Regulation of Interaction Between Representative and Executive-Administrative Bodies of a Municipal Formation in the Russian Federation*, Moscow, DMK Press, 2012, 160 p. (In Russ.).

Shugrina E.S. Features of the Constitutional-Legal and Municipal-Legal Responsibility of Local Self-Government Bodies and Officials, *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2005, no. 5, pp. 34-40. (In Russ.).

Tomilova I.I., Shkolyarenko E.A. On the Issue of the Relationship between Municipal Legal Responsibility and Constitutional Legal Responsibility, *Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy* [Municipal Service: Legal Issues], 2021, no. 2, pp. 27-29. (In Russ.).

Varlamova N.V. Human Rights and "Value Jurisprudence", *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2022, no. 6, pp. 11-45. (In Russ.).

Zabolotskih E.M. *Responsibility of Officials and Local Self-Government Bodies: Scientific and Practical Guide*, Moscow, Prospekt, 2011, 232 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евгений Юрьевич Комлев

кандидат юридических наук, заместитель директора юридического института по научной работе, доцент кафедры муниципального права Российского университета дружбы народов; доцент департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-7246-8014;
ResearcherID: AAX-9965-2021;
Scopus AuthorID: 57221413495;
SPIN-код: 4470-8099;
E-mail: komleve@mail.ru

Evgeny Yu. Komlev

Candidate of Law, Deputy Dean for Research of the Law Institute, Associate Professor, Department of Municipal Law, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Associate Professor, School of Public Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-7246-8014;
ResearcherID: AAX-9965-2021;
Scopus AuthorID: 57221413495;
SPIN-code: 4470-8099;
E-mail: komleve@mail.ru

Кокотова М.А. Представительство населения в местных консультативных органах // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 146-161. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_146

УДК 342.571

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_146

Представительство населения в местных консультативных органах

Мария Александровна Кокотова

Уральский государственный юридический университет

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: kma004@usla.ru

*Поступила в редакцию 12.09.2022, поступила после рецензирования 19.02.2023,
принята к публикации 14.03.2023*

Целью статьи является выявление специфики представительства, осуществляемого местными консультативными органами, которые создаются для обеспечения участия населения в местном самоуправлении. Для рассмотрения данной проблемы автор опирается на зарубежный и российский опыт. В качестве теоретической базы исследования выступают такие концепции представительства, как представительство-сходство и представительство-различие (представительство-замена). Выделяются достоинства и недостатки данных теорий, рассматриваются их конкретные проявления в разных странах. Подчеркивается, что конструкции, обеспечивающие сходство представителя с народом, выработаны в первую очередь для представительных органов. Для определения состава консультативных органов наиболее оптимальным способом выступает представительство социальных групп. Однако это порождает ряд вопросов, которые нуждаются в правовом регулировании: какие социальные группы должны быть представлены в конкретном органе; каким образом определяется его структура; как отбираются представители социальных групп и т.д. Отмечается, что консультативные органы могут включать одну социальную группу или все группы, полученные в результате деления общества по какому-либо критерию. Структура органа может определяться единой его регламентом или отдельно для каждого созыва. Автор полагает, что структура консультативного органа подлежит правовому регулированию, поскольку влияет на принимаемые решения. Еще один спорный вопрос касается отбора представителей. Для этой цели могут использоваться выборы, делегирование своих членом организациями или случайная выборка. Несмотря на то, что делегирование своих членом организациями является наиболее простым способом обеспечить представительство, оно не способно вовлечь все население. Поэтому данный способ отбора нуждается в дополнительных гарантиях, таких как объективные критерии выбора организации и демократичный способ отбора организацией своего представителя.

© Кокотова М.А., 2023

Ключевые слова: представительство, сходство, различие, замена, местные консультативные органы, общественные организации, случайная выборка

Representation of Population in Local Consultative Bodies

Maria A. Kokotova

Ural State Law University
Yekaterinburg, Russia
E-mail: kma004@usla.ru

Received 12.09.2022, revised 19.02.2023, accepted 14.03.2023

Abstract. The aim of this article is to identify the specifics of representation, realized by the local consultative bodies, which are created to ensure the participation of citizens in local government. To consider this problem, the author relies on foreign and Russian experience. Such concepts of representation as representation-resemblance and representation-distinction (representation-substitution) serve as the theoretical basis of the research. The author highlights the advantages and disadvantages of these theories and examines their specific manifestations in different countries. It is emphasized that the structures ensuring the similarity of the representative with the people are developed primarily for representative bodies. To determine the composition of consultative bodies, the most optimal way is the representation of social groups. However, this raises a number of issues that need legal regulation: which social groups should be represented in a particular body; how its structure is determined; how representatives of social groups are selected, etc. It is noted that consultative bodies might include only one social group or all the groups emerged as a result of the division of society according to some criteria. The structure of the body may be defined once by its rules of procedure or separately for every convocation of the body. The author believes that the structure of the consultative body is subject to legal regulation since it affects the decisions taken. Another controversial issue concerns the selection of representatives. For this purpose, elections, delegation of members by associations or random selection can be used. Despite the fact that delegation of members is the easiest way to ensure representation, it is unable to engage the whole population. Therefore, this method of selection needs additional guarantees such as objective legal criteria for choosing an association and the democratic way for the association to select its representative.

Keywords: representation, resemblance, distinction, substitution, local consultative bodies, associations, random selection

For citation: Kokotova M.A. Representation of Population in Local Consultative Bodies, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 146-161. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_146

Введение

Участие населения в осуществлении публичной власти, и в частности местного самоуправления, предоставляет дополнительные возможности для реализации народовластия сверх тех, что выработаны непосредственной и

представительной демократией (Borella 2012: 5). Для любых институтов народовластия принципиален вопрос об адекватности отражения ими воли населения. Рассматривая с этой точки зрения формы участия, их можно разделить на те, в которых могут участвовать все заинтересованные жители, отвечающие установленным цензам (например, сход, публичные слушания, местный консультативный референдум, опрос), и те, где участвует лишь относительно небольшая часть жителей (консультативные палаты и советы).

Если формы наподобие схода заведомо можно считать выражением воли населения, то консультативные органы смогут претендовать на это только в том случае, если порядок их формирования будет гарантировать, что их члены являются представителями всего населения.

Из существующих теорий представительства для нашего исследования наиболее целесообразно сопоставление, с одной стороны, представительства-сходства, с другой – представительства-различия (Sintomer 2013: 29), или представительства-замены (Ankersmit 2013: 458). В первом случае предполагается сходство представителя с представляемыми; во втором достаточно соблюдения надлежащего порядка подбора представителя.

Конструкции, обеспечивающие сходство представителя с представляемыми (народом), выработаны, прежде всего, для представительных органов, но возможно оценить их применимость и к консультативным органам. К таким конструкциям можно отнести императивный мандат, требующий наличия наказов, предназначение которых состоит в том, чтобы «очерчивать на основе конституции пределы полномочий представителей и представительных органов и давать народу, поручившему этим органам осуществление государственной власти, право контролировать представителей и представительные органы, а если представитель нарушает требования наказа, лишать его полномочий» (Коток 1967: 22). Однако с учетом того, что депутат представляет неоднородную группу людей, которые могут иметь противоположные мнения по одному вопросу, представительство даже при описанных условиях все равно остается в определенной степени фиктивным. Кроме того, императивный мандат не так широко распространен, как свободный (Васькова 2006: 76), при котором цель выражения депутатом воли непосредственно голосующих за него избирателей вообще не ставится, поскольку он «признается представителем всего населения (а не избирательного округа)» (Коновалова 2017: 58).

Если исходить из того, что невозможно обеспечить адекватное отражение депутатом воли его избирателей, остается думать только о качестве принимаемых решений. Но тогда нет и оснований считать, что лучшее решение примут именно выборные должностные лица. Если нет причин полагать, что рядовой гражданин может понять все тонкости парламентской борьбы, то невозможно поверить, что он выберет лучшего кандидата из всех возможных. Если избиратель не понимает, что депутат должен делать в парламенте, значит, он не знает, какие качества для этого нужны; к тому же избирателю трудно получить достоверную и полную информацию о том, какими качествами наделен конкретный депутат.

В такой логике, вероятно, рациональнее было бы вообще отказаться от института депутатского мандата в пользу профессиональных управленцев, приходящих к власти по конкурсу. Применительно к консультативным органам данный подход уже реализуется посредством вовлечения в их работу экспертов. Так, Консультативный совет Мадрида состоит из юристов с 15-летним опытом и лиц, ранее занимавших муниципальные должности (п. 2 ст. 7 закона, регулирующего деятельность Совета¹), а Консультативный совет Висбадена по дизайну и памятникам – из архитекторов, инженеров, специалистов по планированию городской среды и ландшафта, защите памятников (п. 3 § 2 положения о Совете²). В конце концов для того, чтобы представить себе структуру интересов в местном сообществе, нет необходимости опрашивать граждан и выяснять позицию общественных организаций. Имея данные о том, в каких сферах заняты местные жители, в каких районах они проживают, уже можно предугадать их позицию по многим вопросам.

Однако концепция народовластия в современных государствах имеет настолько важное значение для легитимации публичной власти, что ее вряд ли можно полностью заменить экспертным суждением. Поэтому остается необходимость в поиске *альтернативных способов* решения данной проблемы.

Такие способы предлагает концепция представительства-различия. В правовом регулировании консультативных органов выработан способ, при котором акцент делается на составе органа, который должен включать представителей от разных социальных групп. Для обозначения способности органов, создаваемых по данному принципу, выражать мнение населения, используется термин «представительность» (см., напр.: Харц-Карп, Веймут 407). Такие консультативные органы предусмотрены, в частности, в законах об экономических и социальных советах Андалусии (ст. 8)³, Кантабрии (п. 1 ст. 2)⁴, Буэнос-Айреса (ст. 7)⁵, Мехико (ст. 6)⁶.

¹ Ley 6/2007, de 21 de diciembre, reguladora del Consejo Consultivo de la Comunidad de Madrid // Boletín Oficial del Estado. 3 de marzo de 2008. Núm. 54. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2008/BOE-A-2008-4061-consolidado.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

² Ordnung für den Gestaltungs- und Denkmalbeirat der Landeshauptstadt Wiesbaden (in der Fassung des Beschlusses der Stadtverordnetenversammlung Nr. 0336 vom 1. Oktober 2015, geändert durch Beschluss der Stadtverordnetenversammlung Nr. 0363 vom 14. September 2017) // Landeshauptstadt Wiesbaden. URL: https://www.wiesbaden.de/medien-zentral/dok/rathaus/stadtrecht/1_-_3.4_Gestaltungsbeiratsordnung_Stand_2019.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

³ Ley 5/1997, de 26 de noviembre, del Consejo Económico y Social de Andalucía // Portal oficial de la Junta de Andalucía. URL: <https://www.parlamentodeandalucia.es/webdinamica/portal-web-parlamento/pdf.do?tipodoc=coleccion&id=3437&cley=5> (дата обращения: 22.08.2022).

⁴ Ley 8/2018, de 11 de diciembre, del Consejo Económico y Social de Cantabria // Boletín Oficial de Cantabria. 19 de diciembre de 2018. Núm. 246. URL: <https://boc.cantabria.es/boces/verAnuncioAction.do?idAnuBlob=333536> (дата обращения: 22.08.2022).

⁵ Ley No. 3317 – Funcionamiento del Consejo Económico y Social de la CABA (Buenos Aires, 26 de noviembre de 2009) // Consejo Economico y Social de la Ciudad de Buenos

Логика данного подхода можно описать следующим образом. Теория сходства предполагает, что лицо может надлежащим образом представлять интересы тех, кто схож с ним. Соответственно, если нет возможности обеспечить участие всех местных жителей, нужно пригласить по меньшей мере одного представителя от каждой социальной группы, и вместе они составят модель местного сообщества. Если решение принимается голосованием, то значение имеет также количественное соотношение представителей разных социальных групп. Тогда результат голосования группы теоретически будет близок к тому, который получился бы при голосовании всех местных жителей.

Данная логика, думается, наиболее подходит консультативным органам, для членов которых минимален риск отрыва от своей социальной группы и забвения ее интересов, грозящий тем, кто осуществляет властные полномочия на профессиональной основе. Об этом, в частности, пишет М. Дюверже (Дюверже 2002: 246). Члены консультативного органа не являются представителями власти, они по-прежнему остаются частью населения, своей социальной группы и в силу этого не могут забыть о ее нуждах.

Состав представляемых социальных групп

Идея отдельного представительства разных социальных групп предлагает логичное объяснение того, почему представитель будет защищать интересы представляемых. Консультативный орган, являющийся «обществом в миниатюре», представляющий все социальные группы местного сообщества, можно бы было считать таким же надежным выразителем интересов местного населения, как и референдум.

В то же время очевидно, что при применении данного способа результат в значительной степени зависит от того, как определено понятие «социальная группа». Как пишет Ф. Анкерсмит, «нет “сходства” или “истинного представительства” в отсутствие определенных “систем счисления”, “правил проектирования” и т.д., которые определяют, что *считается* сходством» (Ankersmit 2013: 460). Следовательно, соответствие позиции, выработанной консультативным органом, воле местного населения будет обеспечено только в той мере, в какой мы составили верное представление о структуре населения. Для органа, действительно представляющего собой модель общества, нужно было бы найти идеальную схему, исчерпывающим образом описывающую структуру этого общества.

В социологии выработан ряд подходов к определению социальной группы. Однако для права, как представляется, различие между ними не так актуально; им используется, как правило, идеологический подход, берущий

Aires. URL: <http://www.cesba.gob.ar/ver-ley-ley-n-3317-funcionamiento-del-consejo-economico-y-social-de-la-caba-608> (дата обращения: 22.08.2022).

⁶Ley del Consejo Económico, Social y Ambiental de la Ciudad de México (publicada en la Gaceta oficial de la Ciudad de México el 25 de julio de 2019) // Congreso de la Ciudad de México. URL: <https://www.congresocdmx.gob.mx/media/documentos/604ea59a935ea3cac9fd4064ebaac0915fed0300.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

за основу группу, «разделяющую одни и те же интересы или одну и ту же идеологию» (Галлямов, Горемыкина 2017: 138). Однако и на основании этого подхода население можно поделить на разные социальные группы, если руководствоваться различными критериями деления.

В социологии по функциональному предназначению выделяют родственные, локальные (связанные соседством), мистико-экстатические группы, группы экономической активности и те, что не ориентированы на получение прибыли (Гурвич 2004: 728). Консультативный орган, который будет содержать подразделения, представляющие все названные социальные группы, едва ли возможен. При этом человек принимает решение, исходя из сложной совокупности факторов, с учетом всех своих «ипостасей» (национальной, религиозной принадлежности, социального статуса и т.д.), поэтому, опираясь лишь на одну из них, невозможно предвидеть результат.

Более того, исходя из вышесказанного, представительство более чем одного человека в принципе невозможно. Но поскольку оно все же необходимо, вероятно, следует абстрагироваться от этих соображений и использовать представительство различных социальных групп как наиболее приближенный к идеалу, хотя и не достигающий его вариант. При этом, конечно, нужно осознавать, что в таких органах представлены не все социальные группы, и это влияет на достоверность их выводов.

Таким образом, представительство социальных групп можно назвать применяющимся на практике и, думается, оптимальным способом определения состава консультативных органов. Конечно, как и другие виды представительства, оно порождает по меньшей мере три проблемы, которые нуждаются в правовом регулировании: какие социальные группы должны быть представлены в конкретном органе; кто будет его определять; как будут отбираться представители этих социальных групп.

Существует два вида органов с точки зрения *представительности в них социальных групп*. Первые предназначены для выражения интересов одной группы и, соответственно, не могут служить моделью общества сами по себе. Скорее, они являются проявлением позитивной дискриминации, создаваясь для групп, по каким-то причинам находящимся в уязвимом положении: инвалиды (например, § 80 устава земли Саксония-Анхальт в ФРГ)⁷, пожилые люди (п. 2 ст. 10 регламента Совета пожилых людей испанской Сеуты⁸) и т.д. Тем самым выравнивается уровень защиты их прав по отношению к остальному населению, а значит, обеспечивается адекватное представление интересов всех имеющихся социальных групп.

Второй вид органов включает представителей сразу нескольких социальных групп, интересы которых зачастую противоречат друг другу.

⁷ Kommunalverfassungsgesetz des Landes Sachsen-Anhalt vom 17. Juni 2014 // Landesrecht Sachsen-Anhalt. URL: <https://www.landesrecht.sachsen-anhalt.de/bsst/document/jlr-KomVerfGST2014rahmen> (дата обращения: 22.08.2022).

⁸ Reglamento del Consejo del Mayor, de 14 de febrero de 2003 // Portal oficial del Ayuntamiento de Ceuta. URL: <https://www.ceuta.es/ceuta/46-paginas/paginas/normativa/133-reglamento-del-consejo-del-mayor-de-14-de-febrero-de-2003> (дата обращения: 22.08.2022).

Так, в Экономический и социальный совет Андалусии входят в равных долях представители бизнеса, профсоюзов и организаций потребителей. Экономический и социальный совет Кантабрии добавляет к этим группам представителей организаций аграрного и рыболовецкого сектора, а также социально-экономических организаций. Одна из задач подобных органов состоит в том, чтобы рассмотреть тот или иной вопрос сразу с нескольких позиций.

Интересно, что за основу создания модели общества берутся именно экономические интересы, вероятно, как стабильно и четко подразделяющие людей на группы, а также наиболее значимые. В принципе можно представить себе и иные сферы, в которых общество подразделяется на группы с не вполне совпадающими интересами, представительством которых занимаются общественные организации, способные участвовать в работе консультативных органов. Так, актуальным для любого города вопросом является организация дорожного движения. В России его участники объединены в организации автомобилистов (например, Всероссийское общество автомобилистов), велосипедистов (например, Екатеринбургское общество велосипедистов) и пешеходов (Союз пешеходов). Аналогично развитие городской инфраструктуры интересует экологические и строительные организации. Думается, что интересы подобного рода тоже могут быть представлены в местных консультативных органах.

Однако такую модель можно построить не со всеми социальными группами. В частности, для правового регулирования важно различие между группами, объединяющими людей со схожими интересами (например, работников, предпринимателей, инвалидов, молодежь) и со схожими убеждениями (в качестве примера можно назвать экологов, религиозные группы). Интерес в большей степени, чем убеждения, задается объективно, соответственно, легче сформулировать критерии для отбора членов органа. Состояние здоровья, социальный статус, возраст человека подтверждаются документами либо просто видны с первого взгляда. Приверженность определенным убеждениям, напротив, выражается в отдельных поступках и высказываниях, обобщение и документирование которых были бы трудоемким и даже нелепым процессом. Самым простым доказательством является принадлежность к общественной организации, пропагандирующей соответствующие взгляды, но это не подходит тем, кто исповедует убеждения, не являясь членом какой-либо организации. Сказанное не означает, что представительство людей с различными убеждениями невозможно и не практикуется, просто оно распространено в меньшей степени.

Соответственно, описывая по тому или иному критерию социальные группы, представленные в муниципалитете, можно составить достаточно полное описание его структуры. Если же основывать описание на воззрениях, то оно будет относиться только к жителям, которые имеют и высказывают свою позицию.

В России есть органы как первого, так и второго типа. Однако в последних выработан несколько иной вариант представления модели местного сообщества. Если структура описанных выше экономических, социальных

и экологических советов строится по одному критерию (экономическому интересу членов), то в состав российских общественных палат и советов при местных органах власти могут входить группы, разделяемые по самым разным критериям (экономический интерес, религиозные убеждения, национальная принадлежность и др.). Причем по части критериев имеется представительство не всех возможных групп. Например, есть советы, где представлены только христиане⁹ или включены не все национальные группы¹⁰.

Можно предположить, что члены таких органов не защищают только свою социальную группу, а являются авторитетными людьми, в задачу которых входит применить свои знания и опыт на благо всех. Достоинство подхода заключается в возможности рассматривать обсуждаемые вопросы с самых разных позиций. Однако слабость такой модели в том, что она будет работать лишь при определенной степени альтруизма и осознанного самоограничения членов, тогда как представительство всех социальных групп работает и в том случае, если каждый будет защищать только свои узкогрупповые интересы. Право же, думается, должно быть рассчитано не на идеальное поведение, а на отклонения от него.

Порядок определения состава представляемых групп

Состав групп может устанавливаться либо единожды в нормативном правовом акте, посвященном участию в данном муниципальном образовании, либо в каждом конкретном случае организаторами. Думается, первый вариант более демократичен, поскольку представительность социальных групп в консультативном органе – значимый момент, который влияет на содержание принимаемых им решений, а значит, подлежит правовому регулированию. В то же время консультативный орган, сформированный по единожды установленному принципу, вряд ли сможет быть «обществом в миниатюре» при решении любого вопроса. Ведь если интересы нескольких лиц совпадают в одном случае, это не значит, что они совпадут и во всех остальных.

Исходя из этого, наиболее последовательно идея формирования органа, где представлены все социальные группы, реализуется в концепции жюри (форумов), которые можно назвать смежной с консультативными органами формой участия граждан¹¹. Жюри не заседает постоянно, а собирается для

⁹ Например, в составе Общественного совета Сургута (<https://admsurgut.ru/rubric/22513/Sostav-Obschestvennogo-soveta>), хотя в городе есть последователи и иных религий, в том числе мусульмане (<https://www.rusprofile.ru/id/4370524>).

¹⁰ В составе второго созыва Общественной палаты Краснодара из таких организаций представлен только Союз армян России (<https://op-krd.ru/about-chamber/board-of-chamber/>); в Общественной палате Ульяновска представлены украинская, мордовская и татарская национально-культурные автономии (<https://ulmeria.ru/ru/node/80099>), хотя в городе есть также еврейские, чувашские, азербайджанские и другие национальные общественные организации (<https://ulmeria.ru/ru/node/69666>).

¹¹ О таких формах пишет, например, В.Н. Руденко (Руденко 2018).

решения конкретного вопроса; его состав каждый раз определяется заново органами местного самоуправления. Кандидатов в члены жюри нужно брать из списка добровольцев, зарегистрировавшихся в установленном порядке, и в совокупности они должны образовать модель общества. Например, участники Молодежного форума, проходившего в Барселоне с июля 2021 г. по март 2022 г., подразделялись, исходя из пола, возраста, происхождения и места жительства, чтобы составить социоэкономическую и демографическую модель молодежи, проживающей в этом городе¹².

Альтернативным вариантом является организация обсуждения со всеми желающими членами местного сообщества, что возможно, если оно проводится в виде интернет-форума. Такой формат схож с обсуждением в социальных сетях. Текст обсуждаемого проекта выкладывается на официальном портале для участия, и все желающие могут оставлять свои комментарии о нем либо голосовать за или против по уже оставленным комментариям. Подобные формы предусмотрены, например, ст. 18 закона о транспарентности и гражданском участии в испанском автономном сообществе Кастилия и Леон¹³. Однако качество таких обсуждений часто подвергается критике. Отсутствие личных контактов, асинхронность общения, письменная речь вместо устной не позволяют провести полноценное обсуждение; к тому же оказываются исключены те, «чье неучастие в политике и социальной жизни умножается на отсутствие в цифровой сфере» (Türk 2018: 9).

Интересно, что в законе о партисипативной демократии Канарских островов два описанных способа сочетаются: если по вопросу, для решения которого формируется группа, уже проводится интернет-форум, то члены группы должны набираться именно из его участников. Причем сразу оговаривается, что количество участников не должно превышать 10 человек (п. 2 ст. 23 закона о развитии участия граждан)¹⁴. Такой способ интересен тем, что, хотя он и не обеспечивает всеобщего участия, все же позволяет создавать группу из лиц, которые уже проявили интерес к обсуждаемой проблеме, а также предоставить этим лицам возможность провести дискуссию без ограничений, налагаемых дистанционной формой обсуждения.

Данный вариант, несмотря на все его плюсы, выглядит не свободным от некоторого произвола должностных лиц и довольно сложным в организационном плане. Поэтому в постоянно действующих консультативных органах применимо, скорее, однократное определение состава представленных социальных групп, а также количества представителей от каждой из них в акте, регулирующем статус органа.

¹² Fòrum Jove BCN // Decidim.Barcelona. URL: <https://www.decidim.barcelona/processes/forumjoveBCN> (дата обращения: 22.08.2022).

¹³ Ley 3/2015, de 4 de marzo, de transparencia y participación ciudadana de Castilla y León // Boletín Oficial del Estado. 27 de marzo de 2015. Núm. 74. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2015/BOE-A-2015-3281-consolidado.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁴ Ley 5/2010, de 21 de junio, Canaria de fomento a la participación ciudadana // Boletín Oficial del Estado. 12 de julio de 2010. Núm. 168. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2010/BOE-A-2010-10985-consolidado.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Когда структура органа определена, встает вопрос о том, из кого и как следует отбирать его членов. Наиболее очевидным ответом будет предложение организовать выборы членами социальной группы представителя из своего состава. Данный способ позволяет обеспечить независимость консультативного органа и гарантирует, что представитель будет иметь определенный авторитет в представляемой группе, поскольку он был ею избран. Это предусмотрено, например, в уставах отдельных земель ФРГ – Гессена¹⁵ (п. 1 § 86 и п. 1 § 82), Шлезвиг-Гольштейна (§ 47d)¹⁶, Бранденбурга (п. 2 § 19)¹⁷. Однако реализация такого способа связана с определенными проблемами. Проще взаимодействовать с несколькими организациями, чем со всей социальной группой, и отбор представителя в этом случае отчасти осуществляется самой организацией. Кроме того, организации могут представлять социальные группы, объединенные не только по интересам, но и убеждениям (например, активисты природоохранного движения). В этом случае сама принадлежность к организации будет доказывать наличие у человека соответствующих взглядов. Еще одним достоинством является опыт общественной работы у отобранных таким образом лиц.

Однако в данном случае из процесса исключаются те представители социальной группы, кто не состоит ни в какой организации. С другой стороны, даже если организация специализируется на представительстве интересов определенной социальной группы, она вовсе не обязательно состоит из ее членов, как, например, благотворительные организации, защищающие права инвалидов¹⁸. Впрочем, последнее вовсе не обязательно является недостатком. Разумеется, конструкция, при которой интересы социальной группы защищает член этой группы, хороша тем, что она будет работать даже в условиях, когда каждый защищает только свой интерес. В то же время, вероятно, в этом не всегда есть необходимость. Сама концепция благотворительной организации предполагает, что ее участники представляют интересы других лиц, воспринимают их проблемы как свою зону ответственности. Значит, вполне допустимо, что они будут защищать эти интересы, в том числе в формате работы консультативного органа.

¹⁵ Hessische Gemeindeordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. März 2005 // Bürgerservice Hessenrecht. URL: <https://www.rv.hessenrecht.hessen.de/bshe/document/jlr-GemONE2005rahmen> (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁶ Gemeindeordnung für Schleswig-Holstein in der Fassung vom 28. Februar 2003 // Flensburg. URL: https://www.flensburg.de/PDF/Gemeindeordnung_für_Schleswig_Holstein.PDF?ObjSvrID=2306&ObjID=2158&ObjLa=1&Ext=PDF&WTR=1&ts=1462268145 (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁷ Kommunalverfassung des Landes Brandenburg vom 18. Dezember 2007 // Landesregierung Brandenburg. URL: <https://bravors.brandenburg.de/gesetze/bbgkverf> (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁸ Так, согласно абз. 2 § 3 устава Консультативного совета инвалидов Кия в его состав входит один депутат представительного органа, два от социальных ассоциаций, один от благотворителей, восемь от организаций самопомощи. См.: Satzung der Landeshauptstadt Kiel für den Beirat für Menschen mit Behinderung vom 4. Januar 2018. URL: <https://www.inklusion-kiel.de/ueber-den-beirat/satzung/> (дата обращения: 22.08.2022).

Еще одним недостатком является то, что организации «не основаны на равном представительстве различных социальных групп» (Kirszbaum 2016: 4), а значит, набирая из них членов консультативного органа, вряд ли можно создать полную и адекватную модель местного сообщества. К тому же таким образом нельзя решить задачу вовлечения¹⁹ в осуществление публичных дел лиц, которые ранее ими не интересовались, ведь членами организации являются местные жители с наиболее активной общественной позицией.

Однако указанные проблемы можно минимизировать, предусмотрев формирование органа одновременно из представителей общественных организаций и просто граждан. К тому же такой прием обеспечивает повышение квалификации участников за счет обмена и противопоставления разных типов знаний (Nez 2013: 23).

Также существует риск, что рядовые члены организации будут отстранены от участия в избрании ее представителя в состав консультативного органа. Это можно преодолеть, если условием выдвижения кандидата будет предоставление протокола его избрания на общем собрании.

Порядок дальнейшего отбора кандидатов, представленных организациями, также влияет на степень их независимости. Если в муниципалитете есть несколько организаций, представляющих одну и ту же социальную группу, и каждая хочет участвовать в работе консультативного органа, то необходимо каким-то образом организовать отбор. Вряд ли здесь нужны выборы, это довольно трудоемкий и дорогостоящий процесс; при этом достоинства участия организаций, позволяющего упростить процедуру формирования консультативного органа, будут потеряны. Такой порядок, как назначение органами местного самоуправления, можно назвать не вполне демократичным, поскольку, если состав органа полностью определяется властями, организации, представляющие идеи и интересы, не рассматриваемые законодателем и местными властями в качестве приоритетных, могут быть не допущены к работе консультативного органа.

Соответственно, нужны нормативно закрепленные объективные критерии, определяющие, какая из схожих организаций должна быть представлена. По такому пути идут законодатели отдельных автономий Испании, предлагая в качестве критерия количество членов организации, то есть победить должна самая популярная в муниципалитете (ст. 8 закона об Экономическом и социальном совете Андалусии; пп. 2, 3 ст. 2 закона об Экономическом и социальном совете Кантабрии). Данный критерий в каком-то смысле заменяет выборы, во всяком случае, также следует логике подчинения народной воле, выраженной в количественных показателях. Для обеспечения демократичного характера участия в осуществлении местного самоуправления вряд ли можно придумать лучшие требования, а опытность и компетентность участника гарантируются уже благодаря тому, что речь идет о представителе организации, а не о рядовом гражданине.

¹⁹ В контексте настоящего исследования можно пренебречь разницей между участием населения в осуществлении местного самоуправления и вовлечением населения в осуществление местного самоуправления.

Альтернативой выбору наиболее популярной организации является выбор случайного участника по жребию из тех, кто отвечает установленным требованиям. Правда, данный способ, как отмечалось выше, используется для формирования не постоянных консультативных органов, а жюри (форумов)²⁰, создаваемых *ad hoc*. Тем не менее представляется, что он вполне подходит и для общественных палат (советов). Жребий не гарантирует победу организации, имеющей наибольшее количество членов, зато повышает шансы на то, что победитель каждый раз будет разным. Таким образом, в перспективе будет представлено большее количество местных жителей.

Конечно, представительство только организаций в любом случае способно обеспечить вовлечение лишь их членов, а не всех местных жителей. Данную проблему может решить совмещение представительства организаций и отдельных граждан (подобное практикуется в формате жюри²¹ и некоторых консультативных органов²²).

Заключение

Вряд ли можно создать модель представительности, которая позволяла бы одному человеку адекватно транслировать волю сотен и тысяч других людей. Концепция представительства каждой социальной группы по отдельности, а не всего местного населения является альтернативой традиционной концепции общей воли народа (Руссо 1998: 209). Она предлагает такие гарантии соответствия решений представителя воле представляемых, какие не обеспечиваются всеобщими равными выборами. К тому же традиционная концепция представительства, основанная на идее общей воли народа, уже используется для формирования представительных органов власти. Если консультативный орган должен предоставлять информацию

²⁰ Предусмотрены, например, в отдельных автономиях Испании – Каталонии (п. 5 ст. 55 закона о народных консультациях, не являющихся референдумом, и иных формах гражданского участия), Канарских островах (п. 2 ст. 23 закона о развитии гражданского участия) и Валенсии (п. 1 ст. 46 bis закона о транспарентности, качественном управлении и гражданском участии в Валенсийском сообществе). См. соответственно: Ley 10/2014, de 26 de septiembre, de consultas populares no referendarias y otras formas de participación ciudadana (Comunidad Autónoma de Cataluña) // Boletín Oficial del Estado. 16 de marzo de 2015. Núm. 64. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2015/BOE-A-2015-2743-consolidado.pdf>; Ley 5/2010, de 21 de junio, canaria de fomento a la participación ciudadana // Boletín Oficial del Estado. 12 de julio de 2010. Núm. 168. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2010/BOE-A-2010-10985-consolidado.pdf>; Ley 2/2015, de 2 de abril, de transparencia, buen gobierno y participación ciudadana de la comunitat Valenciana // Boletín Oficial del Estado. 24 de abril de 2015. Núm. 100. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2015/BOE-A-2015-4547-consolidado.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

²¹ В качестве примера можно привести упоминаемый выше закон Каталонии о формах гражданского участия (пп. 4, 5 ст. 55).

²² Это предусмотрено, например, в принятом в 1998 г. законе о муниципальных советах по безопасности Португалии (пп. i, j. п. 1 ст. 5). См.: Lei 33/98 de 18 de julho // Diário da República. I Série-A. 18 de julho de 1998. No. 164. URL: https://www.cm-arruda.pt/uploads/Lei33_98.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

об интересах и воле местного населения, новую в сравнении с той, что уже имеют органы местного самоуправления, то и формироваться он должен иначе. Поэтому само различие концепций, используемых при формировании представительного и консультативного органов, можно рассматривать как достоинство.

Однако возникает вопрос, каким образом примирить интересы и воззрения разных социальных групп. Объединяющим фактором могут быть сами институты участия: люди имеют противоречащие интересы, но верят, что конституционно-правовые институты обеспечат принятие наиболее справедливого и выгодного для большинства решения. В то же время представляется, что такая концепция не вполне отвечает специфике российского понимания народного единства, как оно описывается в литературе. Это понимание хорошо выразил Р.А. Данакари: «Не умаляя положительных аспектов толерантности, отметим, что сегодня важно не просто пропагандировать терпимое отношение друг к другу, представителям другого этноса или национальности, а активно трудиться над формированием интегрального социума с общими целями и ценностями, где взаимное доверие, мир, согласие, гармоничные межэтнические отношения стали бы нормой жизни» (Данакари 2011: 168-169). Иными словами, одной из основ легитимности российской государственности является вера (пусть даже и невысказанная) в то, что люди будут проявлять альтруизм во имя единства и солидарности, а не защищать исключительно свои личные или узкогрупповые интересы. При этом в настоящее время в российской правовой системе существуют различные институты защиты именно групповых интересов: уполномоченный по защите прав предпринимателей, комиссия по делам инвалидов, национально-культурные и религиозные организации. Это позволяет предположить, что защита групповых интересов не отрицается, а лишь ограничивается.

Критерием выступает сфера деятельности: в России политические партии не могут создаваться для защиты интересов социальных групп (п. 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях»²³), в отличие от других видов некоммерческих организаций. Данное различие можно объяснить тем, что, во-первых, политические партии активно транслируют свою позицию, в частности, в предвыборной агитации; во-вторых, в случае победы смогут участвовать в принятии общеобязательных решений. Участие в осуществлении местного самоуправления обычно предполагает исключительно консультативные функции, соответственно, представительство интересов разных социальных групп не вступает в противоречие с идеей единства.

Таким образом, можно заключить, что концепция представительства каждой социальной группы по отдельности вполне применима в России и является оптимальной для консультативных органов. Конечно, при условии,

²³ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17169> (дата обращения: 22.08.2022).

что они «будут не альтернативой, а дополнением к институтам публично-го представительства», основанного на формировании воли, а не на представительстве интересов (Филиппова 2013: 103, 111). Большую роль в этом представительстве, как правило, играют некоммерческие организации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васькова Л.Г. 2006. Соотношение свободного мандата с институтами обязанностей и ответственности депутата современного парламента (зарубежный опыт) // Российский юридический журнал. № 3. С. 76-80.

Галлямов Р.Р., Горемыкина Л.И. 2017. Понятие «социальная группа» в современной науке: основные теоретические подходы (зарубежные трактовки) // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. № 3. С. 133-139.

Гурвич Г.Д. 2004. Философия и социология права : избранные сочинения. Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета. 848 с.

Данакари Р.А. 2011. Полиэтническое пространство России: движение от толерантности к доверию и дружбе между народами // Философия социальных коммуникаций. № 4. С. 162-174.

Дюверже М. 2002. Политические партии. Москва : Академический проект. 560 с.
Коновалова Л.Г. 2017. Значение свободного и императивного мандата депутата для обеспечения представительного правления: вопросы конституционно-правовой теории // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. № 15. С. 57-59.

Коток В.Ф. 1967. Наказы избирателей в социалистическом государстве: императивный мандат. Москва : Наука. 134 с.

Руденко В.Н. 2018. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 18, вып. 4. С. 97-125.

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Москва : КАНОН-пресс : Кучково поле. 416 с.

Филиппова Н.А. 2013. Новые институты гражданского участия в России как национальный вариант делегативной демократии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 13, вып. 2. С. 101-114.

Харц-Карп Дж., Веймут Р. 2019. Партиципаторное бюджетирование в Австралии // Надежда на демократию: 30 лет партиципаторного бюджетирования в мире / под ред. Н. Диаса. Москва : Алекс. С. 403-422.

Ankersmit F. 2013. Representative Democracy // *Antíteses*. Vol. 6, no. 12. P. 456-467. DOI 10.5433/1984-3356.2013v6n12p456

Borella F. 2012. La situation actuelle du droit constitutionnel // *Revue française de droit constitutionnel*. Vol. 89, no. 1. P. 3-10. DOI 10.3917/rfdc.089.0003

Kirszbaum T. 2016. Démocratiser l'action publique locale avec les corps intermédiaires associatifs? // *Jurisassociations*. No. 541. URL: <https://shs.hal.science/halshs-01333678v2> (дата обращения: 22.08.2022).

Nez H. 2013. Qui est légitime pour représenter les intérêts de la population ? Luites urbaines et institutions participatives en France et en Espagne // *Revue internationale de politique comparée*. Vol. 20, no. 1. P. 7-23. DOI 10.3917/ripc.201.0007

Sintomer Y. 2013. Les sens de la représentation politique: usages et mésusages d'une notion // Raisons politiques. Vol. 50, no. 2. P. 13-34. DOI 10.3917/rai.050.0013

Türk P. 2018. La citoyenneté à l'ère numérique // Revue du droit public. No. 3. URL: <https://hal.univ-cotedazur.fr/hal-02491660> (дата обращения: 22.08.2022).

References

Ankersmit F. Representative Democracy, *Antíteses*, 2013, vol. 6, no. 12, pp. 456-467. DOI 10.5433/1984-3356.2013v6n12p456

Borella F. La situation actuelle du droit constitutionnel [The Current Situation of Constitutional Law], *Revue française de droit constitutionnel* [French Journal of Constitutional Law], 2012, vol. 89, no. 1, pp. 3-10. (In French). DOI 10.3917/rfdc.089.0003

Danakari R.A. Multi-Ethnic Area of Russia: Development from Tolerance to Trust and Friendship between Nations, *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsii* [Philosophy of Social Communications], 2011, no. 4, pp. 162-174. (In Russ.).

Duverger M. *Political Parties*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2002, 560 p. (In Russ.).

Filippova N.A. New Institutes of Civil Participation in Russia as National Variant of Delegative Democracy, *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN* [Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 13, no. 2, pp. 101-114. (In Russ.).

Gallyamov R.R., Goremykina L.I. The Concept of "Social Group" in Modern Science: The Main Theoretical Approaches (Foreign Interpretations), *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika* [Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series: Economy], 2017, no. 3, pp. 133-139. (In Russ.).

Gurvich G.D. *Philosophy and Sociology of Law: Selected Works*, Saint Petersburg, Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, 848 p. (In Russ.).

Hartz-Karp J., Weymouth R. Participatory Budgeting in Australia, *Dias N. (ed.) Hope for Democracy: 30 Years of Participatory Budgeting*, Moscow, Aleks, pp. 403-422. (In Russ.).

Kirszbaum T. Démocratiser l'action publique locale avec les corps intermédiaires associatifs? [Democratizing Local Public Action with Associative Intermediary Bodies?], *Jurisassociations* [Juris Associations], 2016, no. 541, available at: <https://shs.hal.science/halshs-01333678v2> (accessed August 22, 2022). (In French).

Konovalova L.G. The Value of the Free and Imperative Mandate of a Deputy to Ensure Representative Government: The Constitutional Law Theory, *Altaiskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby* [Altai Bulletin of the State and Municipal Service], 2017, no. 15, pp. 57-59. (In Russ.).

Kotok V.F. *Instructions of Voters in a Socialist State: Imperative Mandate*, Moscow, Nauka, 1967, 134 p. (In Russ.).

Nez H. Qui est légitime pour représenter les intérêts de la population? Luites urbaines et institutions participatives en France et en Espagne [Who Has the Legitimacy to Represent People's Interests? Urban Conflicts and Participatory Institutions in France and in Spain], *Revue internationale de politique comparée* [International Journal of Comparative Politics], 2013, vol. 20, no. 1, pp. 7-23. (In French). DOI 10.3917/ripc.201.0007

Rousseau J.-J. *On the Social Contract*, Moscow, KANON-press & Kuchkovo pole, 1998, 416 p. (In Russ.).

Rudenko V.N. Forms of Aleatory Democracy: Genesis and Development, *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN* [Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 18, no. 4, pp. 97-125. (In Russ.).

Sintomer Y. Les sens de la représentation politique: usages et mésusages d'une notion [The Meanings of Political Representation: Uses and Misuses of a Notion], *Raisons politiques* [Political Reasons], 2013, vol. 50, no. 2, pp. 13-34. (In French). DOI 10.3917/rai.050.0013

Türk P. La citoyenneté à l'ère numérique [Citizenship in the Digital Age], *Revue du droit public* [Public Law Journal], 2018, no. 3, available at: <https://hal.univ-cotedazur.fr/hal-02491660> (accessed August 22, 2022). (In French).

Vaskova L.G. Correlation of an Independent Mandate with Duties and Responsibilities of a Deputy of Modern Parliament (Foreign Experience), *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2006, no. 3, pp. 76-80. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Александровна Кокотова

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-9379-5038;
ResearcherID: AAS-8606-2020;
SPIN-код: 1909-8566;
E-mail: kma004@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Kokotova

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-9379-5038;
ResearcherID: AAS-8606-2020;
SPIN-code: 1909-8566;
E-mail: kma004@usla.ru

Книжная полка
новые книги сотрудников
Института философии и права УрО РАН

Shared Shelf
new books by staff,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the RAS

Васечко В.Ю. Наука в политарном обществе: приключения и судьбы ученых в цивилизациях древнего и средневекового Востока. М.: ИНФРА-М, 2022. 373 с.

Монография посвящена выяснению специфики тех социально-исторических и культурных факторов, которые определяют формат исследования вещного мира (Природы, Космоса, Универсума) в социумах политарного типа, под которыми понимаются в первую очередь цивилизации древнего и средневекового Востока. Человечество, избравший для себя в качестве жизненного приоритета занятия естественными науками, находится в политарном обществе под достаточно жестким социальным прессингом как со стороны социальных институтов (главным образом государства и клира), так и со стороны чуждого научным интересам подавляющего большинства населения. Однако в отдельные периоды и при благоприятных обстоятельствах академическое сообщество оказывается здесь вполне способным к самоорганизации и самодеятельности, способным дать успешный ответ на внешние социальные вызовы. Свидетельством этого успеха оказываются многочисленные эпистемологические новации и открытия, которыми изобилует история политаризма, но которые, как правило, не получают дальнейшего развития и оказываются невостребованными по причине неблагоприятного изменения социально-политической конъюнктуры. Социально-исторический и культурологический анализ науки политарных социумов помогает более точно обрисовать универсальную траекторию познания человечеством окружающего мира, а также взглянуть в новом свете на социальные и моральные проблемы, с которыми сталкиваются ученые в последующие эпохи, вплоть до наших дней. Книга адресована ученым, философам, историкам и всем, кто интересуется историей науки, ее местом и ролью в обществе, а также нравственными коллизиями, с которыми так часто сопряжена деятельность ученого-профессионала.

Васильева О.И., Воронцов В.С. «Наш век пройдет. Откроются архивы...»: актуальные проблемы региональной истории в документах архивов Удмуртии. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2022. 346 с.

В книге на основе архивных документов рассмотрены отдельные страницы региональной истории и удмуртского народа периода конца XIX – начала XXI вв. Ана-

лизируются события, оставившие заметный след в истории Удмуртии: Мултанское дело, революционные трансформации 1917 г., создание удмуртской автономии, реализация политики коренизации, становление и развитие национальной школы и др. Исследования дополнены публикацией документов региональных архивов и статистическими материалами. Книга продолжает серию трудов, согласующихся с редакционной политикой научного журнала «Ежегодник финно-угорских исследований». Адресована историкам, этнографам, краеведам, преподавателям, студентам вузов и всем, интересующимся историей Удмуртии.

Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики / О.Ф. Русакова, С.В. Мошкин, Е.Г. Дьякова [и др.]; под общ. ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2022. 378 с.

В коллективной монографии рассматриваются основные структурные компоненты официальной политики памяти, а также проблемы, связанные с противоречиями внутри официального дискурса политики памяти о советском прошлом, к которым относятся: стратегия примирения альтернативных трактовок Октябрьской революции; интерпретации образа Сталина в официальном дискурсе современной политики памяти; выявление причин и следствий распада СССР и др. Особое внимание уделено вопросам изучения истоков и цены Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, нарративному анализу «победных» фраз-клише, педагогическим аспектам изучения политики памяти о Великой Отечественной войне и др. Посредством анализа дискурса российского кинематографа, изучения школьных учебников и проведения социологических исследований раскрываются особенности преломления официального дискурса памяти в современном массовом сознании.

Фишман Л.Г. Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 232 с.

Устройство российского общества долгое время описывалось отечественными социальными науками с помощью адаптированных западных теорий и классификаций. В результате его современное состояние предстало как набор архаических феноменов, сплошное «отклонение» от социальной и политической «нормы». Такие описания отвечали исключительно на вопрос: чего в этом обществе нет? Исследование Л. Фишмана – попытка отказаться от такой парадигмы и описать тектонические сдвиги в коллективной морали, произошедшие в России в конце XX – начале XXI вв., с более гибких позиций. Автор выдвигает тезис о том, что «злые» институты и практики иногда вырастают из вполне благородных норм и ценностей, а людям может не хватить опыта и предвидения, чтобы вмешаться в этот процесс. Читатель узнает, почему сама внутренняя логика советского общества обрекла его на движение к той точке, в которой оно в итоге оказалось – значительную роль в этом сыграла специфическая социалистическая этика добродетели и связанные с ней коллективные практики.

Правила подачи рукописей

1. Рукописи статей в формате .docx или .doc отправляются в редакцию по электронной почте: admin@instlaw.uran.ru.

2. Статьи, представляемые на русском или английском языке, должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право.

3. Принимаются только рукописи ранее не опубликованных, оригинальных работ. Все статьи проверяются на плагиат, самоплагиат и иные формы нарушения этических норм. В случае их обнаружения на любой стадии работы со статьей авторам направляется уведомление об отказе в публикации.

4. Все поступившие рукописи проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию привлекаются как внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи, так и члены редакционной коллегии. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Процедура рецензирования обычно не занимает больше двух месяцев. Однако в случае рекомендации статьи к доработке и повторному рецензированию общий срок ее рассмотрения может быть увеличен до четырех месяцев.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена на доработку или отклонена. При принятии к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Рукопись оформляется в соответствии с принятыми в журнале техническими требованиями. Рекомендуемый объем – от 30 до 60 тысяч знаков с учетом пробелов. Шрифт – 14 Times New Roman, полуторный межстрочный интервал. Текст должен быть отформатирован по ширине без переносов. Абзацный отступ – 1 см (выполняется без использования пробелов или табуляции). Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Основной вид кавычек в текстах на русском языке: « ». Однако, если внутри цитаты есть заковыченный фрагмент, он выделяется с помощью “ ”, а вся цитата – с помощью « ». Основной вид кавычек в текстах на английском языке: “ ”. Подзаголовки основных разделов статьи набираются полужирным шрифтом по центру.

8. В самом начале рукописи, в левом верхнем углу, указывается код УДК. Затем набирается полужирным шрифтом название статьи, под которым указываются имя,

отчество (при наличии), фамилия автора, аффилиация (полное название организации без почтового адреса; возможно указание нескольких организаций), город, страна, адрес электронной почты автора. Далее размещается аннотация объемом от 2000 до 2200 знаков с учетом пробелов. Желательно, чтобы в ней была отражена следующая информация: актуальность, цель, теоретико-методологическая основа, краткое содержание и основные выводы исследования. После аннотации приводится список из 5–10 ключевых слов.

9. В разделе «Благодарности» дается информация о финансировании исследования (финансирующее агентство и номер гранта). Также в этом разделе можно выразить благодарность людям, которые помогли автору в работе над статьей.

10. В конце статьи приводятся сведения об авторе: имя, отчество (при наличии), фамилия, ученая степень, звание, должность и место работы; ORCID; ResearcherID (при наличии); Scopus AuthorID (при наличии); SPIN-код; адрес электронной почты.

11. Информация, указанная в пунктах 8–10 (название статьи, аннотация, ключевые слова, благодарности и информация об авторе), предоставляется также на английском языке.

12. Все таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

13. Библиографический список в конце рукописи включает только научную литературу. Примечания, ссылки на нормативно-правовые акты, статистические данные, интернет-ресурсы, словари, газеты и т.д. оформляются в виде постраничных сносок (12 Times New Roman, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1 см). Внутритекстовые ссылки на научную литературу даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора или составителя (главного или ответственного редактора), год издания и при необходимости после двоеточия страница(ы). Например: (Луман 1999: 204).

14. В Библиографическом списке сначала идут в алфавитном порядке работы на русском языке, затем на иностранных языках. В книге (монографии, сборнике) указывается год, место издания, издательство, общее число страниц. В статье указывается диапазон страниц. При наличии нескольких работ одного автора, вышедших в одном календарном году, к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c..., что отражается и во внутритекстовых ссылках. Если публикация имеет DOI, следует обязательно указать его.

Все представленные в Библиографическом списке работы оформляются также в виде *References* в алфавитном порядке, где источники на кириллице даются в транслитерации и переводе на английский язык: название журнала, сборника – в транслитерации и переводе; заглавие книги или статьи, место издания – только в переводе; издательство – только в транслитерации. Работы на английском языке приводятся без изменений, источники на иных языках также даются в переводе на английский язык.

15. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно. Гонорар автору не выплачивается.

16. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к рукописям и примерами их оформления можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript Submission Guidelines

1. Manuscripts of articles in .docx or .doc format should be sent to the editorial board's email address: admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscripts submitted in Russian or English have to correspond to the subject areas of the Journal – philosophy, political science, and law.

3. Only manuscripts of previously unpublished and original articles are acceptable. All manuscripts are checked for plagiarism, self-plagiarism and other forms of ethical violations. In case of their detection at any stage of editing, the authors are notified of the refusal to publish.

4. Every submitted manuscript is subjected to a double-blind peer review. Peer reviewers involved are both external experts, specialists in the same subject area as the submitted manuscript, and members of the editorial board. If peer reviews fundamentally differ, the article will either be passed for evaluation to a third reviewer, or the decision will be taken by the editorial board itself. The reviewing procedure usually takes no more than two months. However, if the manuscript is recommended for revision and re-reviewing, the total consideration period can be extended to four months.

5. Based on the results of the review, the manuscript may be accepted for publication, sent back to the author for revision, or rejected. When accepted for publication, the article replenishes the editorial portfolio which materials are used for completing the next issues of the Journal.

6. Peer reviews are retained in the editorial office for five years. The editorial board sends reviews or reasonable rejections to the authors. It is also committed to sending copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in case of being requested.

7. The manuscripts should be designed in accordance with the Journal's technical specifications. The recommended length is between 30,000 and 60,000 characters, including spaces. Font – 14 Times New Roman, line spacing – 1.5. Justified text alignment, no automatic hyphenation. First-line indent (without the use of tabs or space) – 1 cm. Page layout: top margin – 2 cm, bottom – 2 cm, left – 3 cm, right – 1.5 cm. The main type of quotation marks in Russian language manuscripts: « ». However, if there is a quoted extract inside the quote, it is marked with “ ”, and the whole quote is marked with « ». The main type of quotation marks in English language manuscripts: “ ”. The subheadings of the main sections of the article are typed in bold in the center of the page.

8. At the very beginning of the manuscript, in the top-left corner, a universal decimal classification (UDC) code should be indicated if possible. Then the article title is typed in bold, under which the author's personal data should be provided: the name, patronymic (if any), and the surname of the author, affiliation (full name without a postal

address; multiple affiliations are permitted), city, country, e-mail of the author. Next, an abstract comprising 2,000–2,200 characters in length (including spaces) is placed. It is advised to contain the following information: relevance, purpose, theoretical and methodological basis, summary, and main conclusions of the study. After the abstract, a list of 5–10 keywords is to be provided.

9. Acknowledgement section includes information on the financial support (the funding agency and the grant number). Also in this section, it is possible to express gratitude to those who helped the author in working on the article.

10. At the end of the manuscript, information about the author should be placed: first name, patronymic (if any), and the surname, academic degree, title, and position held; ORCID; ResearcherID (if any); Scopus AuthorID (if any); SPIN-code (if any); E-mail.

11. The information specified in paragraphs 8–10 (the article title, abstract, keywords, acknowledgements, and information about the author) is also provided in Russian if possible.

12. All tables and figures should be numbered in order of appearance and have captions. They should be both placed within the text of the manuscript and provided in separate files.

13. The Bibliography at the end of the manuscript includes only scientific literature. Notes, links to regulatory legal acts, statistical data, Internet resources, dictionaries, newspapers, etc. are given in the footnotes (12 Times New Roman, single line spacing, first-line indent – 1 cm). In-text references to scholarly sources are placed in parenthesis with the surname of the author or the compiler (chief or responsible editor), the year of publication, and, if necessary, the page(s) after a colon. For example: (Luhmann 1999: 204).

14. The Bibliography first includes alphabetically ordered works in Russian, then in other languages. A book (monograph, collection) indicates the year, place of publication, publisher, and a total number of pages. An article specifies the range of pages. When there are several works of the same author, published in the same calendar year, lowercase letters of the Latin alphabet (a, b, c, etc.) are added to the numerical year designation; this should also be reflected in the in-text references. If the publication has DOI, it is obligatory to be stated.

All works in the Bibliography are also arranged as References in alphabetical order with Cyrillic sources given in transliteration and translation into English: the name of the journal, collection – in transliteration and translation; the title of the book or the article, place of publication – only in translation; the publisher – only in transliteration. Sources originally written in English are given without changes, sources in other languages are also cited in English translation.

15. Publication of accepted articles is free of charge. No honorarium is paid to the author.

16. In addition to the manuscript, the author provides a written consent to display the published article in the electronic databases, as well as a written consent to make public his/ her personal data.

More detailed information about manuscript submission guidelines and design samples are provided on the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 23

Выпуск 2

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *И.И. Арсентьева*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 20.06.2023 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,3 Уч.-изд. л. 11,8
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.